



Учредитель — учреждение образования «Барановичский государственный университет».

2013

Свидетельство о регистрации в Министерстве информации Республики Беларусь от 30 июля 2012 г. № 1533.

Серия: ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

В серии научно-практического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области отечественной истории, всеобщей истории; экономики и управления народным хозяйством; теории и истории права и государства, истории учений о праве и государстве, конституционного права, конституционного процесса, муниципального права, гражданского права, предпринимательского права, семейного права, международного частного права.

Редакционная коллегия:

д-р с.-х. наук, проф. В. И. Кочурко (гл. ред.);
канд. филол. наук, доц. А. В. Никишова (зам. гл. ред.);
канд. пед. наук, доц. Е. И. Пономарёва (отв. ред.);
канд. экон. наук, доц. Г. Я. Житкевич (отв. ред. сер.);
канд. пед. наук, доц. Н. А. Егорова
(ред. текстов на англ. яз.);
Е. Г. Хохол (ведущий ред.)

Исторические науки и археология:

канд. ист. наук А. В. Демидович,
отв. за направление (Барановичи);
д-р ист. наук, проф. Д. В. Карев (Гродно);
канд. ист. наук, доц. З. Н. Козлова (Барановичи);
д-р ист. наук, проф. В. И. Кузьменко (Минск);
канд. ист. наук А. В. Литвинский (Барановичи);
д-р ист. наук, проф. А. М. Лютый (Минск);
д-р ист. наук, проф. А. Н. Нечухрин (Гродно);
канд. ист. наук, доц. Л. С. Одинец (Барановичи);
канд. ист. наук Ю. В. Черняк (Барановичи)

Экономические науки:

канд. экон. наук, доц. Л. А. Захарченко
отв. за направление (Брест);

канд. экон. наук, доц. В. А. Безуглая (Барановичи);
канд. экон. наук, доц. В. Л. Гурский (Минск);
д-р экон. наук, проф. А. В. Данильченко (Минск);
д-р экон. наук, проф. А. А. Касич
(Кременчуг, Украина);
канд. экон. наук, доц. Г. Б. Медведева (Брест);
д-р экон. наук, проф. Т. В. Момот
(Харьков, Украина);
канд. экон. наук, доц. А. М. Омелянюк (Брест);
д-р экон. наук, доц. С. Ю. Солодовников (Минск);
д-р экон. наук, проф. А. П. Шевлюков (Гомель)

Юридические науки:

канд. юрид. наук М. В. Андрияшко,
отв. за направление (Барановичи);
д-р юрид. наук, проф. Г. А. Василевич (Минск);
д-р ист. наук, проф. А. Ф. Вишневецкий (Минск);
д-р юрид. наук, проф. Д. М. Демичев (Минск);
канд. юрид. наук, доц. Р. М. Ключко (Гродно);
канд. юрид. наук, доц. И. Н. Колядко (Минск);
канд. юрид. наук, доц. И. П. Манкевич (Минск);
д-р юрид. наук, доц. Я. И. Функ (Минск);
д-р юрид. наук, проф. Н. Г. Юркевич (Минск)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Демидович А. В. Оценка влияния западноевропейской культуры на формирование мировоззрения шляхты Великого Княжества Литовского в российской дореволюционной историографии	7
Королёва Г. И. Изменения в повседневной жизни крестьян небольших сельских поселений Украины под влиянием государственной политики СССР (конец 1950 — середина 1980-х годов)	15
Кривуля О. А. Женщина и семья: создание основ брачно-семейного законодательства на Украине (20-е годы XX века)	21

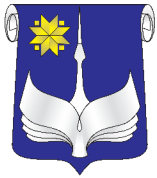
Кривуть В. И. Стрелецкий союз и реализация правительственной молодёжной политики на территории Западной Беларуси	27
Кручковский Т. Т. Причины образования польского шляхетского государственного устройства в оценке русской историографии XIX — начала XX веков	33
Михайлюк В. В. Адаптация инвалидов Великой Отечественной войны к повседневной жизни Донбасса (1943—1945 годы)	40

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Авраменко А. И. Экономическая свобода и экономическая безопасность	46
Безручко О. А. Диагностика экономического потенциала предприятия в условиях цикличности деятельности предприятия	57
Житкевич Г. Я., Бертош Е. В. Модели международного трансфера технологий	67
Кисель Е. И. Особенности построения логистических систем в условиях мобильного строительного производства	72
Климук В. В. Региональное экономическое состояние Калининградской и Брестской областей	77
Маслак О. И., Гришко Н. Е. Формирование сценариев превентивного управления экономической безопасностью предприятия на основе применения методов многокритериальной оптимизации	85
Шиян Н. И. Влияние структуры скотоводства на окупаемость затрат в отрасли	91

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вишневский А. А. Экономическая безопасность как необходимое условие существования современного государства	99
Каменков В. С., Куницкая О. М. Правовое обеспечение развития государственно-частного партнёрства в зарубежных странах (обзорная статья)	105
Таранова Т. С. Обеспечение нотариусом доказательств, требующихся для ведения дел в органах иностранных государств	110



Заснавальнік — установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт».
Пасведчанне аб рэгістрацыі ў Міністэрстве інфармацыі Рэспублікі Беларусь
ад 30 ліпеня 2012 г. № 1533.

**Серыя: ГІСТАРЫЧНЫЯ НАВУКІ І АРХЕАЛОГІЯ. ЭКАНАМІЧНЫЯ НАВУКІ.
ЮРЫДЫЧНЫЯ НАВУКІ**

У серыі навукова-практычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаванне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне айчыннай гісторыі, усеагульнай гісторыі; эканомікі і кіравання народнай гаспадаркай; тэорыі і гісторыі права і дзяржавы, канстытуцыйнага права, канстытуцыйнага працэса, муніцыпальнага права, грамадзянскага права, прадпрымальніцкага права, сямейнага права, міжнароднага прыватнага права.

Рэдакцыйная калегія:

д-р с.-г. навук, праф. В. І. Качурка (гал. рэд.);
канд. філал. навук, дац. А. В. Нікішова (нам. гал. рэд.);
канд. пед. навук, дац. А. І. Панамарова (адк. рэд.);
канд. экан. навук, дац. Г. Я. Жыткевіч (адк. рэд. сер.);
канд. пед. навук, дац. Н. А. Ягорава
(рэд. тэкстаў на англ. мове);
А. Г. Хахол (вядучы рэд.)

Гістарычныя навукі і археалогія:

канд. гіст. навук А. В. Дземідовіч,
адк. за напрамак (Баранавічы);
канд. гіст. навук Л. С. Адзінец (Баранавічы);
канд. гіст. навук, дац. З. М. Казлова (Баранавічы);
д-р гіст. навук, праф. Д. В. Караў (Гродна);
д-р гіст. навук, праф. У. І. Кузьменка (Мінск);
канд. гіст. навук А. У. Літвінскі (Баранавічы);
д-р гіст. навук, праф. А. М. Люты (Мінск);
д-р гіст. навук, праф. А. М. Нечухрын (Гродна);
канд. гіст. навук Ю. У. Чарняк (Баранавічы)

Эканамічныя навукі:

канд. экан. навук, дац. Л. А. Захарчанка,
адк. за напрамак (Брэст);

канд. экан. навук, дац. А. М. Амелянюк (Брэст);
канд. экан. навук, дац. В. А. Бязуглая (Баранавічы);
канд. экан. навук, дац. В. Л. Гурскі (Мінск);
д-р экан. навук, дац. А. В. Данільчанка (Мінск);
д-р экан. навук, дац. А. А. Касіч
(Крамянчуг, Украіна);
д-р экан. навук, дац. Т. В. Момат (Харкаў, Украіна);
канд. экан. навук, дац. Г. Б. Мядзведзева (Брэст);
д-р экан. навук С. Ю. Саладоўнікаў (Мінск);
д-р экан. навук, праф. А. П. Шаўлюкоў (Гомель)

Юрыдычныя навукі:

канд. юрыд. навук М. В. Андрыяшка,
адк. за напрамак (Баранавічы);
д-р юрыд. навук, праф. Р. А. Васілевіч (Мінск);
д-р гіст. навук, праф. А. Ф. Вішнеўскі (Мінск);
д-р юрыд. навук, праф. Д. М. Дземічаў (Мінск);
канд. юрыд. навук І. М. Калядка (Мінск);
канд. юрыд. навук, дац. Р. М. Ключко (Гродна);
канд. юрыд. навук, дац. І. П. Манкевіч (Мінск);
д-р юрыд. навук, дац. Я. І. Функ (Мінск);
д-р юрыд. навук, праф. М. Р. Юркевіч (Мінск)

ЗМЕСТ

ГІСТАРЫЧНЫЯ НАВУКІ І АРХЕАЛОГІЯ

Дземідовіч А. В. Ацэнка ўплыву заходнееўрапейскай культуры на фарміраванне светапогляду шляхты Вялікага Княства Літоўскага ў расійскай дарэвалюцыйнай гістарыяграфіі	7
Каралёва Г. І. Змены ў штодзённым жыцці сялян невялікіх сельскіх паселішчаў Украіны пад уплывам дзяржаўнай палітыкі СССР (канец 1950 — сярэдзіна 1980-х гадоў)	15
Крывуля В. А. Жанчына і сям'я: стварэнне асноў шлюбна-сямейнага заканадаўства ва Украіне (20-я гады XX стагоддзя)	21
Крывуць В. І. Стралецкі саюз і рэалізацыя ўрадавай маладзёжнай палітыкі на тэрыторыі Заходняй Беларусі	27
Кручкоўскі Т. Т. Прычыны ўтварэння польскага шляхецкага дзяржаўнага парадку ў ацэнцы рускай гістарыяграфіі XIX — пачатку XX стагоддзяў	33
Міхайлюк У. В. Адаптацыя інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны да штодзённага жыцця Данбасу (1943—1945 гады)	40

ЭКАНАМІЧНЫЯ НАВУКІ

Аўраменка А. І. Эканамічная свабода і эканамічная бяспека	46
Бязручка В. А. Дыягностыка эканамічнага патэнцыялу прадпрыемства ва ўмовах цыклічнасці дзейнасці прадпрыемства	57
Жыткевіч Г. Я., Берташ А. В. Мадэлі міжнароднага трансфера тэхналогій	67
Кісель А. І. Асаблівасці пабудовы лагістычных сістэм ва ўмовах мабільнай будаўнічай вытворчасці	72
Клімук У. У. Рэгіянальны эканамічны стан Калінінградскай і Брэсцкай абласцей	77
Маслак В. І., Грышко Н. Я. Фарміраванне сцэнарыяў прэвентыўнага кіравання эканамічнай бяспекай прадпрыемства на аснове выкарыстання метадаў шматкрытэрыяльнай аптымізацыі	85
Шыян Н. І. Уплыў структуры жывёлагадоўлі на акупнасць затрат у галіне	91

ЮРЫДЫЧНЫЯ НАВУКІ

Вішнеўскі А. А. Эканамічная бяспека як неабходная ўмова існавання сучаснай дзяржавы	99
Камянкоў В. С., Куніцкая В. М. Прававое забеспячэнне дзяржаўна-прыватнага партнёрства ў замежных краінах (аглядавы артыкул)	105
Таранав Т. С. Забеспячэнне натарыусам доказаў, якія патрабуюцца для вядзення спраў у органах замежных дзяржаў	110



Founder — the Educational Institution “Baranovichi State University”.
Certificate of registration in the Ministry of Information of the Republic of Belarus
№ 1533 dated July 30, 2012.

Series: **HISTORY OF SCIENCE AND ARCHAEOLOGY. ECONOMICS. LAWS**

In the series of the scientific journal there are peer-reviewed articles containing new scientific results in the field of national history, world history, economics, and the management of national economy, the theory and history of law and government, the history of the state and law, constitutional law, constitutional process; municipal law, civil law, business law, family law, private international law.

Editorial board:

Dr. Sci., Prof. V. I. Kochurko (Editor-in-Chief);
Dr. A. V. Nikishova (Deputy Editor-in-Chief);
Dr. Ye. I. Ponomaryova (Executive Editor);
Dr. G. Ja. Zhitkevich (Series Executive Editor);
Dr. N. A. Egorova (English Text Editor) (Minsk);
Ye. G. Khokhol (Senior Editor)

History of science and archaeology:

Dr. A. V. Demidovich, respons. for the
topic area (Baranovichi);
Dr. Sci., Prof. D. V. Karev (Grodno);
Dr. Z. N. Kozlova (Baranovichi);
Dr. Sci., Prof. V. I. Kuzmenko (Minsk);
Dr. A. V. Litvinskij (Baranovichi);
Dr. A. M. Lutyj (Minsk);
Dr. Sci., Prof. A. N. Nechukhrin (Grodno);
Dr. L. S. Odinets (Baranovichi);
Dr. Ju. V. Chernjak (Baranovichi)

Economics science:

Dr. L. A. Zakharchenko,
respons. for the topic area (Brest);
Dr. V. A. Bezuglaja (Baranovichi);

Dr. V. L. Gurskij (Minsk);
Dr. Sci., Prof. A. V. Danilchenko (Minsk);
Dr. Sci., Prof. A. A. Kasich
(Kremenchug, Ukraina);
Dr. G. B. Medvedeva (Brest);
Dr. Sci., Prof. T. V. Momot
(Kharkov, Ukraina);
Dr. A. M. Omeljanjuk (Brest);
Dr. S. Ju. Solodovnikov (Minsk);
Dr. Sci., Prof. A. P. Shevlukov (Gomel)

Laws science:

Dr. M. V. Andrijashko,
respons. for the topic area (Baranovichi);
Dr. Sci., Prof. G. A. Vasilevich (Minsk);
Dr. Sci., Prof. A. F. Vishnevskij (Minsk);
Dr. Sci., Prof. D. M. Demichev (Minsk);
Dr. R. M. Klushko (Grodno);
Dr. I. N. Koladko (Minsk);
Dr. I. P. Mankevich (Minsk);
Dr. Sci., Prof. Ja. I. Funk (Minsk);
Dr. Sci., Prof. N. G. Jurkevich (Minsk)

CONTENTS

HISTORY OF SCIENCE AND ARCHAEOLOGY

Demidovich A. V. Assessing the impact of western culture on shaping the worldview of the gentry of the Grand Duchy of Lithuania in the pre-revolutionary Russian historiography	7
Koroleva G. I. Changes in the farmers' daily life in small rural settlements of Ukraine under the influence of the public policy of the USSR (the late 1950s — the mid 1980s)	15
Krivulya O. A. Woman and Family: Creating the foundations of marriage and family law in Ukraine (the 1920s)	21
Krivut V. I. The Archers' Union and the implementation of the government's youth policy in Western Belarus . . .	27

Kruczkowski T. T. Causes of Reasons for Polish government gentry appearance in evaluation of Russian historiography of the XIX — the early XX centuries.	33
Mikhailyuk V. V. Adaptation of the Great Patriotic War disabled people to the daily life of Donbass (1943—1945)	40

ECONOMICS

Avramenko A. I. Economic freedom and economic security	46
Bezruchko O. A. Studying the economic potential of the company in terms of its cyclic recurrence functioning . . .	57
Zhitkevich G. Ya., Bertosh E. V. Models of international technology transfer	67
Kisel E. I. Features of of logistics systems formation in mobile construction industry	72
Klimuk V. V. Regional economic status of Kaliningrad and Brest regions	77
Maslak O. I., Grishko N. E. Formation of scenarios preventive management for economic safety on the basis of multicriterion optimization methods application.	85
Shiyan N. I. Structure influence of cattle breeding on the cost recovery in the industry	91

LAWS

Vishnevski A. A. Economic security as a necessary condition for the existence of the modern state	99
Kamenkov V. S., Kunitskaya O. M. Legal development of public-private partnerships in foreign countries (review)	105
Taranova T. S. Providing notary proofs required to conduct business in the bodies of foreign states	110

УДК 930.1

А. В. Демидович

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ШЛЯХТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В РОССИЙСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Освещается влияние западноевропейской культуры на формирование мировоззрения шляхетского сословия Великого Княжества Литовского (далее — ВКЛ) в оценке российской дореволюционной историографии. Отношение российских историков к рассматриваемой проблематике отличалось значительным расхождением как положительных, так и отрицательных оценок. Признавая факт позитивного влияния западноевропейской культуры на развитие ВКЛ, российские историки рассматривали культуру шляхты княжества как неотъемлемую часть русской православной культуры и к проблеме её ориентации на западноевропейский путь развития относились весьма противоречиво. Важным шагом российской позитивистской историографии в исследовании эволюции шляхетского общества явилось выдвижение на первый план социально-экономического фактора.

Введение. Решение актуальных проблем, стоящих сегодня перед обществом Республики Беларусь (формирование суверенитета, развитие социально-ориентированной рыночной экономики, эффективной государственной идеологии, сохранение культурной идентичности белорусского народа в условиях мировой глобализации), невозможно без глубокого исторического осмысления особенностей культурного отечественного наследия, специфики развития общественно-исторической мысли Беларуси.

В последнее время исследователи активно разрабатывают широкий спектр тем по проблеме диалога культур. В их число входит и вопрос о значении и влиянии западноевропейской культуры на развитие ВКЛ. Эта тема связана с попыткой нового концептуального осмысления белорусскими исследователями роли западноевропейской культуры в духовной и социально-экономической жизни Беларуси. Среди учёных выясняется степень западноевропейского

воздействия на культуру ВКЛ, обсуждается характер трансформации, которую претерпели западноевропейские элементы на отечественной почве, идёт дискуссия по вопросам терминологии для обозначения культурных взаимодействий (влияние, мимесис, диалог и т. п.).

До настоящего времени в белорусской исторической науке проблема влияния западноевропейской культуры на формирование мировоззрения шляхты ВКЛ в российской дореволюционной историографии не являлась предметом системного изучения. Основной трудностью, с которой сталкиваются исследователи, является отсутствие обобщающего историографического исследования по истории культуры шляхты ВКЛ. Публикации научных работ по данной проблематике не подвергались комплексному анализу в целях установления степени их репрезентативности. Наличие в предшествующей российской и белорусской историографии противоречивых и зачастую взаимоисключающих оценок истории развития

западноевропейской культуры в ВКЛ в значительной степени затрудняет их всестороннее использование в научных исследованиях, разработке и создании полноценных университетских и школьных программ и учебников по истории культуры ВКЛ. Поэтому выявление специфики научно-исторического интереса российских и белорусских исследователей второй половины XIX — начала XX века к культурному наследию ВКЛ представляется актуальным.

Научная актуальность исследования влияния западноевропейской культуры на духовную жизнь ВКЛ в белорусской исторической науке определила основную цель статьи: на основе системного анализа раскрыть проблемное поле и специфику основных этапов изучения влияния западноевропейской культуры на формирование мировоззрения шляхты ВКЛ в российской дореволюционной историографии.

Представленное исследование проводится в рамках приоритетной тематики научно-исследовательской работы кафедры социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Барановичский государственный университет» и кафедры всеобщей истории учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» и является продолжением исследований по изучению мировой и отечественной историографии. Статья посвящена приоритетной для кафедры проблематике, связанной с разработками в области историографии, источниковедения и методов исторических исследований.

В российской дореволюционной, советской и постсоветской белорусской исторической науке обобщающих работ, посвящённых историографии влияния западноевропейской культуры на формирование мировоззрения шляхты ВКЛ, не создано. Основная часть исторической литературы касалась лишь отдельных сторон исследуемого предмета.

Статья базируется на историографических источниках дореволюционной российской исторической литературы, в частности,

приоритетное место отводится трудам историков-западнорусистов: М. О. Кояловича, В. Б. Антоновича, Ф. И. Леонтовича, Н. П. Дашкевича. Рассматриваются и обобщаются взгляды и позиции по рассматриваемой тематике известных представителей российской исторической науки: С. М. Соловьёва, Н. И. Костомарова, В. О. Ключевского, Д. И. Иловайского, А. Л. Погодина, Н. И. Кареева. Особое место уделяется исследованиям историков-позитивистов: М. С. Грушевского, М. К. Довнар-Запольского, И. И. Лаппо, М. К. Любавского.

Методология и методы исследования.

Методология данного исследования predetermined необходимостью применения системного подхода, учитывающего современные общенаучные достижения, методы собственно историографического исследования, а также методологию изучения художественной культуры в рамках философии культуры и культурологии. Теоретико-методологическую основу статьи составляют принципы объективности и историзма. Важным при написании статьи оказался ценностный подход, позволивший из многочисленных исторических фактов избрать наиболее актуальные по исследуемой теме. Для освещения рассматриваемой проблемы в статье широко использовались как общенаучные методы (обобщение, анализ, синтез, сравнение, индукция и дедукция, классификация и типологизация), так и традиционные специально-исторические методы исторического познания, используемые в современной историографии: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный.

Организация исследования. Данная статья является комплексным исследованием российской историографии второй половины XIX — начала XX века, посвящённой рассматриваемой проблематике. Представленное исследование локализовано хронологически и тематически.

При подготовке статьи автор придерживался точки зрения концептуального видения культуры ВКЛ, предложенного С. А. Подохиным. Учёный подчёркивает, что культура ВКЛ (XV — начало XVII века) обуславливалась позитивными изменениями в экономической, социально-политической и духовно-культурной жизни общества, развитием городов, активизацией шляхетского движения за реформирование общественно-государственных институтов страны, реформационным движением. Существенным моментом культуры ВКЛ является становление национальных культур народов княжества в условиях незавершённого процесса этнической дифференциации.

Следовательно, выбор автором статьи рассматриваемой тематики исследований российской историографии второй половины XIX — начала XX века не случаен. Культура шляхетского сословия ВКЛ представляет собой неотъемлемую часть культуры народов княжества. Шляхта играла значительную роль во всех сферах общественной жизни и непосредственным образом способствовала распространению в духовной жизни народов ВКЛ западноевропейских идей и представлений эпохи Возрождения.

При определении хронологических рамок предмета исследования (вторая половина XIX — начало XX века) учитывались временные рубежи исторического познания, обусловленные ходом и содержанием исторического процесса, внутренними закономерностями развития исторической науки.

Во-первых, следует учесть, что в 60-е годы XIX века в российской исторической науке и философской мысли возникает усиленный интерес к позитивизму, который в российской исторической науке на протяжении второй половины XIX — начала XX века являлся основной методологической базой научных изысканий и внёс огромный вклад в исследование рассматриваемой проблематики.

Во-вторых, в российской общественной мысли возникли ключевые философско-исторические концепции выбора пути цивили-

зационного развития народов Российской империи. По своим философско-историческим построениям исследователи разделились на западников, славянофилов, евразийцев, западнорусистов. В российском дореволюционном обществе активно велась дискуссия о путях развития России, её особой миссии в мировой истории, роли и влиянии византизма и западноевропейской цивилизации в отечественной судьбе. В контексте этой тематики изучался более узкий вопрос о специфических чертах мировоззрения шляхты ВКЛ.

В-третьих, в российской историографии в рассматриваемый период оформились по своему политическому аспекту консервативно-дворянское, либеральное и народническо-демократическое направления, внёсшие определенную идеологическую струю в исследование рассматриваемой проблематики, а также сформировались основные исследовательские центры в Киевском, Московском и Петербургском университетах.

В-четвёртых, для белорусской историографии данная тематика важна в том отношении, что становление белорусской исторической науки приходится на вторую половину XIX — начало XX века. Она формировалась в лоне российской историографии, и, следовательно, изучение опыта развития последней чрезвычайно важно для понимания процессов, протекавших в белорусской исторической науке. Поэтому в белорусской историографии рассматриваемого периода ощущается определённая преемственность российских исследовательских традиций в постановке рассматриваемой проблемы. Автор подчёркивает, что в исследовании не разделяет представителей исторической науки Российской империи до 1917 года по национальному аспекту, дифференцируя их по принадлежности к историческим направлениям и школам.

Следует отметить, что в статье автор вынес за рамки предмета исследования период российской историографии конца XVIII — первой половины XIX века по той причине, что исследователи данной эпохи изучали

культуру ВКЛ в основном в области археологии, этнографии, фольклористики и краеведения и не сделали обобщающих исторических выводов по рассматриваемой проблематике.

Таким образом, в исследовании рассматриваемой проблемы в российской дореволюционной историографии автор статьи выделяет два основных периода:

1) 50-е — начало 80-х годов XIX века — период оформления первых концептуальных подходов в освещении культуры ВКЛ. В это время исследователи испытывали на себе сильное влияние идеологических установок правительства и философско-исторических идей славянофильства, освещая культуру ВКЛ главным образом с позиций «официально-охранительной версии» исторического видения прошлого края. Тем не менее, в этот период происходил активный сбор источников по культуре шляхты ВКЛ, а также велись исследования в области социально-экономической и идеологической жизни шляхты;

2) середина 80-х годов XIX века — 1917 год. В российской и зарождающейся белорусской историографии под влиянием идей позитивизма (в частности, факторного подхода) наблюдается эволюция концептуальных взглядов, что приводит к изменению исследовательских позиций по вопросам культуры шляхты ВКЛ. Историки акцентируют внимание на социально-экономических проблемах ВКЛ и выделяют культурологическую проблематику (вопросы реформационного движения, литературы и, частично, искусства) в отдельную область научных исследований. В этот период на научную арену выходят представители молодой белорусской национальной интеллигенции, что находит своё отражение в исследовательских позициях и приводит к формированию инновационных выводов по шляхетской проблематике.

Конечно, с точки зрения современной исторической науки далеко не все выводы российской дореволюционной историографии являются равноценными и выдержали проверку временем. В то же время изучение методологических систем и концепций, вы-

двинутых исследователями указанного периода, может способствовать решению ряда дискуссионных проблем по теме культуры шляхты ВКЛ.

Результаты исследования и их обсуждение. Пионерами в разработке проблемы влияния западноевропейской культуры на формирование мировоззрения шляхты выступили представители исторической школы «западнорусизма». Так, М. О. Коялович выдвигал тезис о бесклассовом характере «западнорусского общества». Происхождение шляхты историк связывал с польским влиянием и утверждал, что шляхетское сословие как социальный институт было абсолютно чужеродным явлением для западнорусской жизни [1, с. 50]. Рост могущества шляхетского сословия и его полонизация, по заключению учёного, привели не только к потере национального развития и подписанию Люблинской унии, но и явились причиной национально-религиозной борьбы [2, с. 253].

В методологическом плане проблему полонизации шляхты М. О. Коялович свёл к национально-конфессиональному противостоянию русской и польской культур. Исследователь обвинял шляхетское сословие в распространении веяний западноевропейской жизни и видел в её лице первопричину всех бедствий в стране: «Страшное порабощение простого русского народа в крепостное состояние, наряду с другими великими бедствиями, было перенесено в Западную Россию поляками вместе с польской теорией шляхетства и католицизмом» [1, с. 61].

Начиная с 60-х годов XIX века, приоритетное место в исследовании рассматриваемой тематики занимает В. Б. Антонович. Киевский историк, изучая историю ВКЛ, проводил идею о противостоянии двух культур: шляхетской (польско-католической) и народной (русско-православной). Развивая теорию о бесклассовости «литовско-русского общества», исследователь связал генезис шляхетского сословия с польским влиянием и обвинил шляхту в распространении западных идей, чуждых русской культуре [3, с. 42].

Идею о рецепции «земского права» польской шляхты проводил Ф. И. Леонтович, по мнению которого, «уравнение» литовско-русского боярства с польской шляхтой преследовало полонизаторскую цель и желание поляков инкорпорировать ВКЛ. Эта задача осуществлялась, по убеждению учёного, путём образования в среде правящего класса княжества особого «стана» католической шляхты — «попешного и ревностного проводника миссионерских и политических тенденций католической Речи Посполитой» [4, с. 26].

Сословную градацию шляхты исследователь объяснял не только социально-экономическим фактором, но и национально-конфессиональной принадлежностью [5, с. 58]. В результате общей шляхетской нивелировки, по убеждению Ф. И. Леонтовича, привилегированный класс утратил национальное русское самосознание. «Сословный эгоизм и полнейшая отрешённость от народной жизни — одна из причин шаткости двухвековой истории Речи Посполитой. Она не смогла свести счёты с взятой ею на себя культурной сословно-шляхетской идеей: претворить её в культуру более широких и плодотворных начал — национальных и общечеловеческих» [5, с. 47].

Во второй половине XIX века в российской историографии появляются специальные работы, посвящённые непосредственно культуре шляхетского сословия. Как считал Н. С. Тумасов, в результате культурного влияния со стороны Польши, обладающей более высоким потенциалом в области образования, культура «русского дворянского сословия» изменялась на польский лад [6, с. 8]. Исследователь отметил проникновение в сферу образования шляхетского сословия передовых западноевропейских идей и представлений, но подчеркнул, что в целом шляхта относилась к образованию довольно пассивно [6, с. 30]. Опираясь на свидетельства современников, историк описывал нравы и обычаи привилегированного класса, их быт, гардероб, питание, занятия и т. п., замечая, что в жизнь шляхетского сословия довольно активно про-

никали элементы западноевропейской культуры, в частности, итальянской [6, с. 32].

По мнению Н. П. Дашкевича, взаимодействие трёх культурных начал (литовского, русского и польского) после 1387 года резко изменило свой характер под воздействием политической и религиозной экспансии Польши и Ватикана. Исследователь попытался определить роль шляхты в культурном противостоянии цивилизаций. По мнению историка, «масса народа» почти не участвовала в этой борьбе, так как народ первоначально не ощущал жёсткого национально-религиозного угнетения. «Не удивительно поэтому, что в оппозиции литовско-польским государям до Люблинской унии передовое место принадлежало не низшим, а высшим классам народа. Во главе национального русского движения стояла руководившая партия литовско-русских князей и магнатов. На них, прежде всего, падает ответственность за печальную судьбу западнорусской народности...» [7, с. 316].

Таким образом, в российской историографии 50 — начала 80-х годов XIX века политизированная и клерикально-тенденциозная трактовка шляхетской проблематики свела всю сложность вопроса к национально-религиозному аспекту. В трудах российских историков данного периода духовная жизнь народов ВКЛ рассматривалась в русле развития общерусской православной культуры, поэтому работы, посвящённые культуре шляхетского сословия, преследовали определённую цель — обосновать «русское начало» высшего класса общества. Российская историография, опираясь на теорию внешнего заимствования, стремилась доказать, что проникновение западноевропейских идей и представлений в духовную жизнь «православного литовско-русского дворянства» имело искусственный характер посредством влияния Польши и негативно сказалось на социально-культурном развитии ВКЛ.

В российской исторической науке шляхетская проблематика активно поднималась в контексте философско-исторических дискуссий по поводу цивилизационного

выбора пути развития России. Эта проблема была самым тесным образом связана с польским вопросом в России. В славянофильской концепции место ВКЛ определялось как часть общерусского православного мира, к которому княжество должно вернуться. Основными препятствиями здесь являлись, согласно российской историографии славянофильской направленности, католичество, польское влияние во всех сферах жизни, а также ополяченная шляхта.

Учёный Н. И. Костомаров отметил, что в результате проникновения в «русское высшее общество» польских нравов и воззрений «польско-литовская Русь» приняла особую «физиономию», отличающую её от северо-восточной Руси. Основную причину полонизации шляхетского сословия историк усматривал не только в «умственном преобладании Польши, где наступила эпоха духовного Возрождения», но и в социально-экономических выгодах польской шляхты, что очень сильно привлекало «русское шляхетство к подчинению польскому цивилизационному влиянию» [8, с. 541].

В свою очередь Д. И. Иловайский утверждал, что определённую роль в подчинении польской культуре имели идеи «мирового движения Возрождения и Реформации». Он писал: «Западная Русь, при всей отсталости в образовании и своей гражданской культуры, должна была во многом подчиниться влиянию расцвета польской образованности и наружного лоска западноевропейской цивилизации, отражавшейся на польских нравах и обычаях» [9, с. 600]. Русский историк указал на обратное русское влияние на польскую культуру. «В высших слоях Западной Руси в результате смешения обеих народностей начал выработываться новый тип: польско-русский. Русь полячилась, а Польша русела, — констатировал историк, — из ополячивающихся русских фамилий вышли многие общественные деятели Польши» [9, с. 601].

Сторонники западного пути развития России на всём протяжении исследуемого периода не были едины в оценке западноевропейского влияния, часто допускали

в своих концептуальных построениях элементы славянофильских теорий: идеализации роли православной церкви, особой исторической миссии русского народа. С. М. Соловьёв утверждал, что славянские народы Речи Посполитой, преждевременно, не окрепнув, вошли в столкновение с западным миром, утратили самостоятельность, а некоторые — и народность [10, с. 3]. По утверждению И. П. Филевича, западный выбор Польши способствовал изменению славянского организма под немецким влиянием, что привело к перерождению церкви, слабости городов и шляхетской анархии [11, с. 21]. Исследователь А. Л. Погодин видел историческую миссию Польши как государства, ставшего посредником в передаче западных цивилизационных ценностей [12, с. 22].

Принципиально новый подход к культуре шляхетского сословия в ВКЛ был осуществлён в российской позитивистской историографии. В основе позитивистской философии истории XIX века лежала теория исторического прогресса, в рамках которой большинство историков отстаивали идею сближения России и Европы, не отрицая при этом особенности исторического развития России. Учёный В. О. Ключевский подверг переоценке традиционные представления российской исторической науки о противоположных путях развития русской и европейской цивилизации. Культурное развитие шляхты ВКЛ, по мнению историка, было обусловлено не только духовными заимствованиями, но также и социально-экономическим развитием местной шляхты [13, с. 88].

Несмотря на сильное польское влияние, утверждал М. К. Любавский, шляхта ВКЛ сохранила свои русские черты, однако ополячилась [14, с. 16]. «Белорусское племя, — писал историк, — не имело своей государственности, и поэтому его история есть преимущественно история отдельной разновидности национальной русской культуры... Шляхетское сословие, отделившись от народа, теперь стало польским по языку, вере, по всему устройству быта, чувств и мыслей» [14, с. 7].

Представителей историко-правовой школы М. К. Любавский критиковал за односторонность позиции, согласно которой обособление шляхетского сословия происходило по внешнеполитической причине. По убеждению учёного, консолидация шляхты была связана, в первую очередь, не с военной необходимостью, а с экономическими мероприятиями, направленными на преобразование государственного хозяйства и нашедшими своё полное выражение в Уставе 1557 года и активной сеймовой борьбе [15, с. 448].

Таким образом, М. К. Любавский, используя в исследовании шляхетской проблематики социально-экономический подход, опровергал главные теоретические положения историко-правовой школы о решающей роли немецко-польского права и культурного западноевропейского (польского) влияния в процессе формирования и развития шляхетского сословия ВКЛ и выдвигал тезис о генезисе шляхетского сословия как закономерном и внутренне обусловленном процессе.

Оспаривая приоритетную роль «польского влияния», М. В. Довнар-Запольский выстраивал свою позицию на идее внутренней эволюции шляхты ВКЛ. Исследователь придерживался мнения, что в результате аграрных мероприятий правительства и введения магдебургского права произошла резкая дифференциация общества по сословному признаку, вызвавшая социальную конфронтацию. Однако киевский учёный не связывал данный процесс с искусственным насаждением «польских порядков», а считал это следствием социально-экономических преобразований внутри страны [16, с. 306].

Исследователь М. С. Грушевский подчеркнул, что пик возвышения шляхетского сословия пришёлся на период проведения экономических реформ в стране и был непосредственно связан с ними [17, с. 150]. Историк, придавая большое значение влиянию польской культуры, отметил, что она находилась в периоде своего расцвета, переживала «золотой век» литературы, граж-

данской жизни, парламентаризма и поэтому очень быстро подчинила литовскую шляхту своему влиянию. По заключению исследователя, развитие литературы во второй половине XVI века состояло в тесной связи с общественным движением шляхты, взявшей на себя в это время главную роль в деле распространения западноевропейской культуры [17, с. 347].

Характеризуя источники интеллектуального и общественно-политического развития шляхты, И. И. Лаппо отметил значительное влияние идей и представлений эпохи Возрождения на формирование мировоззренческой позиции шляхты [18, с. 499]. Исследователь обратил внимание на положительные стороны католической школы и иезуитского образования в ВКЛ, проявляющиеся в распространении передовых западноевропейских идей в сфере образования и просвещения. Историк определил место ВКЛ как посредника в деле трансформации культуры между Западной и Восточной Европой: «Это было тем легче, что западная культура усваивалась самой Литвой на почве русской старины» [18, с. V].

Придерживаясь взгляда, что Речь Посполитая, как результат западного влияния, сделалась могущественной и образованной славянской державой, Н. И. Кареев [19, с. 181]. Торговые и культурные отношения между ВКЛ и Западной Европой, влияние гуманистического образования и просвещения, наплыв иностранцев, отмечал исследователь, распространяли в шляхетском обществе итальянские идеи и представления, придавая гуманистический характер польской образованности. «В политических и юридических идеях, взятых из античной и ренессансной литературы, — писал историк, — шляхта находила много ей приятного, фразы о пагубности тирании, о свободе и равенстве граждан, стремлении к “вольности” и ненависти к “можновладству”, а учение римских юристов о рабстве санкционировало в её глазах гнёт, наложенный ею на хлопков» [19, с. 49].

Заключение. Отношение российской историографии периода 80-х годов XIX века — 1917 года к культурному западноевропейскому влиянию на ВКЛ, распространителем которого, по мнению историков, в первую очередь, являлось шляхетское сословие, отличалось расхождением положительных и отрицательных оценок. С одной стороны, исследователи признавали факт положительного влияния гуманистических идей и представлений на культурное развитие ВКЛ, с другой же — рассматривали культуру шляхты ВКЛ как неотъемлемую часть русской православной культуры и к проблеме её ориентации на западноевропейский путь развития относились с весьма противоречивыми оценками. Главной заслугой российской дореволюционной позитивистской историографии в исследовании шляхетской проблематики является отрицание концепции о приоритетной роли польского влияния в эволюции шляхетского общества и выдвигание на первый план в этом процессе социально-экономического фактора.

Список цитируемых источников

1. *Коялович, М. О.* Чтения по истории Западной России / М. О. Коялович. — СПб. : [б. и.], 1884. — 349 с.
2. *Коялович, М. О.* История русского самосознания / М. О. Коялович. — Минск : [б. и.], 1997. — 688 с.
3. *Антонович, В. Б.* Монографии по истории Западной и Юго-Западной России : в 3 т. / В. Б. Антонович. — Киев : [б. и.], 1885. — Т. 1. — 351 с.
4. *Леонтович, Ф. И.* К истории административного строя литовского государства / Ф. И. Леонтович. — Варшава : [б. и.], 1899. — 104 с.
5. *Леонтович, Ф. И.* Правоспособность Литовско-русской шляхты / Ф. И. Леонтович // Журн. М-ва нар. просвещения. — 1908. — № 3. — С. 53—87.
6. *Тумасов, Н. С.* Дворянства Западной России в XVI в. / Н. С. Тумасов. — М. : [б. и.], 1869. — 107 с.
7. *Дашкевич, Н. П.* Борьба культур и народностей в Литовско-русском государстве / Н. П. Дашкевич // Киевск. унив. изв. — 1884. — № 10. — С. 269—316.
8. *Костомаров, Н. И.* Исторические монографии и исследования : в 20 т. / Н. И. Костомаров. — СПб. : [б. и.], 1881. — Т. 13. — 429 с.
9. *Иловайский, Д. И.* Царская Русь / Д. И. Иловайский. — М. : [б. и.], 2004. — 749 с.
10. *Соловьёв, С. М.* История падения Польши / С. М. Соловьёв. — М. : [б. и.], 1863. — 280 с.
11. *Филевич, И. П.* Россия и польский вопрос / И. П. Филевич. — М. : [б. и.], 1894. — 320 с.
12. *Погодин, А. Л.* Очерк истории Польши / А. Л. Погодин. — М. : [б. и.], 1909. — 375 с.
13. *Ключевский, В. О.* Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский. — М. : [б. и.], 1988. — Т. 2. — 414 с.
14. *Любавский, М. К.* Исторические судьбы шляхты / М. К. Любавский. — М. : [б. и.], 1915. — 313 с.
15. *Любавский, М. К.* Литовско-Русский сейм / М. К. Любавский. — М. : [б. и.], 1900. — 850 с.
16. *Довнар-Запольский, М. В.* Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI веке / М. В. Довнар-Запольский. — Киев : [б. и.], 1905. — 307 с.
17. *Грушевский, М. С.* История Украины-Руси : в 10 т. / М. С. Грушевский. — Киев : [б. и.], 1903—1936. — Т. 5. — 687 с.
18. *Лаппо, И. И.* Великое княжение Литовское во второй половине XVI столетия / И. И. Лаппо. — Юрьев : [б. и.], 1911. — 624 с.
19. *Кареев, Н. И.* Очерки истории реформационного движения и католическая реакция в Польше / Н. И. Кареев. — М. : [б. и.], 1886. — 191 с.

Материал поступил в редакцию 28.01.2013 г.

This article describes the views of the representatives of the Russian pre-revolutionary historiography on the spiritual development of gentry under the influence of Western-European culture. The author concludes that the politicised interpretation of the cultural issues, peculiar for the Russian historiography of the 1850s-early 1880s, limited the scope of analysis to the national and religious aspects. The Russian historiography of that period aimed at proving that spreading of Western-European ideas in the gentry's spiritual life was not a natural process, since it occurred because of the Polish influence, and it had a negative impact on the social and cultural development of the Great Duchy of Lithuania. The principal merit of the Russian positivist historiography of the 1880s-early XX century, is the denial of the leading role of Western-European (Polish) influence on the evolution of gentry's society and the prioritising in that process of the internal social and economic factors.

УДК 94(477)

Г. И. Королёва

Восточнoукраинский национальный университет имени В. Даля, Луганск, Украина

**ИЗМЕНЕНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КРЕСТЬЯН
НЕБОЛЬШИХ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ УКРАИНЫ
ПОД ВЛИЯНИЕМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ СССР
(КОНЕЦ 1950-Х — СЕРЕДИНА 1980-Х ГОДОВ)**

Проанализированы причины появления «неперспективных» сёл в СССР в конце 1950-х — середине 1980-х годов. На примере Украины рассмотрены социальные аспекты повседневной жизни крестьян, проживающих в небольших сельских поселениях (до 200 человек). Выявлена направленность курса высшего руководства СССР и УССР в отношении сельского социума и его последствия.

Введение. На современном этапе развития Украины приоритетными являются вопросы реформирования аграрной сферы, что обусловлено необходимостью обеспечить продовольственную безопасность и сохранить стабильность в стране. Важнейшей проблемой является дальнейшее развитие процесса исчезновения сельских поселений, начало которому было положено ещё в советский период.

Историография обозначенной нами проблемы включает разноплановые научные работы, которые мы систематизировали по двум критериям. Во-первых, это исследование группы украинских историков «История украинского крестьянства», труды Е. Т. Евсеева, П. П. Панченко, И. В. Рыбака, Е. П. Талана и других учёных, в которых даётся характеристика сельского хозяйства и украинского села в целом [1], [2], [3], [4], [5]. Во-вторых, это работы отечественных историков С. М. Тимченко, И. М. Романюка и российских учёных Е. Б. Никитаевой и В. В. Наухацкого, в которых определённое внимание уделено изменению сельской поселенческой структуры Украины и Российской Федерации [6], [7], [8], [9]. Вышеупомянутые работы имеют неоспоримую научную ценность, однако непосредственно изменения в повседневной жизни крестьян небольших сельских поселений Украины, произошедшие под влиянием государст-

венной политики СССР конца 1950-х — середины 1980-х годов, не стали объектом отдельного изучения.

Целью исследования является выявление позитивных и негативных аспектов в политике советского руководства в конце 1950-х — середине 1980-х годов относительно небольших сельских поселений, которые объективно повлияли на изменения в повседневной жизни крестьян Украины. Важной задачей мы считаем выявление предпосылок для разрушения основополагающего семейно-хуторского уклада жизни крестьян как ключевого момента в ходе ликвидации небольших сельских поселений.

Методология и методы исследования. В качестве основы методологии мы использовали принципы научности, историзма, объективизма, общечеловеческих ценностей, которые признают представители различных школ и направлений. Применялись сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, системный и статистический методы исследования.

Результаты исследования. Аграрный курс институций власти на протяжении всей истории СССР подчинялся определённой идеологической парадигме, что не исключало волюнтаристского подхода высшего

партийного руководства страны в вопросах сельского хозяйства. Это обусловило отрицание объективных законов развития экономики, нерыночный характер хозяйствования, запрет на многообразие форм собственности, административно-командные методы управления колхозами и совхозами, эксплуатацию деревни городом, отчуждение крестьян от результатов труда и целенаправленную политику «раскрестьянивания» деревни [9, с. 15].

Ведущей теоретико-идеологической догмой в конце 1950-х — начале 1960-х годов была идея Н. Хрущёва о преимуществе крупных сельскохозяйственных форм производства, что позволило бы ликвидировать основные отличия города и деревни. Способы достижения этой цели лидер СССР видел в укрупнении колхозов/совхозов и огосударствлении кооперативно-колхозной собственности [10, с. 725—732]. Следующий этап концентрации сельскохозяйственного производства начался в середине 1970-х годов. Провозглашённый курс на межхозяйственную кооперацию и аграрно-промышленную интеграцию ускорил процесс «раскрестьянивания» села.

Следствием многолетних кампаний «концентрации» и «укрупнения» стала ликвидация «неперспективных» сёл и хуторов. Постановление Центрального комитета Коммунистической партии Украины (далее — ЦК КПУ) и Совета Министров УССР от 19 декабря 1964 года «О мерах по осуществлению планомерного переустройства сёл в УССР» определило список «перспективных» сёл и правила застройки сельских населённых пунктов. Программа строительства жилья и социальных объектов в основном реализовывалась в 2-3 крупных посёлках укрупнённых совхозов и колхозов. Предполагалось, что в последующем их преобразуют в посёлки городского типа. «Неперспективные» сельские поселения ожидало запустение. В государственную отчётность даже ввели раздел «селение сёл и хуторов». В состав укрупнённых совхозов и колхозов преимущественно входило 40—75 сёл,

находящихся на расстоянии 20—30 км от центральной усадьбы. Связь между ними была затруднена из-за бездорожья [1, с. 116]. Предполагалось, что из-за ограниченности ресурсов преобразование перспективных сёл может быть осуществлено за 15—20 лет.

В результате целенаправленной политики в Украине в 1960-х — первой половине 1970-х годов количество населённых пунктов уменьшилось на 58,6%, что на 1 января 1977 года составляло 30,7 тыс. В наибольшей степени пострадали хутора: из существующих в 1950-х годах 58,5 тыс. хуторских поселений в начале 1960-х годов осталось только 8,4 тыс. В период с 1972 по 1986 год с карты Украины дополнительно исчезло ещё 1,5 тыс. сёл [2, с. 447, 487].

В условиях неудовлетворительной управляемости хозяйств и низкой эффективности использования земель в середине 1980-х годов партийно-советское руководство СССР было вынуждено пересмотреть вопросы концентрации аграрного производства в совхозах и колхозах. Понадобилось три десятилетия, чтобы руководство СССР официально признало пагубность деления сёл на «перспективные» и «неперспективные». В середине 1980-х годов этот вопрос стал ещё более актуальным в связи с тем, что перед руководством СССР и УССР возникла проблема обеспечения населения продовольствием из общественных фондов. Поиски новых источников решения продовольственной проблемы, предотвращения дальнейшего запустения отдалённых сельскохозяйственных угодий вынудили партийно-государственное руководство обратить внимание на производственный потенциал этих поселений, в том числе на возможности подсобных хозяйств крестьян.

В государственных архивах Украины содержится информация Центрального статистического управления (далее — ЦСУ) и Академии наук УССР от 11 февраля 1986 года для ЦК КПУ под грифом «секретно» о социально-экономическом состоянии небольших сельских поселений Украины. Проведённое

в 1985 году исследование 9 430 сёл, в которых проживало 906 тыс. человек (5,1% сельского населения), даёт общую картину социально-бытовых условий, которые во многом определяли повседневную жизнь крестьян республики.

Следует отметить, что в середине 1980-х годов в результате предшествующего политического и экономического курса коммунистической партии и советского правительства сложились определённые тенденции количественных показателей сельских населённых пунктов (таблица 1) [11, л. 67].

Из анализа данных следует, что за 15 лет (по результатам переписи населения СССР 1970 и 1985 годов) количество небольших сёл увеличилось на 996 единиц. Тенденция возрастания удельного веса небольших сёл была связана с тем, что, наряду с общим сокращением количества сельских населённых пунктов в связи с ликвидацией некоторых мелких поселений (вследствие присоединения их к другим населённым пунктам, отмирания и др.), в разряд небольших сёл стремительно переходили более крупные.

Следствием аграрной политики 1960-х — середины 1980-х годов было усиление миграционных процессов, в результате которых численность сельских жителей в 11-й пятилетке сократилась на 1,3 млн человек. В первую очередь из села уезжала молодёжь, а также происходило быстрое старение сельского населения. Если в начале 1985 года среди городского населения лица пенсионного возраста составляли 16,5%, сельского — 26,9%, то в сёлах с населением до 200 человек — 40,4%. Поэтому смертность в таких поселениях в 1981—1984 годах в 2 раза

превышала рождаемость [11, л. 67—68]. Основными миграционными мотивами молодёжи были отсутствие перспектив для продолжения образования и повышения квалификации по месту жительства, отсутствие работы по специальности, неудовлетворённость профессией, жилищными и культурно-бытовыми условиями, характером труда и размером его оплаты.

Вследствие высокой естественной убыли и миграционного оттока населения небольшие сёла характеризовались деформированной возрастно-половой структурой жителей. Средний размер семьи составлял 2,2 человека, на 2,8 семьи приходился 1 ребёнок в возрасте до 16 лет. При этом женщин пенсионного возраста было в 2,5 раза больше, чем мужчин. Однако среди молодёжи наблюдалась обратная картина: количество девушек значительно уступало численности юношей: в возрасте 16—29 лет на 100 женщин приходилось 118 мужчин. Эта деформация представляла значительные трудности для создания семей в таких поселениях.

Производственная сфера небольших сёл имела исключительно сельскохозяйственную направленность. Примерно $\frac{3}{4}$ трудоспособного населения было занято в колхозах, совхозах и других сельскохозяйственных предприятиях. В то же время в 3,9 тыс. (41%) сёл не было никаких сельскохозяйственных объектов с постоянным характером труда — животноводческих ферм, тракторных бригад, центров бригад или отделений. Это означало, что часть жителей вынуждена была работать в производственных подразделениях колхозов или совхозов, расположенных в других населённых пунктах; другая часть

Т а б л и ц а 1 — Количество сельских населённых пунктов Украины (1970—1985 годы)

Дата переписи населения	Количество сельских населённых пунктов		Удельный вес, %
	всего	до 200 жителей	
На 15 января 1970	31 280	8 434	27,0
На 17 января 1979	29 806	8 917	29,9
На 15 января 1985	29 123	9 430	32,4

была занята только в период полевых работ. Свыше 11% трудоспособного населения небольших сёл работало в городах и поселках городского типа; 6% — в промышленности, строительстве и транспорте в сельской местности; 4,9% — в сфере услуг в сельской местности; 4,2% обучались с отрывом от производства.

Отсутствие в значительной части небольших сёл производственных объектов было связано для их жителей со значительными затратами времени для поездки на работу. Только в 53 сёлах (0,6%) с населением до 200 человек находились центры сельсоветов, в 95 сёлах (0,1%) — центральные усадьбы колхозов или совхозов. На расстоянии 4—10 км от центральных усадеб колхозов и совхозов были расположены 40% небольших сёл, на расстоянии свыше 10 км — 14%, дистанцированы от райцентров на 10 км и больше 88% сёл. При этом дороги с твёрдым покрытием связывали с другими населёнными пунктами только $\frac{1}{3}$ сёл. Обследование показало, что чем дальше сёла находились от райцентров с более-менее развитой промышленностью, инфраструктурой и сферой услуг, тем меньше в них была доля молодёжи [11, л. 68—69].

Вследствие уменьшения численности жителей небольших сёл сокращалось количество личных подсобных хозяйств населения. Если в 1970 году их насчитывалось 505 тыс., то в 1984 — только 407 тыс. В среднем на 1 крестьянский двор размер земельного участка в личном пользовании населения за 15 лет (1970—1985 годы) оставался стабильным и составлял 0,39 га. Однако количество крупного рогатого скота и свиней в них постоянно уменьшалось, хотя в целом по республике эта тенденция (за исключением поголовья коров) была преодолена. Подобный факт объяснялся тем, что в небольших сёлах проживали одинокие и престарелые жители, которые без соответствующей помощи не могли содержать крупный рогатый скот и свиней. Показательным являлся факт, что поголовье овец и коз в расчёте на 100

хозяйств в подобных сёлах имело тенденцию к увеличению [11, л. 69—70].

По сравнению с другими поселениями качество жилищного фонда небольших сёл было более низким. В довоенный период построено 30% жилых домов и лишь 22% — после 1965 года. Из некапитальных материалов (дерева, самана или камыша) построены $\frac{2}{3}$ домов, каждый десятый был покрыт соломой или толем. Больше 21 тыс. жилых домов в этих сёлах в результате миграции жителей не были заселены, а их удельный вес (5,2%) значительно выше, чем в среднем по всем сельским населённым пунктам республики. Объём жилищного строительства в 1970 — первой половине 1980-х годов в подобных сёлах Украины резко сократился: если в 1966—1970-м годах ежегодно вводилось около 10 тыс. домов, то в 1971—1975-м — около 5 тыс., в 1976—1980-м — 2,5 тыс., а в 1981—1984-м годах — 1,5 тыс. домов.

На фоне стремительного роста мирового технического прогресса уровень благоустройства жилищного фонда в небольших сёлах был крайне низким: водопровод имели только 4% домов, природный сетевой газ — 0,6%, газобаллонные установки — 57%. На 100 сёл в среднем приходилось 127 номеров телефонов. Только часть улиц имела твёрдое покрытие, $\frac{1}{3}$ — вечернее электрическое освещение, в 30% сёл были остановки общественного транспорта, а жителям 17% сёл нужно было идти до ближайшей остановки транспорта 5—10 км.

Отметим, что проблема отопления жилищ в небольших сёлах стояла острее, чем в других сельских населённых пунктах. Кроме того, что существующие нормы обеспечения сельского населения топливом далеко не соответствовали действительным потребностям, доставка топлива также была затруднена из-за отсутствия транспортных средств и горюче-смазочных материалов в организациях, обслуживающих население. Вследствие низкого уровня газификации сельской местности сетевой газ практически

не использовался для отопления жилищ в небольших сёлах.

Жители подобных населённых пунктов не имели объективных возможностей пользоваться услугами предприятий, специализирующихся на сфере бытового обслуживания населения. Минимальный набор объектов данной сферы, в который входили школа, клуб, фельдшерско-акушерский пункт и торговая точка, имели только 400 сёл Украины (4,5%), примерно 30% сёл с численностью населения до 50 человек вообще не имели инфраструктуры, в остальных были расположены только отдельные объекты социально-культурного назначения. С учётом стационарных и передвижных форм обслуживания по месту жительства услуги культурно-массового характера получали жители 36% небольших сёл, службы быта — 32%, связи — 15%, торговли — 82%. По месту жительства медицинскую помощь могло получить только 28% населения, устроить детей в дошкольное учреждение — 6%, в школу — 7%. Строительство объектов сферы услуг в небольших сёлах в 11-й пятилетке ограничивалось преимущественно магазинами, которые были введены в действие в 433 деревнях. Школы построены только в 19 сёлах, дошкольные учреждения — в 34, клубные учреждения — в 79, медицинские учреждения — в 86. Для получения соответствующих видов услуг жители небольших сёл должны были преодолевать значительные расстояния. В частности, на расстоянии более 5 км от ближайших населённых пунктов находилось около 50% сёл, не имеющих школ и дошкольных учреждений.

Отсутствие социально важных объектов или их филиалов являлось одной из наиболее весомых причин миграции населения из небольших сёл. Наиболее низкий уровень сферы услуг характерен для Днепропетровской, Донецкой, Львовской, Полтавской, Сумской и Харьковской обл. [11, л. 70].

В отчёте начальника ЦСУ УССР А. И. Трояна указывалось, что, в соответствии с классификацией Госстроя СССР, только 15%

небольших сёл республики были отнесены местными органами управления к «перспективным» сёлам, в которых намечалось развитие производственной и непроизводственной сфер. Приблизительно такое же количество сёл было отнесено к категории «селяемые», что обрекало их на ликвидацию. Однако значительная часть небольших сёл — около 70% — числилась в группе «сохраняемых», перспективы развития которых в середине 1980-х годов не были ещё определены [11, л. 71].

Безусловно, необходимым условием предотвращения дальнейшего разрушения сельской поселенческой сети являлась реализация мер, направленных на создание в небольших сёлах благоприятных условий для труда, жизни и воспроизводства населения. Программа «Основные направления экономического и социального развития страны на XII пятилетку и до 2000 года», утверждённая XXVII съездом Коммунистической партии Советского Союза (1986 год), предусматривала довольно широкую социальную программу. Однако на законодательном уровне данная программа поддержки небольших сельских поселений не была принята [12, с. 267—272]. В условиях политико-идеологического кризиса и стремительного разрушения советской экономики в период перестройки проблемы небольших сельских поселений отошли на одно из последних мест.

Заключение. Можно утверждать, что аграрная политика советского руководства в период с конца 1950-х до середины 1980-х годов фактически привела к «раскрестьяниванию» сельских жителей и энтропийным процессам в сёлах Украины, прежде всего, в небольших сельских поселениях и хуторах. На процесс разрушения сельского социума оказывало влияние разрушение основополагающего семейно-хуторского уклада повседневной жизни крестьян. Отсутствие перспектив для осуществления экономической активности и основных бытовых условий для поддержания повседневной жизни крестьян

небольших сёл служило ключевой причиной дальнейшего процесса ликвидации небольших сельских поселений в Украине.

Список цитируемых источников

1. Історія українського селянства. Нариси : у 2 т. / В. М. Литвин (гол. ред.) [та інш.]. — Т. 2. — Київ : Наук. думка, 2005. — 653 с.
2. Талан, Є. П. Колгоспи Української РСР в період завершального будівництва соціалізму (1951—1958 рр.) / Є. П. Талан. — Київ : Наук. думка, 1966. — 160 с.
3. Евсеев, Е. Т. Проблемы отношения к труду на селе: уроки застойного периода на Украине / Е. Т. Евсеев. — Харьков : Основа, 1991. — 157 с.
4. Рибак, І. В. Соціально-побутова інфраструктура українського села (1921—1991 рр.) / І. В. Рибак. — Кам'янець-Подільський : [б. в.], 2000. — 304 с.
5. Панченко, П. П. Дискримінаційна політика тоталітарної держави стосовно малих сільських поселень в Україні (60—80 рр. XX ст.) / П. П. Панченко // Матеріали Всеукраїнськ. симп. з проблем аграрної історії : у 2 ч. — Ч. 2. — Київ : [б. в.], 1996.
6. Тимченко, С. М. Українське село: проблеми етносоціальних змін (1959—1989) / С. М. Тимченко. — Запоріжжя : ЗДУ, 1995. — 195 с.

7. Романюк, І. М. Українське село в 50-ті — першій половині 60-х рр. XX століття / І. М. Романюк. — Вінниця : Книга — Вега, 2005. — 256 с.

8. Никитаева, Е. Б. Исчезающая деревня (1960 — середина 80-х годов) / Е. Б. Никитаева // Судьбы российского крестьянства. — М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. — С. 436—462.

9. Наухацкий, В. В. Сельское хозяйство СССР в 1965—1985 годах: причины кризисных явлений. Проблемы историографии / В. В. Наухацкий // Изв. вузов. Сев.-Кав. регион. Сер. Общественные науки. — 1997. — № 2. — С. 12—16.

10. О порядке передачи колхозного имущества при преобразовании колхозов в совхозы : постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 3 мая 1957 г. № 495 // Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917—1957 гг. : в 4 т. — М. : Госполитиздат, 1958. — Т. 4. — 864 с.

11. Документы общего отдела ЦК Компартии Украины (секретная часть), 1970—1988 годы // Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАОО Украины). — Фонд 1. — Оп. 25. — Д. 2849. — 84 л.

12. XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 25 февраля — 6 марта 1986 г. Стенографический отчет : в 3 т. — М. : Политиздат, 1986. — Т. 2. — 320 с.

Материал поступил в редакцию 08.07.2013 г.

The reasons for the so-called “unpromising villages” appearance in the late 1950s and mid-1980s USSR have been analyzed. The social aspects of peasants’ everyday live, their standard of living in small rural settlements (up to 200 people) in the Ukrainian SSR have been considered. The USSR and the Ukrainian SSR top leadership policy in regards to rural society and the consequences of the policy have been defined.

УДК930+94

О. А. Кривуля

Восточнoукраинский национальный университет имени В. Даля, Луганск, Украина

ЖЕНЩИНА И СЕМЬЯ: СОЗДАНИЕ ОСНОВ БРАЧНО-СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА УКРАИНЕ (20-Е ГОДЫ XX ВЕКА)

Анализируется трансформация брачно-семейного законодательства в первое десятилетие советской власти на Украине. Проводится сравнительная характеристика законодательства до революции и после неё. Раскрываются изменения положения женщин в семье советской Украины в соответствии с изменениями в законодательстве. Освещаются положительные и отрицательные проявления законодательных актов в жизни женщин.

Введение. Несмотря на длительный исторический процесс формирования брачно-семейных отношений, в современном украинском обществе наблюдается ослабление семьи как социального института. По мнению социологов, семья теряет свои ведущие позиции в социализации индивидов, в том числе в организации досуга её членов. Причинами этого является изменение традиционных ролей членов семьи, которые устанавливали, что женщина должна вести домашнее хозяйство и воспитывать детей, а муж — обеспечивать экономическую самостоятельность семьи, что и определяло его статус главы семейства. В результате модификации исторической действительности женщины стали активно участвовать в производственной, общественно-политической и культурной сферах жизни социума. Это позволило им осуществлять материальное обеспечение семьи и, соответственно, занимать равное с мужчинами положение, что, с одной стороны, способствовало установлению равенства в супружеских отношениях, с другой — негативно отразилось на демографических показателях и нивелировании семейных ценностей.

Этот процесс на Украине начался в конце XIX — начале XX века и активизировался с приходом к власти большевиков, которые на основе новой идеологии модернизировали брачно-семейное законодательство и повлияли на изменение отношения общества

к браку и семье. Анализ трансформации брачно-семейных отношений поможет современным учёным и политикам найти пути решения существующих и предотвращения новых социально-психологических проблем в семье, порождаемых украинской действительностью, что позволяет говорить о важности и актуальности этой проблемы.

Рассматривая историографию проблемы, в частности, анализируя советские издания, в которых освещалось положение женщин, мы пришли к выводу, что такие учёные, как Н. Быковский, П. Каминская, Ж. Тимченко, П. Чирков и другие, рассматривали женщину лишь как «работающего человека». В трудах исследователей жизнь женщин изучалась с точки зрения их достижений в сфере производства, также освещались отдельные аспекты общественно-политической активности женщин и только иногда внимание уделялось раскрытию роли женщины в семейно-бытовой сфере. В некоторой степени этих вопросов касались и современные учёные В. Чумак, М. Богачевская-Хомяк. Исследователь О. Козуля, например, в своем труде акцентировал внимание на попытках руководства советского государства уничтожить семью как социальный институт в целях создания из мужчин и женщин «коммунистических роботов». Однако эти и другие исследователи не уделяли достаточного внимания изучению изменяющегося положения женщин в брачно-семейных отношениях в течение

20-х годов XX века, что и стало предметом нашего исследования.

Целью статьи является анализ изменений брачно-семейного законодательства, в том числе положения женщин в семье, в первое десятилетие советской власти в Украине.

Методология и методы исследования.

Методологической основой статьи является социально-историческая антропология. В исследовании соблюдены принципы объективности и историзма. Нами использовались методы анализа, историко-сравнительный, аналитическо-логический, критический и др.

Результаты исследования. Семья как социальный институт призвана выполнять ряд функций, к которым относятся репродуктивная, воспитательная, хозяйственно-бытовая, экономическая, социально-статусная, эмоциональная, морального регулирования поведения членов семьи, а также духовного общения, досуга и др. Брак как основа семейных отношений представляет собой социальную форму взаимоотношений мужчины и женщины в семье. С его помощью общество санкционирует половую жизнь членов семьи и устанавливает их права и обязанности. В Украине семья, которая выполняла указанные функции, почиталась в социуме с давних времён. Следует подчеркнуть, что она играла важнейшую роль в профессиональном определении и социализации молодёжи, что определяло её успешность, особенно в продолжении семейного дела, наследовании фамильных традиций и обычаев. Но подобные функции семьи никоим образом не соответствовали идеологии советской власти, которая начала модернизацию брачно-семейного законодательства. Партийным лидерам было выгодно ликвидировать в обществе традиции семейственности и подражания старшим. Главной целью большевики установили воспитание человека, стремившегося работать не на собственную семью, а на государство.

Принципиальные изменения произошли и в положении женщин в семье. До установления на Украине советской власти брак мог быть осуществлён только с согласия родителей и считался законным после церковного венчания. При этом запрещались и преследовались как гражданские, так и браки православных христиан с лицами другого вероисповедания. Существующие в обществе моральные нормы осуждали развод, хотя официально с согласия церкви брак можно было расторгнуть четыре раза. Основанием для развода могли стать доказательства измены одного из супругов, естественная неспособность одного из них к брачной жизни, уголовная ответственность, тяжёлая болезнь или отсутствие супруга(-ги) не менее 5 лет. Причём специфичность отношений в семье, духовные желания личности не учитывались. При разводе супружеской паре требовалось пройти чрезвычайно неприятную процедуру публичного рассмотрения интимной стороны их жизни. Сложность развода обуславливала высокая стоимость бракоразводного процесса, что не могли себе позволить средние и бедные слои населения.

При расторжении брака наиболее пострадавшей стороной выступали женщины. В обществе сложился стереотип негативного отношения к женщине, которая бросила мужа. Её презирали и вообще считали опозоренной. К тому же экономическая зависимость женщины от мужа не способствовала распространению практики, когда они сами становились инициаторами разводов. В целом официальных разводов накануне революционных событий 1917 года было очень мало. По данным многих учёных, неполные семьи в Украине в конце XIX — начале XX века составляли лишь 7%. При этом таковыми считались семьи, которые, как правило, возникали вследствие смерти одного из супругов и реже — из-за разводов.

Руководители советского государства провозгласили курс на раскрепощение женщин, ликвидацию бесправия и полной зависимости от мужей. Процесс реорганизации

основ брачного права предоставил полную свободу в отношениях между супругами, что способствовало постепенной ликвидации семьи как общественного института.

Декреты ВЦИК и СНК «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния» (декабрь 1917 года) и «О расторжении браков» (декабрь 1918 года) провозгласили замену церковного брака гражданским. Действительным считался брак, зарегистрированный в государственных учреждениях — органах записи актов гражданского состояния (далее — ЗАГС). Брак, зарегистрированный в церкви после издания декретов, не имел юридического действия и не предоставлял никаких прав супругам. Новая власть отменила все ограничения для вступления в брак, кроме возрастного ценза, запрета вступать в брак родственникам и психическим больным людям. Упрощению подлежала и процедура развода: по желанию супругов брак расторгался в отделе регистрации браков или судье, если заявление было подано одним из супругов. Декреты отменяли также согласие на брак родителей, опекунов и т. д. Внебрачные дети признавались равноправными с детьми, рождёнными в браке.

Декрет СНК Украины «О гражданском браке и о введении книг записи актов гражданского состояния» от 20 февраля 1919 года отменял церковный брак и признавал лишь браки, зарегистрированные в органах ЗАГС. Церковные браки стали личным делом вступающих в брак, а их заключение было возможным только после государственной регистрации брака в органах ЗАГС [2]. В то же время декрет приравнивал церковные браки, заключённые до его опубликования, к зарегистрированным гражданским бракам. Положения документа провозглашали принцип свободы и добровольности брака, право на равенство супругов при выборе фамилии и содержали перечень оснований для вступления в брак. В отличие от декрета, принятого ранее в России и провозгласившего уравнивание прав внебрачных детей

с детьми, рождёнными в браке, декрет, изданный в Украине, не удостоверял правовое положение этой категории детей.

Новые нормы соответствовали задачам антирелигиозной политики большевиков, так как снимали какие-либо религиозные ограничения для вступления советских граждан в брак. Изменения в правовом обеспечении брачных отношений ликвидировали влияние церкви. Агитационно-пропагандистская работа с женщинами направлялась на выравнивание положения супругов в семье. В качестве примера приводилась десятая заповедь из Библии: «Не желай дома ближнего твоего, не желай жены ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего». По сути, она запрещала завидовать и посягать на чужое добро, предписывая довольствоваться тем, что имеешь. Однако большевики трактовали её как унижительное отношение мужа к жене, подобное отношению к собственности, наравне с домом и скотом [1, л. 5]. Тем самым насаждалось негативное отношение к религии, которая допускала «такое неравноправие». Реалии жизни показали, что, несмотря на то, что юридически церковный брак не предоставлял супругами никаких прав, на протяжении длительного времени свадьбы освящались с благословения священника в церкви. Особенно долго эти традиции сохранялись в небольших городках и сёлах. Впоследствии, под напором антирелигиозной кампании, церковный брак утратил свое значение. За венчание в церкви исключали из партии, комсомола, обсуждали это «мероприятие» молодых супругов на различных производственных и профсоюзных собраниях.

20 февраля 1919 года в Украине был принят декрет «О разводе», который объявил свободу развода и аннулировал церковную процедуру развода. Согласно документу, брак мог быть расторгнут по просьбе одного или обоих супругов. Декрет содержал также нормы, которые регламентировали правовые

последствия развода: а) в заявлении о расторжении брака по взаимному согласию супругов нужно было указать фамилии, которые будут носить после развода супруги, а также их дети; при одностороннем заявлении разведённым возвращались добрачные фамилии, а фамилию ребёнку определял суд; б) все другие вопросы, связанные с расторжением брака, решались по соглашению между супругами в форме нотариального или домашнего договора, а в случае спора между ними — народным судом [2].

Таким образом, первые декреты о браке и разводе, принятые на Украине, положили начало процессу формирования брачно-семейного права.

Первый семейный кодекс Украины 1918 года, в основе которого лежали вышеуказанные декреты, регламентировал все стороны семейной жизни. Кодекс состоял из трёх книг: «Об актах гражданского состояния», «О браке и семье», «Об опеке». Однако в условиях гражданской войны этот законодательный акт не был введён в действие.

В 1920-е годы в Украинской Советской Социалистической Республике (УССР) продолжился процесс дальнейшего совершенствования брачно-семейного законодательства. 30 мая 1926 года был принят Кодекс законов о семье, опеке, браке и актах гражданского состояния УССР. Кодекс усиливал гарантии как имущественных, так и личных прав членов семьи, прежде всего женщин и детей. Он полностью уравнивал внебрачных детей с детьми, рождёнными в браке, регламентировал систему признания и оспаривания отцовства и алиментных обязательств. При расторжении брака отец должен был платить часть заработка на содержание детей, что давало женщине относительную экономическую стабильность. При условии установления отцовства в суде отец обязан был содержать детей, рождённых вне брака [2].

Кодекс, наряду с зарегистрированным браком, признавал и так называемый фактический брак, т. е. не оформленный в органах

ЗАГС. Однако признание такой формы брака могло быть осуществлено только через суд. Поэтому если между фактическими супругами возникали какие-то споры (в отношении имущества или алиментов), то суд должен был в каждом конкретном случае установить наличие брачных связей. Фактическим браком признавались только серьёзные и длительные супружеские отношения, а не случайные либо недолговечные. В качестве доказательств наличия такого брака для суда могли быть факт совместного проживания, ведение общего хозяйства, совместное воспитание детей, взаимная поддержка и т. д.

В кодексе регламентировались условия вступления в брак, случаи признания брака недействительным и основания прекращения брака. Впервые в законодательстве Украины закреплялся принцип равенства прав и обязанностей супругов, а также их независимость. Наряду с понятием «личное имущество» кодекс ввёл понятие «общее имущество супругов». Указывались важные положения об алиментах супругов на случай нетрудоспособности как во время брака, так и после его расторжения [2].

В целом, основные положения кодекса 1926 года с изменениями и дополнениями были действительны более 40 лет.

Таким образом, юридически были определены ленинские принципы формирования брачно-семейных отношений в обществе. В частности, законы утвердили имущественное и родительское равенство мужчины и женщины в браке; заключение брака уже не зависело от традиционно-национальных и религиозных практик; было закреплено равенство внебрачных детей с детьми, рождёнными в браке; заключение брака и его расторжение стало свободным.

Кодекс имел большое значение для защиты прав женщин, так как наиболее распространённой практикой того времени была форма фактического брака без регистрации. Подобные семьи создавались преимущественно по инициативе мужчин, которые не хотели обременять себя ответственностью перед

женой и возможными детьми, а желали сохранить относительную свободу выбора. До 1926 года законодательство не обязывало мужа, оставившего жену, платить деньги на содержание детей, в результате чего женщины часто оставались без средств к существованию. Новый кодекс ввёл положение, в соответствии с которым муж нес материальную ответственность, если его бывшая жена по причине безработицы или болезни оказывалась без средств к существованию, и наоборот, нуждающемуся мужчине материальную помощь обязана оказывать супруга [2].

Кодекс установил законодательную норму, в соответствии с которой при расторжении брака имущество, нажитое совместно, делилось поровну, даже если женщина была домохозяйкой, т. е. фактически труд женщин по ведению домашнего хозяйства, а также их участие в воспитании детей приравнивались к общественно-производительному труду мужчин. Более того, в случае смерти мужчины, его жене, которая доказывала, что находилась с ним в фактическом браке, предоставлялись права на наследство, жилплощадь и пенсию [2].

Однако советская реальность весьма отличалась от жизненной практики. Комментируя ситуацию, В. И. Ленин писал, что правовое равенство — это только расчистка почвы, создание условий для формирования нового духовного облика женщины, а не решение самой проблемы. Новое законодательство имело множество недостатков. Одним из самых существенных была необходимость женщине (в редких случаях — и мужчине) доказать наличие фактического брака, что сделать было крайне трудно. В результате многие женщины, оставшись без мужей, в годы экономической нестабильности фактически не получали минимальных средств к существованию. Отсутствие ответственности мужчин за брак, в рамках которого они имели возможность в любой момент разорвать семейные отношения, привело к тому, что со второй половины 1920-х годов на женских съездах всё чаще звучали речи о необходимости введения обязательной регистрации

брака и уравнивании фактического брака с зарегистрированным [3, с. 16]. Упрощение процедуры развода создало условия для быстрого и беспрепятственного разрыва брака, что, по сути, сводило на нет институт брака.

Советское брачное законодательство бремя воспитания и содержания детей переложило в первую очередь на плечи женщин. Если до революции 1917 года муж обязан был обеспечивать жену и детей, то в первой половине 20-х годов XX века женщины находились в затруднительном положении. Ликвидация обязательной регистрации браков фактически ликвидировала ответственность мужа за семью, что, в свою очередь, способствовало усложнению дел по выплате алиментов. Демографические показатели позволяют утверждать, что увеличилось количество детей-подкидышей, повысилась детская смертность. В целом политика советской власти в сфере семейных отношений привела к негативным последствиям: в обществе, особенно в городском социуме, происходило нивелирование семейных ценностей, что, в свою очередь, повлияло на распространение аморального отношения к женщине. Примером может служить случай, когда в Днепропетровске в гости к 15-летней девушке пришли 3 парня и изнасиловали её. Событие получило огласку. Виновников судили на комсомольском собрании, публично вынесли приговор о расстреле [4, л. 372].

Действия правящей коммунистической партии были направлены на разрушение семьи и привлечение женщины к общественно-политической активности. Власть пропагандировала идею, в соответствии с которой каждый гражданин и гражданка первоочередными в своей жизни должны были считать государственные дела. Происходило «обособление» партии от общества путём создания особой морали, попытка превратить её в «скалу, о которую будут разбиваться гнилые потоки нэповской улицы» [5, с. 55].

Анализируя статистические данные о демографических изменениях в Украине, а также свидетельства учёного и очевидца

тех событий А. Меркова, подчеркнём, что характерными чертами брака и семейных отношений в 20-е годы XX века стали уменьшение количества официально заключённых браков и рождения детей, увеличение числа случаев расторжения брака и количества внебрачных детей, рост доли браков по любви (при существовании браков по расчёту).

Сдерживающими факторами для сохранения брака были партийные и профсоюзные организации, которые могли вынести официальное порицание за разрушение семьи (исключение из партии или освобождение от занимаемой должности).

Следует отметить, что, с одной стороны, большевики предоставили женщинам равные с мужчинами права, возможность реализоваться в профессиональной сфере, с другой — новые возможности для женщин отдаляли их от семейных обязанностей, что приводило к ослаблению института семьи. Это проявлялось в передаче традиционной функции семьи — воспитания молодого поколения — в государственные учреждения и заведения. В целях создания духовно «нового советского человека» и организации условий для привлечения женщин к общественному труду компартия взяла процесс воспитания под свой надзор. Вследствие распространения так называемой «свободной любви» и практики гражданского (фактического) брака множество женщин вынуждены были воспитывать детей без поддержки мужа. Чтобы выжить, они шли работать, отдавая детей на воспитание государству.

Заключение. Внедрение новых морально-этических ценностей, которые советская власть утверждала в обществе в соответствии с целями и установками коммунистической партии, привело к падению пре-

стижа и статуса института брака. В результате привлечения женщин к общественному труду постепенно менялись традиционные роли мужчины и женщины в браке. В 1920-х годах проявились первые признаки перехода от авторитарной формы семьи к эгалитарному браку, базирующемуся на партнёрских, равноправных отношениях мужчины и женщины в вопросах ведения домашнего хозяйства и воспитания детей. Подобный способ отношений повышал социальный статус женщины, её авторитет в семье, а также способствовал развитию её духовного мира. Последствия введения нового брачно-семейного законодательства в жизненных практиках женщин и мужчин в 1920-х годах были неоднозначными.

Список цитируемых источников

1. Протокол заседания женотдела Харьковского губкома КП(б)У. 1920—1921г. // Центральный государственный архив общественных объединений Украины. — Фонд 1. — Оп. 20. — Д. 352. — Л. 3—6.
2. Декрети і кодекси УСРР про шлюб і сім'ю [Електронний ресурс] // Сімейне право України. — Режим доступу: <http://apeyacia.org.ua>. — Дата доступу: 18.12.2012. — Загол. з екрану.
3. Обзор Центрального отдела работниц и крестьянок ЦК КП(б)У об итогах проведения съездов работниц и крестьянок на Украине. 1926 г. // Центральный государственный архив общественных объединений Украины. — Фонд 1. — Оп. 20. — Д. 2274. — Л. 4—42.
4. Перша українська нарада по роботі серед жіночої частини молоді. 1935 р. // Центральный государственный архив общественных объединений Украины. — Фонд 7. — Оп. 1. — Д. 1239. — Л. 11—435.
5. Чумак, В. Проблема сім'ї і жінки у дискусії про партійну етику 20-х років / В. Чумак // Жіночий рух в Україні: історія і сучасність : матеріали Міжнар. наук.-метод. конф., Одеса, 27—29 жовтня 1994 р. / ІСДО. Спілка жінок України ; Одеська академія харчових технологій ; Г. І. Терещенко (гол. ред.). — Київ : [б. в.], 1994.

Материал поступил в редакцию 23.04.2013 г.

The article reveals the transformation of marriage and family law in the first decade of Soviet power in Ukraine. Creates a comparative characteristics of legislation before the revolution and after. Disclosed the status of women in the family of Soviet Ukraine in accordance with changes in legislation. Highlights the positive and negative manifestations of articles of the legislation in the lives of women.

УДК 94(476-15)

В. И. Кривуть

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

СТРЕЛЕЦКИЙ СОЮЗ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ

Анализируются цели, задачи и основные направления деятельности ведущей проправительственной молодёжной организации межвоенного польского государства — стрелецкого союза «Стрелец». Особое внимание уделено истории создания и участия «Стрельца» в реализации официальной молодёжной политики на территории Западной Беларуси в период 1926—1939 годов.

Введение. Изучение участия молодёжи в общественно-исторической практике, выяснение места и роли молодёжных организаций в политической жизни будут всегда сохранять научную и практическую актуальность. Молодёжь является важной социально-демографической группой в общественной структуре, а молодёжные организации позволяют молодому поколению стать субъектом активной политической деятельности, экономической и культурной сферы жизни общества, области межнациональных отношений. Поэтому существует необходимость изучения деятельности молодёжных организаций, в том числе и на территории западнобелорусского региона в межвоенный период.

К сожалению, данная проблематика не нашла должного отражения в отечественной историографии. Прежде всего это касается возникновения и развития проправительственного молодёжного движения на территории оккупированной Польшей Западной Беларуси, его места в реализации официальной молодёжной политики. В данной статье делается попытка восполнить этот недостаток, проанализировав цели, задачи и идеологию, а также основные направления деятельности ведущей проправительственной молодёжной организации — стрелецкого союза «Стрелец», и его роль в осуществлении молодёжной политики польских властей на территории Западной Беларуси в межвоен-

ный период на основе широкого круга архивных и документальных материалов, а также работ зарубежной историографии. Исследование позволяет дать более объективную картину общественной жизни западнобелорусского региона в данный период и представляет несомненный интерес в качестве примера практического осуществления идейно-воспитательной работы среди молодёжи, подготовки к включению молодого поколения в активную социально-политическую жизнь.

Цели и задачи стрелецкого союза в свете правительственной молодёжной политики. Поскольку молодёжь составляла значительную часть населения межвоенного польского государства, его правящие круги стремились привлечь на свою сторону молодое поколение. В связи с этим большие надежды возлагались на деятельность ряда общественных организаций, работавших в молодёжной среде. Самым значительным из этих объединений являлся стрелецкий союз «Стрелец». Традиции этой организации восходили еще к началу XX века, когда власти Австро-Венгрии дали разрешение на создание польских военизированных организаций. Одной из них — союзом стрелков — руководил Ю. Пилсудский. С началом Первой мировой войны военизированные союзы стали основой польских легионов,

которые в дальнейшем сыграли важную роль в возрождении независимости польского государства [1, с. 166].

Министерство внутренних дел Польши 7 ноября 1919 года зарегистрировало стрелцкий союз «Стрелец». Основой его деятельности стали три редакции устава (1919, 1921—1922, 1932). Согласно уставу 1919 года, цель союза — «пробуждение и закалка в своих членах национального духа, дисциплины, моральной и физической активности, а также распространение военных знаний». Главными направлениями его деятельности были организация военных занятий, сборов, соревнований и конкурсов, экскурсий, лагерей и инструкторских курсов. В уставе 1922 года утверждалось, что целью организации является «общее умножение национальных сил путём выработки у своих членов дисциплины, моральной и физической активности, гражданского духа в общественной работе и подготовка своих членов с военной точки зрения». Основные формы деятельности — культурно-просветительская работа, военное обучение, физическое воспитание и хозяйственная деятельность. Устав 1932 года целью стрелецкого союза объявлял «умножение силы и достоинства нации для развития державной мощи государства» путём гражданского воспитания, опирающегося на государственно-созидательную идеологию и общественную дисциплину, военное обучение, физическое воспитание и спорт [2, с. 18—19].

Стрелецкому союзу вменялась подготовка «гражданина-солдата на благо Речи Посполитой» [3, л. 105]. Помимо этого, на территории Западной Беларуси и Западной Украины «Стрелец» должен был вести работу в духе «воспитания на креслах сознания спайки со всем государством» [4, с. 178].

В связи с заявленными целями стрелцкий союз становился ведущей общественной организацией, на которую возлагалась реализация военной подготовки (далее — ВП) молодого поколения, являвшейся составной частью официальной молодёжной политики

правлящих кругов польского государства в межвоенный период. Большое внимание данному направлению стало придаваться после государственного переворота в мае 1926 года, когда к власти пришел так называемый санационный режим. ВП должна была охватить «всю военно-подготовительную работу за рамками постоянной армии, дифференцируя её в зависимости от возраста и пола, от стратегического положения края и, наконец, от этнографического состава и государственного чувства граждан» [5, с. 26].

Целью ВП должно было стать «формирование активного патриотизма, развитие закалки воли, обязательности и дисциплины, увеличение физических сил, обучение основам военных умений, пробуждение любви к военной службе» [5, с. 27].

Тесно связано с ВП было и гражданское воспитание молодого поколения, что также являлось частью официальной молодёжной политики. В сфере гражданского воспитания перед «Стрельцом» ставились следующие задачи: привитие элементарных религиозно-моральных принципов, развитие и укрепление любви к Отечеству и привязанности к собственному государству, уважение национальной истории и культуры, популяризация рыцарских традиций, развитие чувства солидарности и гражданской дисциплины, развитие способностей к сотрудничеству во имя общего блага и чувства коллективной ответственности за развитие творческих сил нации и силы государства, пробуждение желания упорной работы для страны, приучение к точному исполнению своих обязанностей [2, с. 27]. В условиях межвоенного польского государства осуществление этих задач лежало в русле воспитания верноподданнического отношения к правящему режиму и реализации его полонизаторских планов по отношению к западнобелорусской молодёжи.

Создание организационных структур «Стрельца» на территории Западной Беларуси. Поскольку цели и задачи стрелецкого союза соответствовали задачам официальной

молодёжной политики, то при поддержке властей его организационные структуры активно насаждались на территории Западной Беларуси. Территориально структура «Стрельца» совпадала с дислокацией военных округов польской армии. На территории Западной Беларуси действовало два округа стрелечко-го союза — № 3 «Гродно» и № 9 «Полесье». Они соответствовали 3-му и 9-му округам Войска польского со штабами в Гродно и Бресте. Округ «Гродно» делился на подокруга с центрами в Белостоке, Вильно, Гродно и Молодечно, округ «Полесье» имел подокруга Новогрудок и Брест. Подокруга делились на поветы и гмины. Округ был рассчитан на корпус «Стрельца», подокруг — на дивизию или батальон, повет — на батальон или полк, гмина — на роту или полполка. Организационной единицей был отряд, в который входила молодёжь одной или нескольких деревень [3, л. 106—107].

Согласно уставу организации, её членами могли быть как юноши, так и девушки, начиная с 13 лет, но, как свидетельствуют источники, в основном стрелечкий союз объединял мужскую допризывную молодёжь в возрасте 18—20 лет [6, с. 174].

Основными источниками финансирования деятельности «Стрельца» были дотации Главной комендатуры союза, членские взносы, пожертвования и помощь органов местного самоуправления. В 1933 году был принят декрет об огосударствлении «Стрельца», который фактически узаконил содержание стрелечкой организации за счёт местного управления. С этого момента «Стрелец» выступал не только как общественная организация, но и как «государственная площадка» ВП. Это давало членам союза законодательно закреплённые льготы (право на сокращённый срок службы в армии, освобождение от налогов и т. д.) [7, л. 8].

На территории Западной Беларуси стрелечкая организация находилась под постоянной опекой государственной администрации и деятелей «санации». Например, в Вильно почётный пост в «Стрельце»

занимал Я. Пилсудский (брат Ю. Пилсудского). Так же обстояли дела и на местном, поветовом уровне, где стрелечкие отряды возглавляли полицейские и местные чиновники [8, с. 63]. Большую роль в развитии проправительственного молодёжного движения играли осадники и помещики. Так, в 1935 году, в имениях Негневичского района помещики создавали из своих батраков отряды конных стрелцов, а их обучение проводил местный осадник [9, л. 17]. Однако в большинстве случаев инструкторами были офицеры воинских частей, полиции или Корпуса пограничной охраны.

Со стороны властей стрелечкий союз получал достаточно серьёзную финансовую поддержку. Так, комендатура Брестского округа «Стрельца» планировала доходную часть своего бюджета в объёме 354 060 злотых. Из них государственные дотации составили 310 000 злотых, или более 87% доходной части бюджета [10, л. 2].

Наиболее сильным влияние стрелечко-го союза было в среде крестьянской молодёжи. Численность «Стрельца» постоянно росла. В 1934 году по всей Польше насчитывалось 300 000 его членов, из них в 3-м и 9-м округах — около 50 000 человек. По данным официальной польской прессы, стрелечкая организация Виленщины являлась самой сильной в стране. Уже в 1931 году она насчитывала 300 отрядов и 7 000 членов [3, л. 112]. Менее успешным было объединение «Стрельца» на Полесье. По мнению польских властей, численному росту организации мешали небольшое количество польского населения и «гигантский перевес национальных меньшинств» [11, л. 52]. На территории Западной Беларуси членами организации становились в первую очередь дети чиновников и осадников, поляков и белорусов-католиков. Большую роль в привлечении молодёжи играли льготы, предоставляемые участникам организации. Официальные власти признавали, что «в значительном количестве отрядов желание работать опирается только на надежду, что члены

организации получают за работу в будущем определённые льготы на военной службе» [12, л. 53]. Одновременно молодёжь вовлекалась в союз умело организованной патриотической пропагандой, возможностью участвовать в различных соревнованиях, походах, развлекательных мероприятиях, «военной» романтикой и даже стрелецкой униформой.

Участие «Стрельца» в осуществлении официальной молодёжной политики. Основным направлением деятельности стрелецкого союза была военная подготовка допризывной молодёжи. Двухгодичная программа обучения была разделена на следующие разделы: физическое воспитание, стрелковое обучение, боевую подготовку, службу. Как правило, занятия проводились 1—2 раза в неделю. Обучение заканчивалось летними лагерями, где проходили экзамены и вручались свидетельства о прохождении ВП. Условия получения свидетельства предусматривали окончание первой ступени ВП, получение Польского спортивного знака (Panstwowa Odznaka Sportowa) (аналог советского «Готов к труду и обороне»), прохождение маршей и стрельб, овладение предметами обучения [13, с. 24—25]. Свидетельство о второй ступени ВП давало право на льготы при прохождении военной службы.

На территории Западной Беларуси мероприятия по ВП часто наталкивались на безразличное отношение со стороны местного населения. По мнению властей, изменить положение должно было соответствующим образом проводимое гражданское воспитание, которое также активно проводилось стрелецким союзом. Программа гражданского воспитания в «Стрельце» включала: организационное воспитание (ознакомление с организационными традициями), государственное воспитание (знакомство с историей и современным устройством польского государства), профессиональную подготовку, чтение, экскурсии, культурно-художественное воспитание [14, с. 5]. Центрами гражданского воспитания являлись светлицы (клубы)

или школы. Инструкторами гражданского воспитания чаще всего выступали школьные учителя. Так, например, в Свентяньском повете в 1935 году работали 268 учителей, из которых 32 возглавляли светлицы, 17 — ячейки «Стрельца», а 192 учителя являлись членами стрелецкого союза [15, с. 8].

Помимо ВП и гражданского воспитания, Стрелецкий союз активно привлекался и к реализации других направлений молодёжной политики. С начала 1930-х годов «Стрелец» включился в проведение сельскохозяйственных конкурсов в рамках сельскохозяйственной подготовки молодёжи. Однако в этом направлении он отставал от другого проправительственного объединения — «Союза молодой деревни», который своим приоритетным занятием избрал именно сельскохозяйственные конкурсы. Так, в 1938 году на территории Виленского воеводства «Стрелец» имел 68 конкурсных коллективов (438 членов), а «Союз молодой деревни» — 263 (1 670 участников) [16, с. 464].

Ещё одним направлением официальной молодёжной политики была борьба с молодёжной безработицей. Правящий лагерь стремился решить эту проблему путём организации так называемых лагерей труда. Заметную роль в их организации играл именно стрелецкий союз. Вместе с другими проправительственными организациями «Стрелец» вербовал туда молодых безработных. В 1933—1934 годах такие лагеря существовали в Белостоке, Вильно, на Полесье и Гродненщине [8, с. 138]. Это должно было обеспечить занятость безработной молодёжи, обучить её какой-либо профессии и таким образом не только «защитить стрельцов от бедствий безработицы и её фатального морального влияния», но и стать «одним из элементов общей борьбы с последствиями безработицы» [17, с. 84].

Благодаря усиленной воспитательно-идеологической работе своего руководства, стрелецкий союз становился опорой польских властей в Западной Беларуси. Наиболее подготовленные отряды «Стрельца» активно привлекались к борьбе с антиправительственным

движением. Например, на рубеже 1933—1934 годов во время пачификации Кобринского повета стрелецкий отряд из Жабинки участвовал в разгроме украинских кооперативов. На Белосточчине во время забастовки лесных рабочих стрельцы работали в качестве штрейкбрехеров [18, л. 95]. В Индурском районе стрелецкие отряды следили за порядком накануне революционных праздников с целью не допустить коммунистической агитации [19, л. 361]. В районе Гродно и Глубокого созданные по инициативе местных помещиков отряды конных стрельцов использовались для охраны помещичьих лесов и угодий [20, с. 11]. На Виленщине польские власти привлекали стрельцов к борьбе с литовскими культурными организациями. Члены «Стрельца» при поддержке полиции участвовали в разгоне молодёжных вечеринок, организованных литовцами [21, с. 348]. Такая и подобная ей деятельность стрелецкого союза полностью соответствовала задачам гражданского воспитания, одной из целей которого было «проявление решимости и инициативы в области поддержания общественного порядка в момент необходимости» [3, л. 117].

Заключение. Таким образом, стрелецкий союз являлся одной из самых значительных проправительственных молодёжных организаций на территории Западной Беларуси в межвоенный период. Благодаря всесторонней поддержке, оказываемой центральными и местными властями, ему удалось создать в регионе широкую сеть своих организационных структур и вовлечь туда значительную часть местной молодёжи. «Стрелец» играл ведущую роль в реализации официальной молодёжной политики. Это проявлялось, прежде всего, в осуществлении программы ВП молодого поколения и усилении обороноспособности польского государства. Целевая направленная работа велась и в сфере гражданского воспитания, которое в условиях Западной Беларуси носило ярко выраженный полонизаторский уклон. Спаянная военной дисциплиной стрелецкая организация

являлась опорой правящего режима, ярким проявлением чего было активное привлечение стрельцов к борьбе против национально-освободительного и забастовочного движения.

Список цитируемых источников

1. Нарыс гісторыі Польскай дзяржавы і народа / М. Семаковіч [і інш.]; пад рэд. М. Семаковіча. — Варшава: Demart Sp. z o. o., 2006. — 312 с.
2. Wywiad, P. Związek Strzelecki w tworzeniu bezpieczeństwa narodowego Polski. Tradycja i wyzwania XXI wieku / P. Wywiad. — Łódź: Związek Strzelecki, 2009. — 128 s.
3. Представительство ЦК КПЗБ // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Фонд 242 п. — Оп. 1. — Д. 465.
4. Политические партии в Польше, Западной Белоруссии и Западной Украине / С. Скульский [и др.]; под ред. С. Скульского. — Минск: [б. и.], 1935. — 335 с.
5. Kęsik, J. Naród pod bronią. Społeczeństwo w programie polskiej polityki wojskowej 1918—1939 / J. Kęsik. — Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1998. — 200 s.
6. Słownik organizacji młodzieżowych w Polsce 1918—1970 / Cz. Kozłowski [i in.]; pod red. Cz. Kozłowskiego. — Warszawa: Iskry, 1971. — 191 s.
7. Представительство ЦК КПЗБ // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Фонд 242 п. — Оп. 1. — Д. 374.
8. Представительство ЦК КПЗБ // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Фонд 242 п. — Оп. 1. — Д. 483.
9. Представительство ЦК КПЗБ // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Фонд 242 п. — Оп. 1. — Д. 475.
10. Полесское воеводское управление // Государственный архив Брестской области (ГАБО). — Фонд 1. — Оп. 9. — Д. 516.
11. Командование округа корпуса № 9 // Государственный архив Брестской области (ГАБО). — Фонд 67 сч. — Оп. 2. — Д. 1 667.
12. Полесское воеводское управление // Государственный архив Брестской области (ГАБО). — Фонд 1. — Оп. 2. — Д. 2402.
13. Командование округа корпуса № 9 // Государственный архив Брестской области (ГАБО). — Фонд 67 сч. — Оп. 2. — Д. 197.
14. Program dla grup wiekowo-wyszkoleniowych w oddziałach i pododdziałach Związku Strzeleckiego w zakresie wychowania obywatelskiego. — Brześć nad Bugiem: [s. n.], 1937. — 45 s.

15. *Święciany, J. D.* Praca oświatowa i społeczna Zw. Nauczycielstwa Polskiego na terenie powiatu / J. D. Święciany // *Kurjer Wileński*. — 1935. — 19 listopada. — S. 8.
16. *Świackiewicz, A.* 10-lecie przysposobienie rolniczego na Wileńszczyźnie / A. Świackiewicz // *Tygodnik Rolniczy*. — 1938. — №№ 39—40. — S. 463—464.
17. *Pruszkowski, A.* Przewodnik społeczny / A. Pruszkowski. — Warszawa : [s. n.], 1934. — 292 s.
18. Представительство ЦК КПЗБ // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Фонд 242 п. — Оп. 1. — Д. 116.
19. Представительство ЦК КПЗБ // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Фонд 242 п. — Оп. 1. — Д. 261.
20. *Герасімчык, М.* «Стралец» — вораг рабочай і сялянскай моладзі / М. Герасімчык. — Вільня : [б. и.], 1934. — 46 с.
21. Вильнюсское подполье. Воспоминания участников революционного движения в Вильнюсском крае (1920 — 1939 гг.) : сб. воспоминаний / под ред. И. Каросаса [и др.]. — Вильнюс : Vaga, 1966. — 397 с.

Материал поступил в редакцию 20.02.2012 г.

The Streletsky union was the leading progovernmental youth organization in territory of the Western Belarus during the intermilitary period. Thanks to comprehensive support from central and local authorities it managed to create in region a wide network of the organizational structures and to involve in them a considerable part of local youth. «Sagittarius» played the leading part in realization of the program of military preparation of young generation and strengthening of defensibility of the Polish state. Purposeful work was conducted and in sphere of civil education which in the conditions of the Western Belarus carried strongly pronounced polonization direction. The Streletsky union was a support of a ruling mode and actively participated in struggle against national-liberation and strike movement.

УДК 930.1

Т. Т. Кручковский

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Я. Купалы», Гродно

**ПРИЧИНЫ ОБРАЗОВАНИЯ ПОЛЬСКОГО ШЛЯХЕТСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ**

Рассматриваются причины образования польского шляхетского сословия в отражении российской историографии XIX — начала XX веков. Большинство представителей русской консервативной историографии видело данные причины в ущербном польском национальном характере и пагубном западном влиянии. Большинство либеральных историков считало его результатом исторического развития страны. Слабость польского общественно-государственного устройства русские историки усматривали в его неприспособленности к польской славянской душе, в построении его на отвлечённых принципах, попытке вовлечения в его орбиту православного русского населения.

Введение. В контексте рассмотрения причин образования шляхетского государственного устройства в Польше русской историографией XIX — начала XX веков русская историческая полонистика исследовалась только выборочно, и специального комплексного историографического исследования по заявленной проблематике не проводилось. В то же время некоторые аспекты данной проблематики истории Польши в оценке русской историографии исследуемого периода являлись объектом изучения ряда историков различных эпох [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7], [8], в том числе и польских [9], [10], [11], [12].

Однако следует отметить, что в предшествующей историографической традиции недостаточно внимания уделялось сравнению позиций представителей различных направлений российской исторической науки по данной проблеме (имеются в виду как хронологический, так и концептуальный аспекты возможного сравнения).

Целью данного исследования в форме научной статьи является выявление и сравнение позиций представителей русской исторической науки XIX — начала XX веков по проблеме образования польского шляхетского государственного устройства. Очерченная

проблема рассматривается автором в хронологическом и идейно-концептуальном аспектах. В процессе проведения исследования и подготовки статьи автор придерживался методологических принципов объективности и историзма, использовал сравнительно-исторический и структурно-функциональный методы.

Основная часть. Проблеме сформировавшегося и действующего в Польше к XVI веку весьма оригинального общественно-государственного устройства, столь же важной и оказавшей не меньшее влияние на последующие исторические судьбы Польши, а впоследствии и многонациональной федеративной Речи Посполитой, уделялось в русской историографии XIX — начала XX веков значительно меньше внимания, чем Реформации и Люблинской унии или разделам Речи Посполитой.

Известно, что главное положение воззрения Н. М. Карамзина о том, что Россия «гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием», которое проходит через весь его трактат «О древней и новой России» и лежит в основе его «Истории», было им поддержано и во фрагментальном рассмотрении общественно-государственного устройства

Польши, которое историк сравнивал в своём описании с самодержавным устройством России. Карамзин высказывал убеждение, что преимущество монархии перед республикой заключается не только в том, что «единая, нераздельная, державная воля может блюсти порядок и согласие в обществе», но и в том, что «монархическое правление не требует от граждан чрезвычайностей и может возвышаться на той степени нравственности, при которой республики падают», доказывая это положение неоднократно на примерах польско-русского противостояния [13, с. 239—358]. Однако причины формирования шляхетского общественного устройства Польши историк не рассматривал.

Подобную позицию занял и его преемник — Н. Г. Устрялов. В статье «Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское» он, заявляя, что Великое Княжество Литовское (далее — ВКЛ) было русским государством («русское, и вера, и язык, и гражданские уставы»), считал, что слабость государственного устройства Польши заключалась в противостоянии православного элемента и католических начал Речи Посполитой [14, с. 17].

В определённой степени положение начало изменяться во второй половине XIX века. Известные русские историки Н. И. Кареев, М. К. Любавский отмечали как оригинальность польского общественно-государственного устройства, так и представляемый им интерес для исторической науки. Так, Н. И. Кареев считал, что в истории представительных учреждений, особенно при сравнении с такими же учреждениями в Западной Европе, польский сейм имеет оригинальный характер, что может быть названо своего рода исключением [15, с. 1]. Объясняется этот недостаток внимания как преобладающим в русской историографии пренебрежительным отношением к польскому государственно-общественному устройству как символу анархии и «безнарядья», так и тем, что до 80-х годов XIX века данная пробле-

матика попадала в основном в фокус внимания русской консервативной историографии (М. О. Коялович, И. П. Филевич, В. Б. Антонович и др.). Такое же отношение к польской шляхетской демократии наблюдалось и в либеральной историографии (С. М. Соловьёв, В. И. Герье, Н. И. Костомаров). Да и специально данной проблемой никто в русской историографии не занимался: оценивалось польское государственное устройство попутно с общей негативной оценкой деятельности польской шляхты на западнорусских землях [4]. Связывалось это как с общим непризнанием возможности интеграции литовско-русских земель с Польшей, так и с печальным финалом Речи Посполитой, одной из причин которого признавалось русской историографией польское общественно-государственное устройство. А также существовало убеждение русской консервативной историографии и значительной части либеральной в превосходстве российского общественно-государственного устройства, опирающегося на самодержавие и православие как народную славянскую религию.

Определённая разработка данной проблемы в русской историографии началась только во второй половине XIX века и во многом определялась состоянием изученности её в польской историографии. Русская историческая наука в отношении истории польского государственного устройства не проводила собственных исторических исследований. Даже единственная специальная работа в русской историографии, посвящённая истории польского сейма, принадлежащая Н. И. Карееву, базировалась на опубликованной источниковой базе [15]. М. К. Любавский первым в русской историографии поднял вопрос истории литовско-русского сейма, который, по его мнению, развивался, испытывая огромное влияние польского государственного устройства [16], [17], [18]. К числу русских историков, занимавшихся специально историей государственного устройства ВКЛ, а посредством этого в той или иной степени и польским

общественно-государственным устройством, следует отнести И. И. Лаппо [19], [20], М. В. Довнар-Запольского [21], Ф. Н. Леонтовича [22], [23] и др.

Формирование столь оригинального государственного устройства Польши русская историография рассматривала в двух основных направлениях: как результат исторического развития страны, в том числе и под влиянием западной цивилизации, и как результат проявления польского национального характера, потерявшего свои славянские основы под влиянием католического Запада. При этом, если в основном консервативная историография (М. О. Коялович, П. Д. Брянцев, И. П. Филевич, М. Ф. Владимирский-Буданов, Д. И. Иловайский и др.) делала основной акцент на черты польского национального характера и разрушительное влияние на него, оказанное западным латинством, то либеральная (Н. И. Кареев, В. А. Мякотин, М. К. Любавский, А. Л. Погодин и др.) считала главным фактором западноевропейское влияние, при значительной неподготовленности к нему польской почвы.

Ф. Смит, поддерживая славянофильскую теорию о двойственном характере польского народа — сарматов и славян — как одной из причин польского характера, склонного к буйству, анархии, считал что поляки «ни дать ни взять, как дети, которые, если предоставить им произвол, могут наделать себе много вреда» [24, с. 58]. Продолжая развивать данное положение, Ф. Смит утверждал, что такие черты польского национального характера, как «обилие всё подавляющего воображения, скудость смысла, необузданное свободолобие — в наибольшей степени раскрылись в XVI—XVIII в. и нашли свое отражение в польском государственном устройстве» [24, с. 30]. М. О. Коялович, говоря о своеобразном устройстве польского государства XVI века, писал, вслед за Ф. Смитом, что главная причина такого анархического состояния Польши — это неспособность поляков к государственному строительству [25, с. 148]. Д. И. Иловайский называл эту

черту польского характера отсутствием инстинкта самосохранения народа [26, с. XIII]. Подобная точка зрения имела место и в русской либеральной историографии (С. М. Соловьёв, Н. И. Костомаров, А. С. Трачевский).

Так, Н. И. Костомаров прямо утверждал, что склад племенного характера поляков нашёл свое отражение в польском государственном устройстве [27, с. 185]. Рассматривая свою аргументацию, либеральный историк договорился до положения о том, что Польше, в силу рабского состояния крестьянства, было вредно республиканское устройство. Это положение Костомаров оговаривал тем, что сама польская республиканская форма не была, безусловно, дурна, но её дело было predeterminedено деморализацией шляхты. Причину этой деморализации историк, в духе романтической традиции, видел в борьбе двух противоположных стихий, которые оказали столь губительное воздействие [27, с. 187].

Другая часть русских либеральных историков (Н. И. Кареев, А. Л. Погодин, М. К. Любавский), отмечая негативные черты польского характера, считала их чертами не польского народа, а шляхты, выработавшимися в благоприятных исторических условиях польской анархии XVII — XVIII веков.

М. В. Владимирский-Будаков, как и Н. Я. Данилевский, в отличие от М. О. Кояловича, П. Д. Брянцева, Д. И. Иловайского, делавших упор на природную слабость поляков, как, впрочем, и всех славян, кроме великороссов, к государственному строительству, считали основной причиной такого польского характера и «уродливого», по их словам, общественно-государственного устройства пагубное западное влияние. Н. Я. Данилевский писал, что «европейничанье» — это перенесение на польскую почву чуждых ей элементов — привело только к уродству польского славянского характера, и рассматривал в таком же плане западное влияние на польское общественно-политическое устройство. По его словам, «аристократизм, произведший в Европе вообще рыцарство... в Венгрии — её политически

развитое магнатство, столько сделавшее для промышленного преуспеяния страны и просвещения народа: в Польше же этот аристократизм обратил высшее сословие в ясновельможное панство и шляхетство, а низшее — в быдло» [28, с. 393—394]. Продолжая развивать дальше это положение, Данилевский утверждал, что «демократизм и революция, которой Европа обязана уничтожением многих злоупотреблений, многими свободными учреждениями, ... произвели в Польше только сеймики, конференции, “не позволяя”, народный жонд, кинжальщиков и жандармов-вешателей» [28, с. 394].

М. В. Владимирский-Буданов, конкретизируя это вредоносное, по его мнению, влияние, считал, что проявлением его стало введение в Польше немецкого права. Так, учёный отмечал, что если в Германии введение магдебургского права привело к расцвету городов, возвысило права городского сословия, то в Польше устранило города от общественной жизни страны, привело к разрыву сословий [29, с. 302]. Интересно, что весьма близкую точку зрения, только в отношении введения поляками магдебургского права на русских землях Речи Посполитой после Люблинской унии, высказывал известный русский либеральный историк В. О. Ключевский [30, с. 93]. Всё это говорит о живучести элементов славянофильских теорий сугубо либеральных историков второй половины XIX — начала XX веков.

Возвращаясь к положению Владимирского-Буданова о негативном влиянии немецкого права на польскую историю в целом и на формирование и функционирование польского общественно-государственного механизма, отметим общий вывод историка. М. В. Владимирский-Буданов считал, что немецкое право, ослабив княжескую власть, лишив крестьянскую общину самостоятельности, понизив права городского сословия, содействовало образованию идеи шляхетства [29, с. 300].

И. Ф. Филевич в своём противопоставлении славянских начал и губительного для него влияния немецкого права доходил даже

до положения о том, что усиление шляхты не представляло бы собой ничего плохого, если бы не было национального антагонизма поляков и немцев и отсюда противостояния между земствами и городами [31, с. 79]. Положение же о губительном для Польши усилении шляхты как доминирующего сословия решительно поддерживалось русской консервативной историографией, в том числе и самим И. П. Филевичем.

В свою очередь русская либеральная историография подчёркивала неоднозначность, на её взгляд, немецкого влияния на Польшу. М. К. Любавский считал, что подъём польского сельского хозяйства в XII—XVI веках стал возможен только благодаря немецкой колонизации, отмечая одновременно, что вместе с тем часть польских территорий было онемечена и потеряна для Польши [32, с. 447]. Н. И. Кареев обращал особое внимание на преобладание в городах немецкого элемента, который во многом способствовал изоляции городов от политической жизни страны. В результате этого шляхта смогла занять исключительное место в общественной жизни польского общества [15, с. 13].

Проблему влияния Запада на Польшу как воздействие западной цивилизации наиболее полно исследовал Н. И. Кареев. Он рассматривал формирование своеобразного польского государственного устройства как результат воздействия западной цивилизации на молодое польское государство.

Здесь, считал Н. И. Кареев, причина кроется в способе образования польского славянского государства. Специфику польской истории он объяснял из общей молодости славянской (в том числе и польской) цивилизации по сравнению с западноевропейской. Основной западноевропейской средневековой цивилизацией, по Карееву, было наследие Рима, христианство, новые народы германского племени [33, с. 12]. В средневековой Европе, писал учёный, сложился весьма своеобразный политический и экономический строй, своеобразный дуализм духовного и светского начала, центростремительной

и центробежной сил [33, с. 35]. Польша же через католичество и соседство с немцами примкнула к западному миру, хотя географически принадлежала к Востоку [34, с. 25]. Страна, принадлежа в силу политических, культурных, религиозных связей к Западу, не имела в то же время, по мнению Кареева, западноевропейской формы феодализма. Положение об отсутствии в Польше того времени феодализма в западноевропейском понимании является общим для русской историографии (В. А. Мякотин, М. О. Коялович, В. А. Бильбасов, Н. И. Костомаров и др.).

Это и определило, как считал Кареев, своеобразное складывание государственного устройства Польши: в стране происходил рост политического значения шляхты и ослабления королевской власти. Но, ослабляя её, сейм не взял на себя её функции. В результате, как считал Н. И. Кареев, получилась республика без республиканского устройства, но «с “намалёванным” королём, ни монархия, ни республика, а “безнарядье”» [35, с. 172].

Сама же шляхта, отмечал Н. И. Кареев, выросла из военного сословия, которое ещё в XV веке не имело никаких особых прав, усиление её началось при Казимире Ягеллончике. За XV век, считал историк, шляхта стала доминирующей силой в польском обществе. Особенно благоприятствовали этому три бескоролья второй половины XVI века, выпавшие на жизнь одного поколения. Шляхта, по Карееву, превратилась в отдельный класс, со своей культурой, миропониманием, напоминающим древних [15, с. 53]. В результате, считал Н. И. Кареев, XVI век стал поворотным в польской истории, когда после некоторых колебаний польская нация определила свой путь, приведший общество к культурному застою, а государство — к разделам [15, с. 83]. Данное положение было принято и в русской историографии более позднего периода. Так, А. Л. Погодин утверждал, что именно в 1573 году в Польше окончательно победила самая вредная форма управления — олигархия [36, с. 105].

Важным моментом на пути политического преобладания шляхты, отмечал Н. И. Кареев, была её борьба против католического духовенства. Борьба эта началась за два века до реформации, но в XVI веке достигла своего наибольшего накала. По мнению Кареева, именно эта борьба и питала польскую реформацию. Шляхте, считал русский историк, и здесь удалось достичь успеха, хотя и неполного: земля осталась у клира, но высшее духовенство могло занимать должности в сенате только по причине наличия земельной собственности, а значит, оно стало как бы частью шляхты [15, с. 51].

Большинство представителей русской историографии видело в польском общественном строе, его парламентаризме или полную анархию, или господство одного сословия — шляхты, но ни в коем случае парламентскую демократию, столь отличающуюся от устройства соседних с Польшей государств.

Противопоставление сейма и сеймиков Н. И. Кареев считал причиной незавершения объединения страны. Именно отсюда и положение Н. И. Кареева о конгрессивном характере польского сейма. Данное положение было взято русским историком у представителей современной ему польской историографии (А. Павиньски, М. Бобжиньски). Их определения и аргументы польских историков присутствуют и у Н. И. Кареева. Он даже даёт определение польского сейма как международного конгресса [15, с. 79]. Данное положение стало даже общим для большинства русской историографии второй половины XIX века (И. И. Лаппо, М. К. Любавский, А. Л. Погодин и др.). Так, М. К. Любавский считал, что Речь Посполитая была не единым государством, а федерацией воеводств, и после каждой новой конфедерации как бы образовывалась заново Речь Посполитая [16]. Из-за этого незавершения объединения страны Н. И. Кареев и противопоставляет сейм и сеймики уже в XVI веке.

Заключение. Рассматривая причины образования столь своеобразного польского

общественно-государственного устройства, большая часть представителей русской консервативной историографии видела их в ущербном, по их мнению, польском национальном характере и пагубном западном влиянии. Большинство же либеральных историков считало его результатом исторического развития страны (Н. И. Кареев, В. А. Мякотин, М. К. Любавский и др.).

В русской историографии первой половины XIX века изучение причин польского общественно-государственного устройства практически отсутствовало. В определённой степени положение начало изменяться во второй половине XIX века, хотя русская историография второй половины XIX — начала XX веков в изучении причин формирования польского общественного устройства не внесла существенного вклада, по сравнению с польской исторической наукой. Однако для расширения представлений в русской исторической науке был сделан огромный шаг, хотя и не во всём она смогла избавиться от существующих ранее стереотипов, выработанных публицистами славянофильской направленности.

Слабость польского общественно-государственного устройства в своём большинстве русская как консервативная (М. О. Коялович, П. Д. Брянцев, И. П. Филевич, Д. И. Иловайский и др.), так и значительная часть либеральной историографии (С. М. Соловьёв, Н. И. Костомаров, А. С. Трачевский и др.) видела в его неприспособленности к польской славянской душе, в построении его на отвлечённых принципах, не могущих быть воплощёнными на практике, попытке вовлечения в его орбиту русского православного населения и т. д.

Список используемых источников

1. Кареев, Н. И. Падение Польши в исторической литературе / Н. И. Кареев. — СПб. : [б. и.], 1888. — 416 с.
2. Милюков, П. Н. Главные течения русской исторической мысли / П. Н. Милюков. — М. : [б. и.], 1913. — 342 с.

3. Кручковский, Т. Т. Проблемы разделов Речи Посполитой в русской историографии второй половины XIX в. / Т. Т. Кручковский // Славяноведение. — 1993. — № 5. — С. 76—85.

4. Кручковский, Т. Т. Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX — начала XX в. / Т. Т. Кручковский // Наш радавод. — Гродно, 1994. — Т. 7. — С. 218—417.

5. Кручковский, Т. Т. Польская проблематика в творчестве Н. И. Кареева / Т. Т. Кручковский, А. Н. Нечухрин // Гістарыяграфічная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь : у 2 ч. — Мн. : [б. в.], 1995. — Ч. II. — С. 116—123.

6. Кручковский, Т. Т. Уманец Ф. М. как историк Речи Посполитой / Т. Т. Кручковский // Весн. ГрДУ. — 2007. — № 2. — С. 21—27.

7. Кручковский, Т. Т. Н. И. Кареев о цивилизационном выборе польского народа в средневековье / Т. Т. Кручковский // Весн. ГрДУ. — 2010 — № 1. — С. 78—86.

8. Аржакова, Л. М. Долгая пауза после блистательных успехов: русская историческая полонистика на исходе XIX века / Л. М. Аржакова // Славяноведение. — 2010. — № 1. — С. 44—54.

9. Lowniański, H. Lelewel jako historyk Litwy i Rusi / H. Lowniański // Lelewel, J. Działa. — Warszawa : [s. n.], 1964. — Т. I. — С. 3—48.

10. Serejski, M. Europa a rozbiory Polski: Studium historiograficzne / M. Serejski. — Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1970. — 518 s.

11. Bardach, J. Problematyka polska w liberalnej historiografii rosyjskiej schyłku XIX — początku XX wieku: N. I. Kariejew / J. Bardach // Polsko-rosyjskie związki społeczno-kulturalne na przełomie XIX i XX wieku. — Warszawa : [s. n.], 1980. — S. 104—154.

12. Blachowska, K. Narodziny imperium. Rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku / K. Blachowska. — Warszawa : [s. n.], 2001. — 310 s.

13. Кручковский, Т. Т. Польская проблематика в русской историографии первой половины XIX века: историческая тематика и польский вопрос / Т. Т. Кручковский. — Гродно : [б. и.], 2011. — 418 с.

14. Устрялов, Н. Г. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское? / Н. Г. Устрялов. — СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1839. — 42 с.

15. Кареев, Н. И. Исторический очерк польского сейма / Н. И. Кареев. — М. : [б. и.], 1888. — 202 с.

16. Любавский, М. К. Литовско-Русский сейм / М. К. Любавский. — М. : [б. и.], 1900. — 850 с.

17. Любавский, М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М. К. Любавский. — М. : [б. и.], 1915. — 409 с.

18. *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута / М. К. Любавский. — М. : [б. и.], 1892. — 884 с.

19. *Лаппо, И. И.* Великое княжество Литовское во второй половине 16 столетия: Литовско-русский совет и его сеймик / И. И. Лаппо. — Юрьев : [б. и.], 1911.

20. *Лаппо, И. И.* Великое княжество Литовское за время заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1586) / И. И. Лаппо. — СПб. : [б. и.], 1901.

21. *Довнар-Запольский, М. В.* Спорные вопросы в истории литовско-русского сейма / М. В. Довнар-Запольский. — СПб. : [б. и.], 1901.

22. *Леонтович, Ф. И.* Веча, сеймы и сеймики в Великом княжестве Литовском / Ф. И. Леонтович // Журн. М-ва народ. просвещения. — 1910. — №№ 2—3.

23. *Леонтович, Ф. И.* Очерки истории литовско-русского права : Образование территории Литовского государства / Ф. И. Леонтович. — СПб. : [б. и.], 1894.

24. *Смит, Ф.* Ключ к разрешению польского вопроса, или Почему Польша не могла и не может существовать как самостоятельное государство / Ф. Смит. — СПб. : [б. и.], 1865. — 82 с.

25. *Коялович, М. О.* О разделах Польши по поводу сочинения г. Иловайского «Гродненский сейм 1793 года. Последний Сейм Речи Посполитой» / М. О. Коялович // Журн. М-ва народ. просвещения. — 1871. — Ч. 158. — С. 148—158.

26. *Иловайский, Д. И.* Гродненский сейм 1793 года. Последний Сейм Речи Посполитой / Д. И. Иловайский. — М. : Унив. тип. Катков и Ко, 1870. — 274 с.

27. *Костомаров, Н. И.* Косцюшко и революция 1794 г. / Н. И. Костомаров // Вестн. Европы. — 1870. — №№ 1—2.

28. *Данилевский, Н. Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский. — М. : Книга, 1991. — 574 с.

29. *Владимирский-Буданов, В. М.* Немецкое право в Польше и Литве / В. М. Владимирский-Буданов. — СПб. : [б. и.], 1868. — 302 с.

30. *Ключевский, В. О.* Курс русской истории: в 9 т. / В. О. Ключевский. — М. : Мысль, 1988. — Т. 2.

31. *Филевич, И. П.* Польша и польский вопрос / И. П. Филевич. М. : Унив. тип., 1894. — 104 с.

32. *Любавский, М. К.* Книга для чтения по истории средних веков / М. К. Любавский ; ред. П. Г. Виноградов. — СПб. : [б. и.], 1899. — 587 с.

33. *Кареев, Н. И.* Введение в курс истории средних веков / Н. И. Кареев. — СПб. : [б. и.], 1886.

34. *Кареев, Н. И.* Главные обобщения всемирной истории / Н. И. Кареев. — СПб. : [б. и.], 1903. — 176 с.

35. *Кареев, Н. И.* Новейшая польская историография и переворот в ней / Н. И. Кареев // *Polonica*. — СПб. : [б. и.], 1905. — С. 132—208.

36. *Погодин, А. Л.* Очерк истории Польши / А. Л. Погодин. — М. : [б. и.], 1908. — 132 с.

Материал поступил редакцию 18.02.2013 г.

In this article the author considers the reasons of formation of a shlyakhetsky state system in Poland in an assessment of the Russian historiography of XIX — the beginnings of the XX centuries. In such context the Russian historical полонистика was investigated only selectively and special complex historiographic research on the perspective declared by us wasn't conducted. Considering the reasons of formation of a peculiar Polish state system the majority of the Russian conservative historiography saw them in defective, in their opinion, the Polish national character and harmful western influence. The majority of liberal historians considered it as result of historical development of the country.

УДК 94(477)

В. В. Михайлюк

Восточноукраинский национальный университет имени В. Даля, Луганск, Украина

**АДАПТАЦИЯ ИНВАЛИДОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
К ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ДОНБАССА (1943—1945 ГОДЫ)**

Рассматриваются ключевые проблемы адаптации инвалидов Великой Отечественной войны в контексте их представлений о том социуме, в который они «вливались» в 1943—1945 годах. Анализируются данные центральных государственных и ряда областных архивов, а также проведённых социометрических исследований, которые позволяют раскрыть суть важных проблем повседневной жизни инвалидов-фронтовиков в Донбассе, в комплексе которых преобладающими были медицинские, психологические, бытовые, коммуникативные, культурные, проблемы трудоустройства, поиска и определения нового смысла жизни.

Работа выполнена в рамках научно-исследовательской темы «История Донбасса в контексте общеукраинской истории: новые подходы и оценки» (номер государственной регистрации 0108U006412) кафедры истории Украины Донецкого национального университета.

Введение. В современной истории повседневная жизнь как общества, так и каждого отдельно взятого человека является отображением тех социально-экономических, политических и духовно-культурных процессов, которые проходят на определённом этапе развития страны. В рамках исследуемого периода в первую очередь это проявлялось в только что освобождённых городах и сёлах, где на лечении в госпиталях оставались те бойцы и командиры Красной армии, которые, не щадя жизней, внесли свой вклад в великую победу. После длительного или краткосрочного периода восстановления многие из них из-за полученных увечий, утраченного здоровья, перехода в новую социальную категорию (лица с ограниченными физическими возможностями) не могли вернуться в ряды армии. Перед инвалидами вставала важнейшая проблема социальной реабилитации и адаптации к новым условиям повседневной жизни. Отдельные аспекты этой проблемы были предметом изучения для специалистов из разных стран. Немецкая исследовательница Б. Физелер [1] одной из первых сделала довольно удачную попытку перевести историю инвалидов на уровень микроистории. Российские историки Г. Харахорина [2] и О. Вольхин [3] изучали

аспекты медицинской реабилитации инвалидов и участия последних в бандформированиях соответственно. Украинская исследовательница Г. Гордиенко [4] проанализировала вопросы государственных мероприятий по социальному обеспечению инвалидов. Эти и некоторые другие научные изыскания свидетельствуют о значительном интересе учёных к проблеме социальной реабилитации и адаптации инвалидов, однако в комплексе вопросы адаптации бывших красноармейцев к новым условиям повседневной жизни не нашли своего отображения в их работах. Автор опирался на разработки предшественников и определил целью своей статьи раскрытие сути некоторых важных проблем повседневной жизни инвалидов-фронтовиков в Донбассе. Комплексный анализ процесса адаптации инвалидов войны и интеграции их в общество на материальном и духовно-культурном уровнях является настоящей проблемой. Её изучение даёт возможность проанализировать как положительный, так и отрицательный опыт прошлого, усвоить некоторые уроки, сделав определённые выводы, которые отличаются объективным осознанием и качественно новой информационной насыщенностью в контексте микроисторического подхода. Исходя из вышеизложенного,

изучение особенностей адаптации инвалидов-фронтовиков в Донбассе на протяжении 1943—1945 годов является актуальной темой.

В научный оборот автором были введены новые документы центральных государственных и ряда областных архивов Украины, а также воспоминания лиц с ограниченными физическими возможностями и их близких о трудностях адаптационных процессов. Содержание указанных источников даёт возможность при их анализе утверждать о полноте и обоснованности выводов.

Методология и методы исследования.

При подготовке данной статьи использованы принципы научности, историзма, объективности, системности, развития, всесторонности и др. Применены микро- и макроисторические, а также междисциплинарный и комплексный подходы.

Полезными в процессе исследования оказались методы исторического контекста, а также библиографический и эвристический. Просопографический анализ помог определить жизненные предпочтения инвалидов, в частности, их ценности, цели, желания, а также изменения в межличностных отношениях.

Результаты исследования и их обсуждение. На освобождённых территориях Донбасса в 1943—1945 годах постепенно налаживалась мирная жизнь. У рядовых граждан освобождённых территорий было своё представление о тех восстановительных процессах, проведение которых следовало за изгнанием врага с оккупированных территорий. Можно вполне согласиться с выводами Ю. Николайца о том, что, во-первых, советская власть воспринималась большинством населения как «своя», «родная»; во-вторых, освобождение от гитлеровцев рассматривалось людьми как положительный момент,

потому что они все ждали окончания войны, завершения страданий и горя, вызванных ею; в-третьих, разгром войск немецко-фашистских захватчиков и их союзников вызвал, особенно в первые годы после освобождения, определённое состояние победной эйфории; в-четвёртых, культ личности Сталина достиг своего апогея. Именно эти тенденции оказались «определяющей чертой морально-психологического состояния населения... на решающем этапе войны» [5, с. 629].

Значительные изменения происходили во взглядах на идеалы и нормы поведения и в такой социальной среде населения, как инвалиды Второй мировой и Великой Отечественной войн. Одной из определяющих причин, которая существенно влияла на эти изменения, являлся сам факт получения ранения на поле боя. Степень осознания этого факта имела существенные различия в зависимости от тяжести и вида ранения, от силы воли, темперамента, психического здоровья раненого и т. п. Соответствующей была и дальнейшая морально-психологическая реакция инвалидов. В воспоминаниях фронтовиков нами зафиксированы типичные факты проявления психологического состояния будущих инвалидов: «...Первое ранение получил под Сталинградом... взрыв бомбы подбросил метра на три... дальше ничего не помню, только вижу, что-то бело-серое суетится... Наконец понял — санитар. Думаю про себя — “конец”. У меня мать одна больная дома. Больно, больно стало... Жить хочу...».¹ (В дальнейшем отошёл от шока, после лечения продолжил воевать, после второго ранения был комиссован как инвалид третьей группы. — *Примеч. авт. — В. М.*) Пострадавшие почти с одинаковыми ранениями (оторванные нижние конечности) вспоминали: «...очухался на кровати в госпитале. Ноги болят, забинтованы... Когда узнал, что оторванные

¹ И. Гнидюк, инвалид третьей группы, Красный Луч Ворошиловградской (ныне Луганской) обл. (Воспоминания хранятся в личном архиве автора. — *В. М.*)

конечности, погас... Дома молодая жена. Как возвращаться? Страшно, даже хотел застрелиться...»¹; «...не хочу ехать домой, никому не нужен...»².

Приведённые типичные примеры воспоминаний инвалидов, возвращавшихся из госпиталей, отражают морально-психологическое состояние после получения инвалидности, а также показывают, что для одних участие в боевых действиях, ранения и инвалидность вызвали большие потрясения и моральную усталость в психическом состоянии самого бывшего фронтовика; у других появились размышления о том, стоит ли жить дальше; для третьих главным стал вопрос о смысле дальнейшей жизни, где среди факторов был не только процесс, но и необходимость обязательного выживания ради близких и родных.

Указанные факторы существенно влияли на изменение сознания, пересмотр основных жизненных стереотипов, прямо или косвенно вызывали новые быденно-жизненные проблемы вхождения инвалидов в повседневную, теперь уже мирную жизнь.

Решение этих проблем осуществлялось путём непосредственных действий лиц с ограниченными физическими возможностями, что подтверждается в воспоминаниях, при их интервьюировании, описаниях-рассказах родных, близких и друзей, в переписке с друзьями-фронтовиками, в письмах, жалобах и обращениях в партийно-государственные органы разных уровней, к руководителям партии и государства, в центральные и местные средства массовой информации. Много сведений по данной проблеме содержится в фондах центральных и областных государственных архивов Украины.

Из проанализированных документов следует, что главной проблемой оказалась жилищная, учитывая, что в целом по Украине

10 млн человек остались без жилья [6, с. 402]. Значительно пострадал и Донбасс: в Сталинской (ныне Донецкой) обл. в результате оккупации и боевых действий было разрушено около 4 тыс. жилых домов; в Ворошиловградской (ныне Луганской) сожжено и повреждено 2,5 тыс. зданий [7, с. 179, 248, 250].

Партийно-государственные структуры предпринимали попытки решения жилищной проблемы. Были достигнуты определённые позитивные сдвиги. Но в сознании инвалидов откладывался негативный отпечаток от действий власти — бюрократизма, бездушия, которое вынуждены были признавать партийно-государственные органы всех уровней. В частности, в Брянке Ворошиловградской обл. в ноябре 1944 года состоялось общее собрание районного партийного и хозяйственного актива Брянковского р-на. Из приглашённых на заседание инвалидов слово было предоставлено заместителю директора одного из профессиональных учебных заведений — Г. Рыженко. В своём выступлении он подчеркнул: «...Я, инвалид Отечественной войны, по возвращению с фронта не имею квартиры, так как получить её очень трудно, куда бы я ни обращался. Везде отказывают. Наши хозяйственники работают с инвалидами Отечественной войны очень плохо». Следующий оратор — заведующий военным отделом Брянковского городского комитета Коммунистической партии (большевиков) Украины В. Васильев — полностью подтвердил это: «Партия и правительство и лично товарищ Сталин проявляют заботу о семьях красноармейцев и инвалидах Отечественной войны. Однако нужно сказать, что в Брянковском районе практически не оказывают помощи. Большинство хозяйственных организаций конкретно не занимаются этими вопросами» [8, с. 32—33].

¹ А. Семерко, инвалид, Ворошиловград (ныне Луганск). (Воспоминания хранятся в личном архиве автора. — В. М.)

² А. Володкевич, инвалид, г. Ясиноватая Сталинской (ныне Донецкой) обл. (Воспоминания хранятся в личном архиве автора. — В. М.)

Это же подтверждается и имеющимися воспоминаниями инвалидов, их родных и друзей. Часть из них указывает на то, что проблемы с жильём были, но постепенно решались, прежде всего трудом самих инвалидов, их семей, родных и друзей. В частности, инвалиды-фронтовики из Старобельского, Марковского, Краснодонского, Троицкого р-нов и городов Луганск, Коммунарск, Кировск, Лисичанск Луганской обл., Ясиноватского р-на, городов Снежного, Харцызска Донецкой обл. отмечали следующее: «...родные и друзья помогли приобрести небольшой, но вполне приличный... для семьи дом, находившийся в шахтёрском районе...»¹; «...полгода обещали в военном отделе и, наконец, предоставили отремонтированную квартиру...»²; «...хоть и без окон, и с протекающей крышей, но получил свой дом как семейный инвалид второй группы...»³.

Наряду с жилищной, острой в адаптационных процессах вхождения инвалидов-

фронтовиков в повседневную жизнь социума была проблема трудоустройства. Анализ документов центральных [9], [10] и областных [11], [12], [13], [14] архивов показывает, что вопросы трудоустройства инвалидов были предметом рассмотрения практически на каждом заседании партийного либо государственного органа (от вышестоящего до нижестоящего), в повестке дня которых стоял вопрос о восстановлении народного хозяйства. Это была тенденция, обусловленная, во-первых, потребностью получения дополнительного контингента рабочей силы; во-вторых, снижением расходов на социальные нужды инвалидов; в-третьих, сглаживанием социальной напряжённости в среде «нищих победителей». Значительное внимание при этом уделялось наиболее многочисленной и работоспособной группе инвалидов, какой являлась третья (таблица 1).

В последующий период предоставление работы инвалидам продолжалось, учитывая

Т а б л и ц а 1 — Сведения о трудоустройстве инвалидов Великой Отечественной войны Донбасского региона на 1 октября 1945 года [15, с. 121]

Группа инвалидности	Общее количество	Трудоустроенные
Ворошиловградская обл.		
I—III	21 720	16 290
Из них:		
I	371	—
II	10 008	5 518
III	11 341	10 772
Сталинская обл.		
I—III	29 400	21 219
Из них:		
I	504	—
II	13 760	7 439
III	15 136	13 780

Примечание. Трудоустроенные инвалиды в Ворошиловградской обл. — 75%, Сталинской обл. — 72,17%, в целом по региону — 73,59%.

¹ И. Вербецкий, инвалид, Лисичанск Луганской обл. (Воспоминания хранятся в личном архиве автора. — В. М.)

² А. Кашута, инвалид, Ясиноватский р-н Донецкой обл. (Воспоминания хранятся в личном архиве автора. — В. М.)

³ В. Забиякин, инвалид, Снежное Донецкой обл. (Воспоминания хранятся в личном архиве автора. — В. М.)

тот факт, что большинство инвалидов, приступавших к работе после возвращения в освобождённые города и сёла Донбасса, добросовестно относились к трудовым обязанностям, стремясь доказать как себе, так и окружающим, что, несмотря на полученные физические увечия, их не стоит списывать со счетов.

С этой точки зрения характерным является пример из воспоминаний: «Я, когда пришёл на работу токарем и увидел, что рядом со мной работает моя же соседка, но... она даже не знала как делать заготовки для шурупов, гаек, шайб... Мне хотелось и ей помочь, и самому доказать своё превосходство... Действительно, за два или три месяца я выполнял не только норму выработки, но и изготавливал продукции в полтора или даже два раза больше»¹.

Заключение. Обзор процесса вхождения инвалидов Великой Отечественной войны в повседневную жизнь на территории освобождённого Донбасса позволяет сделать вывод о том, что бывшие красноармейцы имели высокие жизненные силы и большинство из них адаптировалось к новым условиям повседневной жизни. Следует отметить, что уровень патриотизма и гордости за своё государство вырос до предельных высот, однако факты бездушного отношения, бюрократизма негативно влияли на психологическое состояние инвалидов-фронтовиков. Эти факторы играли решающую роль в формировании морально-психологических настроений советского общества в целом и инвалидов Великой Отечественной войны в частности.

Список цитируемых источников

1. Физелер, Б. «Нищие победители»: инвалиды Великой Отечественной войны в Советском Союзе / Б. Физелер ; пер. с нем. Э. Каплуновской // Непри-

косновенный запас: дебаты о политике и культуре. — 2005. — №№ 2—3. — С. 290—297.

2. Хорохорина, Г. А. Политика государства в области социального обеспечения и реабилитации инвалидов войны и труда в период 1941—1945 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Г. А. Хорохорина. — М. : [б. и.], 2005. — 275 л.

3. Вольхин, А. И. Оперативная работа территориальных органов НКГБ среди инвалидов Великой Отечественной войны в 1943—1945 годах / А. И. Вольхин // Российские спецслужбы: история и современность : материалы ист. чтений на Лубянке. 1997 год. — М. : [б. и.] ; Великий Новгород : [б. и.], 1999. — С. 93—105.

4. Гордієнко, Г. М. Соціальне забезпечення інвалідів Вітчизняної війни в УРСР (1941—1950 рр.) : дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / Г. М. Гордієнко. — Київ : [б. в.], 2010. — 237 арк.

5. Николаєць, Ю. Моральний стан населення України під час відновлення радянської влади (1943—1945 рр.) / Ю. Ніколаєць // Україна в Другій світовій війні: погляд з XXI століття. Історичні нариси : в 2 кн. / ред. кол.: В. А. Смолій (гол. ред.), О. Є. Лисенко (відп. ред.) [та інш.] ; НАН України ; Ін-т історії України. — Київ : Наук. думка, 2011. — Кн. 2. — С. 616—630.

6. Очерки истории Украины / П. П. Толочко [и др.] ; под общей ред. П. П. Толочко. — Киев : Киевская Русь, 2010. — 480 с.

7. Великая Отечественная война 1941—1945: энцикл. / гл. ред. М. М. Козлов. — М. : Совет. энцикл., 1985. — 832 с.

8. Протокол Первой районной партийной конференции Брянковского районного комитета КП(б)У, 16—17 февр. 1944 г. // Государственный архив Луганской обл. — Фонд 1217. — Оп. 1а. — Д. 1. — Л. 36.

9. Стенограмма республиканского совещания работников социального обеспечения УССР, 20 нояб. 1944 г. // Центральный государственный архив высших органов власти в Украине. — Фонд 348. — Оп. 3. — Д. 1213. — Л. 54, 97, 132, 137.

10. Постановления ЦК ЛКСМ, 17 марта 1943 г. — 3 июня 1944 г. // Центральный государственный архив общественных объединений Украины. — Фонд 7. — Оп. 10. — Д. 114. — Л. 174—177.

11. Отчёты и информация о трудоустройстве и материально-бытовом обеспечении инвалидов Великой Отечественной войны за 1946 г. // Государственный архив Донецкой обл. — Фонд 18. — Оп. 5. — Д. 456. — 224 л.

12. Докладные записки, справки, отчёты, информации райкомов и горкомов КП(б)У, обкома КП(б)У об оборонно-мобилизационной работе, материально-бытовом, медицинском обслуживании и трудоустройстве

¹ С. Власов, токарь Ворошиловградского эмалировочного завода имени Артёма, Ворошиловград (ныне Луганск). (Воспоминания хранятся в личном архиве автора. — В. М.)

инвалидов Великой Отечественной войны, янв. 1945 г. // Государственный архив Донецкой обл. — Фонд 2. — Оп. 2. — Д. 11. — 169 л.

13. Отчёты, докладные записки, переписка горкома партии с Ворошиловградским обкомом КП(б)У, партийными и советскими организациями, военкоматами и воинскими частями по вопросам работы райкомов партии, добровольных обществ и военкоматов; предоставления помощи семьям военнослужащих и инвалидам Великой Отечественной войны, госпиталям, 20 янв.—дек. 1945 г. // Государственный архив Луганской обл. — Фонд П-5. — Оп. 3. — Д. 39. — 204 л.

14. Протоколы партийных собраний первичной партийной организации шахты № 43 «Булатовка», 19 янв. — 26 дек. 1945 г. // Государственный архив Луганской обл. — Фонд 1217. — Оп. 1. — Д. 25. — 45 л.

15. Отчёты, докладные записки, переписка с партийными и советскими организациями по вопросам трудоустройства, лечения, предоставления материальной помощи инвалидам Великой Отечественной войны, 3 янв.—26 дек. 1945 г. // Центральный государственный архив общественных объединений Украины. — Фонд 1. — Оп. 83. — Д. 49. — Л. 170.

Материал поступил в редакцию 23.04.2013 г.

The key problems of Great Patriotic War invalids adaptation in the context of their ideas about society, in which they “entered” in 1943—1945 years are considered. The data of archival material, as well as data of sociometric studies that can reveal the essence of the key problems of everyday life of disabled veterans in the Donbas are analyzed. Among them medical, domestic, employment, communicative, problems of searching for and detection of a new sense of invalids life.

УДК 330

А. И. Авраменко

Учреждение образования «Академия МВД Республики Беларусь», Минск

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СВОБОДА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Анализируются различные уровни экономической безопасности: экономическая безопасность личности, экономическая безопасность субъекта хозяйствования, экономическая безопасность государства. Подчеркивается, что между соответствующими уровнями безопасности существуют противоречия, вытекающие из некоторых различий в экономических интересах государства, субъекта хозяйствования и личности. Показано также, что понятия «экономическая свобода» и «экономическая безопасность» государства, субъекта хозяйствования и личности находятся в определённой зависимости и взаимообусловленности. Делается вывод, что только при условии сбалансирования интересов субъектов экономических отношений возможно обеспечение безопасности экономической системы страны в целом.

Введение. Экономическая безопасность занимает центральное место в системе национальной безопасности. Важность обеспечения экономической безопасности подчеркнул глава государства на заседании Совета Безопасности, которое состоялось 19 октября 2010 года, отметив, что экономическая безопасность является основой обеспечения безопасности страны.

Следует заметить, что категория «экономическая безопасность» неразрывно связана с понятием «экономическая свобода». Только при наличии экономической свободы субъекты экономических отношений имеют возможность эффективно осуществлять экономическую деятельность, обеспечивать собственную безопасность и укреплять безопасность государства. В то же время экономические интересы данных субъектов различны, что приводит к возникновению противоречий и конфликтных ситуаций между ними. Нахождение разумного баланса интересов субъектов экономических отношений является неотъемлемым условием обеспечения экономической безопасности как каждого из них, так и экономической системы страны в целом.

Целью статьи является анализ и рассмотрение соотношения понятий экономической безопасности и экономической свободы. Актуальность исследования заключается в том, что в условиях перехода Республики Беларусь к рыночной экономике такие категории, как «экономическая свобода» и «экономическая безопасность», приобретают первостепенное значение. Научная новизна статьи состоит в том, что категории «экономическая свобода» и «экономическая безопасность» рассматриваются во взаимосвязи и взаимообусловленности.

Экономическая свобода и её носители. Одно из самых важных условий существования человека есть свобода. Понятие «свобода» является одним из наиболее употребляемых в обыденной жизни, гуманитарных и общественных науках, политике, средствах массовой информации. Философское осмысление категории свободы привлекало постоянное внимание мыслителей на протяжении всей истории развития мировой философской мысли. Так, уже у Аристотеля развивается мысль о том, что все поступки человека

делятся на произвольные и непроизвольные [1, с. 12], т. е. свободные и несвободные. В широком понимании свободу можно рассматривать как отсутствие внешнего насилия и возможность осуществлять свои действия по своему усмотрению [2, с. 513].

В современной литературе по менеджменту и бизнесу подчёркивается, что философское понимание свободы тесно связано с экономическими отношениями. Ведь именно свобода открывает возможность человеку мыслить и действовать в экономике самостоятельно, опираясь на свои умения, изобретательность, совесть и силу убеждений.

Экономическая свобода является одной из тех ценностей, которую граждане всегда стремились обрести. В условиях современной рыночной экономики проблема экономической свободы является весьма актуальной. Вопрос о природе и конкретных формах проявления экономической свободы занимает важное место в характеристике социально-экономических систем рыночного типа. Это обусловлено его связью с фундаментальными институтами и принципами функционирования рыночной экономики — частной собственностью, свободой предпринимательства, личным интересом как главным мотивом поведения, конкуренцией, опорой на цены, регулируемые рынком, ограниченной ролью государства. В качестве важнейшего принципа рыночного хозяйства экономическая свобода отражает отношения, возникающие между субъектами деятельности, — государством, юридическими и физическими лицами — как автономными и независимыми в принятии хозяйственных решений. Последняя является важнейшим условием возникновения и существования рынка и выражает обособленность субъектов как собственников [3, с. 9].

В связи с этим можно выделить основные субъекты в системе экономической свободы: личность, субъект хозяйствования, государство.

К настоящему времени в научной литературе представлено большое количество точек зрения на свободу осуществления

экономической деятельности или свободу личности вообще как атрибут человеческого бытия.

Рассматривая личность как полноправный, независимый и самостоятельный субъект экономических отношений, мы можем выделить основные черты, характеризующие её экономическую свободу. Во-первых, это способность и возможность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями, опираясь на познание объективной действительности, т. е. возможность самостоятельного выбора. Во-вторых, это отсутствие политического и экономического давления, стеснения, ограничений в общественно-политической и экономической деятельности. В-третьих, личная независимость, самостоятельность, осознанность личного выбора. Однако такое понимание свободы предполагает наличие определённых границ, установленных государством [4].

Исходя из вышеперечисленных признаков, экономическую свободу личности можно представить как совокупность конституционных прав, определяющих юридические возможности человека в экономической сфере, характер и содержание которых устанавливает в конечном счёте экономический, социальный и политический порядок в конкретном обществе.

В Конституции Республики Беларусь личность, её права и свободы провозглашаются высшей ценностью государства, которое предоставляет возможности для деловых экономических отношений. Но нередко личные интересы заканчиваются там, где начинаются общественные, и степень экономической свободы личности должна соотноситься с интересами и нуждами всего общества в целом. В статье 23 Конституции Республики Беларусь определены основания и цели возможного ограничения прав и свобод личности (в том числе и экономических): в случаях предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Самое главное в практической деятельности — это

найти разумное соотношение между закономерно реализуемыми целями граждан и ограничениями их конституционных прав и свобод со стороны государства.

Вторым носителем экономической свободы является предприниматель (субъект хозяйствования), который может осуществлять любые виды хозяйственной деятельности, не запрещённые законом. Для этого он должен быть независимым от других субъектов рынка, прямого вмешательства государственных органов в его деятельность, т. е. обладать определённой степенью экономической свободы. Объективным условием этой свободы является обособленность предпринимателя и наличие собственного дела. Экономический успех невозможен без экономической свободы. Экономическая свобода субъекта хозяйствования выражается в правах, предоставленных ему хозяйственным законодательством. Она начинается с того, что предприниматель самостоятельно создаёт своё дело, исходя из собственной оценки целесообразности и личных интересов. Экономическая свобода позволяет множеству экономических агентов параллельно вести поиск успешных экономических решений сразу по многим направлениям. В условиях рынка быстро становится ясно, какие из этих решений (продуктов или услуг) устраивают потребителей; эти решения моментально получают финансовую поддержку и масштабируются до полного удовлетворения потребности в них. Неудачные решения столь же оперативно отбрасываются.

Экономическая свобода хозяйствующих субъектов есть не что иное, как широта экономического поведения субъектов хозяйствования при выборе форм собственности и сферы приложения своих способностей, знаний, возможностей, профессии, способов распределения доходов, потребления материальных благ, которая устанавливается и санкционируется государством посредством правовых норм [5]. Предоставляя права и свободы субъектам хозяйствования, государство также устанавливает и их обязан-

ности. Так, все хозяйствующие субъекты обязаны платить налоги, соблюдать правила экономической деятельности, установленные законодателем, и др. Это свидетельствует о том, что экономическая свобода данных субъектов не безгранична, а чётко очерчена и регламентирована государством, и от того, как субъекты хозяйствования реализуют предоставленные им права и свободы, и будет зависеть степень вмешательства государственных органов в их экономическую деятельность и в экономику страны в целом.

Ещё одним носителем экономической свободы является государство. Свободу государства можно рассматривать с двух сторон. Внутренняя свобода государства предполагает его возможность одновременно выступать и арбитром экономической свободы в стране, и её полноправным субъектом. Это значит то, что государство обладает исключительными правами на установление системы налогообложения, форм собственности, формирование законодательной базы в сфере экономики, определение основных направлений экономического развития страны. По сути дела, государство определяет степень свободы всех субъектов экономических отношений и её границы. В то же время оно само является непосредственным участником этих отношений. Однако, несмотря на то, что государство занимает господствующее место в системе экономических отношений страны, его экономическая свобода не должна быть безграничной. Чрезмерное ограничение государством экономической свободы личности, субъектов хозяйствования приводит сначала к конфликту интересов, а затем и к социальному конфликту. Под угрозой окажется социальная и экономическая стабильность страны. Необоснованное ограничение свободы может способствовать увеличению экономической преступности, перемещению субъективного материального интереса в нелегальную сферу и в конечном итоге отрицательно скажется на экономике всей страны.

В Республике Беларусь идёт бурный процесс совершенствования социально-экономических отношений. Современный этап развития национальной экономики Беларуси характеризуется тем, что создаётся новый её облик. Предпринимаются попытки укрепления деловой активности и инициативы, создаются необходимые условия для предприимчивых людей. Указом Президента 2011 год был объявлен Годом предпринимчивости. В этих условиях нахождение правильного соотношения, баланса интересов и экономической свободы всех субъектов экономических отношений приобретает чрезвычайно актуальное значение. Выверенный оптимальный баланс интересов и свобод создаёт основу для стабильного и устойчивого развития страны в целом.

Внешняя свобода государства выражается в праве и возможности государства как единой экономической системы участвовать в международных экономических отношениях, осуществлять независимую экономическую политику исходя из собственных интересов и потребностей. Внешняя свобода даёт право участвовать на равных условиях с другими странами в купле-продаже товаров/услуг на мировом рынке, осуществлять операции с ценными бумагами и капиталом, выступать в качестве инвестора и инвестируемого, вступать в международные экономические союзы и др.

Однако, как и любая свобода, внешняя экономическая свобода государства не безгранична. Её ограничителями выступают такие факторы, как конъюнктура мирового рынка, состояние золотовалютных резервов, экономическая политика других стран мирового сообщества.

Рассмотрев экономическую свободу всех субъектов экономических отношений (личности, субъекта хозяйствования, государства), мы можем утверждать, что экономическая свобода является неотъемлемым атрибутом современного общества, условием его равного и справедливого развития. В широком понимании она представляет

собой совокупность прав и возможностей субъектов экономических отношений осуществлять без внешнего принуждения определённые действия в сфере экономики. Однако следует отметить, что экономическая свобода не бывает абсолютной или безграничной, она всегда предполагает экономическую ответственность. Границы экономической свободы определены, с одной стороны, согласно диалектической логике, внутренней противоречивостью самой сущности понятия, которая разрешается путём возникновения новых форм её проявления и модификации существующих. С другой — имеются ограничительные факторы внешней среды, к которым относятся юридические правила и ограничения, экономическая политика государства, конкуренция и др.

В любом государстве очень важно найти правильный баланс, совместить индивидуальную свободу (свободу личности), свободу субъектов хозяйствования и государства.

Понятие экономической безопасности. В настоящее время наша республика переживает довольно сложный исторический период становления новых социально-экономических отношений. В условиях мирового финансово-экономического кризиса проблема экономической безопасности страны выдвигается на передний план и приобретает особую актуальность.

Характер современного геополитического пространства, быстро меняющиеся внутренние и внешние вызовы и угрозы заставляют нас с большей тщательностью заниматься вопросами национальной безопасности в целом и экономической в частности. Обеспечение национальной безопасности и защита интересов в экономической сфере являются приоритетными направлениями политики Республики Беларусь.

На состоявшемся 19 октября 2010 года заседании Совета Безопасности Республики Беларусь по вопросу «Об утверждении новой редакции Концепции национальной безопасности Республики Беларусь и документов,

связанных с её реализацией» Александр Лукашенко, открывая заседание, отметил: «Для устойчивого развития нашего государства это один из наиболее значимых документов. Он закрепляет сущность и содержание многогранной деятельности по обеспечению баланса интересов личности, общества и государства, по их защите не только от потенциальных, но и реальных угроз» [6]. Без обеспечения экономической безопасности практически невозможно решить ни одну из задач, стоящих перед страной, как на внутригосударственном, так и на международном уровне [7, с. 49].

Вместе с тем в научной литературе до сих пор нет устоявшегося термина «экономическая безопасность». На сегодняшний день учёные стран постсоветского пространства дают различные трактовки данного понятия. Так, украинский учёный В. И. Франчук в своей работе «Основи економічної безпеки» определяет экономическую безопасность как «состояние в пределах граничных значений, способность противодействовать угрозам или опасности и способность реализации экономических интересов» (перевод автора. — А. А.) [8, с. 9].

Российский учёный Л. И. Абалкин считал, что «экономическая безопасность — это состояние экономической системы, которое позволяет ей развиваться динамично и решать социальные задачи и при котором государство имеет возможность вырабатывать и приводить в жизнь независимую экономическую политику» [9, с. 5].

В свою очередь А. Городецкий и Б. Михайлов предлагают следующую трактовку: «экономическая безопасность — это способность экономики обеспечивать эффективное удовлетворение общественных потребностей на национальном и международном уровне. Иными словами, экономическая безопасность представляет собой совокупность внутренних и внешних условий, благоприятствующих эффективному динамичному росту национальной экономики, её способности удовлетворять потребности общества,

государства, индивида, обеспечивать конкурентоспособность на внешних рынках, гарантированность от различного рода угроз и потерь» [10, с. 38—39].

Все предложенные определения в той или иной степени отражают сущностное содержание рассматриваемого понятия. При этом, безусловно, общая цель экономической безопасности — обеспечение такого развития экономики, при котором создались бы приемлемые условия для жизни и развития личности, социально-экономической и военно-политической стабильности общества и сохранения целостности государства, успешного противостояния влиянию внешних и внутренних угроз.

Сам термин «экономическая безопасность» может быть рассмотрен в нескольких аспектах. В широком понимании экономическая безопасность может рассматриваться как состояние системы экономических отношений между субъектами хозяйствования, индивидами, государственными институтами в рамках национальной экономики и в сфере внешнеэкономической деятельности, обеспечивающее возможность полной реализации и защищённости жизненно важных экономических интересов от внешних и внутренних угроз путём достижения сбалансированности интересов каждого из участников отношений.

В узком значении, как экономическая безопасность предприятия, отрасли, региона или субъектов хозяйствования, — это защищённость производственных, финансовых, юридических и иных отношений и организационных связей, интеллектуальных ресурсов от угроз, состояние, при котором реализуются экономические интересы.

Нельзя не согласиться с мнением М. В. Мясниковича о том, что экономическую безопасность следует рассматривать как структуру, состояние и процесс. Если говорить об экономической безопасности как о структуре, то она есть система жизненно важных экономических интересов (которые являются объектом экономической системы) и их

субъектов (носителей экономических отношений); угроз им, обусловленных различными факторами, процессами и действиями; субъектов угроз [11, с. 57—58].

В научной литературе, посвящённой экономической безопасности, рельефно выделяются наиболее значимые её элементы:

– экономическая независимость, которая в условиях современного развития международных отношений не носит абсолютного характера. Международное разделение труда делает национальные экономики взаимозависимыми друг от друга. В таких условиях экономическая независимость означает возможность государства сохранять контроль над национальными ресурсами. В стране должен быть достигнут такой уровень производства и качества продукции, который обеспечивает её конкурентоспособность и позволяет на равных участвовать в мировой торговле, обмене научно-техническими достижениями;

– стабильность и устойчивость национальной экономики. Этот элемент предполагает защиту всех форм собственности. Должны быть созданы необходимые условия и гарантии для предпринимательской деятельности. Вместе с тем следует избегать серьёзных разрывов в распределении доходов, грозящих вызвать социальные потрясения. На это же направлена борьба с криминальными проявлениями в экономике;

– способность к саморазвитию и прогрессу. Этот элемент особенно важен в современном динамично развивающемся мире. Создание благоприятного климата для инвестиций и инноваций, постоянная модернизация производства, повышение профессионального, общеобразовательного и общекультурного уровня работников становятся необходимыми и обязательными условиями устойчивости и самосохранения национальной экономики [7, с. 49—52]. Несомненно, названные элементы являются неотъемлемыми составляющими системы экономической безопасности, так как только при их наличии возможно обеспечение экономиче-

ской безопасности страны и удовлетворение интересов субъектов экономических отношений.

Если же рассматривать понятие экономической безопасности как состояние, то можно выделить ряд характерных признаков. Во-первых, экономическая безопасность как состояние будет характеризоваться степенью достижения наибольшего соответствия между жизненно важными интересами личности, субъекта хозяйствования и государства, а во-вторых, степенью создания условий для оптимального функционирования системы экономических отношений, обеспечивающей удовлетворение экономических потребностей и реализацию интересов.

Экономическая безопасность как процесс тождественна понятию «обеспечение экономической безопасности», т. е. рассматривается как практическая деятельность по обеспечению жизненно важных интересов, выявлению и предупреждению угроз, противодействие субъектам угроз [11, с. 57—58].

Теперь попытаемся на основе анализа законодательства и различных точек зрения уточнить определение национальной экономической безопасности. Она, на наш взгляд, представляет собой совокупность созданных государством условий и факторов, способных обеспечить устойчивость, независимость национальной экономики и её развитие, а также необходимую защиту экономических интересов личности, субъектов хозяйствования и государства и удовлетворение их потребностей.

Важное практическое значение в системе экономической безопасности имеет определение её уровней. Это позволяет более чётко ориентироваться в сущности и структуре экономических национальных интересов и в соответствии с этим вырабатывать экономическую политику и стратегию. Одновременно появляется возможность в каждый данный период времени более чётко реагировать на появляющиеся слабые звенья и своевременно укреплять их. По аналогии с экономическими свободами можно

выделить следующие уровни безопасности в экономической сфере: экономическая безопасность личности, экономическая безопасность субъекта хозяйствования и экономическая безопасность государства.

Заметим, что обеспечение экономической безопасности на каждом её уровне осуществляется соответствующими субъектами и методами. Например, экономическая безопасность государства осуществляется структурными элементами государственного аппарата, а экономическую безопасность субъектов хозяйствования обеспечивают структурные звенья предприятия, фирмы или сам индивидуальный производитель.

Государство в данной системе выступает в роли арбитра. Это обусловлено прежде всего тем, что состояние экономической безопасности не только самого государства, но и субъектов хозяйствования, личности в значительной степени зависит от средств и методов государственного регулирования экономических отношений. Обеспечение экономической безопасности — важная функция государственного управления, которая включает в себя деятельность всех ветвей власти.

Приоритетное положение государства в системе экономической безопасности означает, что оно должно считаться с интересами других субъектов. Очень важно правильно взвесить соотношение экономических интересов личности, субъекта хозяйствования и государства. Иначе объективные противоречия между ними будут создавать опасность устойчивому экономическому и социальному развитию страны, затруднять выполнение государством функций по регулированию хозяйственной практики, и, как результат, под угрозой окажется вся система экономической безопасности. Данное положение нашло свое отражение в новой редакции Концепции национальной безопасности Республики Беларусь.

Соотношение понятий «экономическая свобода» и «экономическая безопасность». Экономическая ткань современного

общества состоит из экономических интересов личностей, государства и субъектов хозяйствования. Векторы этих интересов могут иметь разную направленность, и между ними возникают противоречия, перерастающие порой в антагонизм. Чем острее противоречия, тем больше угроза экономической безопасности страны. Важнейшей целью любого государства является стабильное и безопасное развитие собственной экономики и постоянное расширение внешнеэкономических связей. В связи с этим проблема обеспечения экономической безопасности занимает центральное место в системе обеспечения национальной безопасности. Сегодня экономическую безопасность следует рассматривать в качестве важнейшей характеристики экономической системы, которая определяет способность реализации национально-государственных интересов, устойчивую дееспособность хозяйствующих субъектов и достойные условия жизнедеятельности населения.

Следовательно, субъектами экономической безопасности выступают государство и его институты, субъект хозяйствования и отдельное физическое лицо (личность). Непосредственным же объектом обеспечения экономической безопасности являются жизненно важные интересы всех вышеназванных субъектов экономической системы (личности, субъектов хозяйствования и государства). Однако зачастую их экономические интересы не совпадают, что создаёт предпосылки для конфликтных ситуаций. Именно поэтому для обеспечения экономической безопасности необходимо учитывать не только интересы государства в целом, но также интересы субъектов хозяйствования и личности.

Каждый из субъектов имеет свою систему экономической безопасности, состоящую из таких же элементов, как и общая система экономической безопасности, но отличающихся своей спецификой. Все субъекты выполняют одни и те же по сути, но разные по содержанию и характеру функции по противодействию тем или иным угрозам, защищая

собственные экономические интересы. Вместе с тем в хорошо сложившейся системе экономической безопасности общества они взаимно дополняют друг друга и подчинены согласно иерархии общественного статуса.

Понятие экономической безопасности неразрывно связано с понятием экономической свободы, которая является индикатором дееспособности субъекта экономических отношений и важнейшим условием для обеспечения его экономической безопасности. Чем выше степень экономической свободы субъекта, тем выше степень его защищённости.

Следует заметить, что между соответствующими уровнями безопасности существуют и противоречия, вытекающие из некоторых различий в экономических интересах государства, субъекта хозяйствования и личности. Таким образом, усиливая безопасность государства, мы можем пренебречь интересами личности, субъекта хозяйствования и наоборот. Задача современной науки — оптимизировать соотношение между различными уровнями безопасности.

Нахождение необходимого баланса между экономической свободой личности, субъекта хозяйствования и государства является важнейшим условием обеспечения экономической свободы как каждого из субъектов экономических отношений, так и всей экономической системы в целом.

Государству (в лице государственных органов) принадлежит главенствующее положение в системе экономической безопасности. Именно государство создаёт правовую основу осуществления экономической деятельности, т. е. определяет границы экономической свободы каждого из субъектов экономических отношений. Так, например, резкое повышение государством налогов, которыми облагаются субъекты хозяйствования, позволит ему более эффективно и качественно выполнять свои функции, более уверенно управлять экономикой, осуществлять инвестирование в производство. Также данные меры помогут сгладить существующие социальные

противоречия путём повышения заработной платы, улучшить обеспечение обороноспособности страны и т. д.

Вместе с тем такой подход может быть сопряжён с ущемлением интересов субъектов хозяйствования, нарушением безопасности их деятельности, что проявится в отсутствии резервов на случай форс-мажорных ситуаций, банкротства. Впоследствии это приведёт к уменьшению поступлений денежных средств в виде налогов, получаемых государством, и отрицательно скажется на экономическом состоянии страны.

Аналогичная ситуация складывается и во взаимоотношениях государства и личности, субъекта хозяйствования и личности. Так, высокие подоходные налоги, с одной стороны, помогают государству наиболее эффективно осуществлять перераспределение доходов, с другой — ущемляют интересы личности. Это ведёт к нарушению состояния безопасности домашних хозяйств, уменьшению их резервов, возможности воспроизводства, в том числе оказывает отрицательное воздействие на динамику рождения и воспитания детей, их образование.

Такое отношение в конечном итоге может негативно повлиять и на безопасность государства. Снижение уровня жизни приводит к уменьшению рождаемости в стране, происходит старение населения и уменьшение доли экономически активного населения и, как результат, ухудшение экономической безопасности государства. Высокий уровень заработной платы, безусловно, расширяет степень экономической свободы наёмных работников, но ведёт к увеличению издержек субъектов хозяйствования и тем самым ограничивает их экономические свободы и создаёт угрозы экономической безопасности.

Характеризуя противоречия различных субъектов экономической безопасности, следует отметить, что они связаны не только с условиями налогообложения и формирования доходов, они могут возникать в различных сферах. Например, ужесточение

условий покупки коммерческими банками иностранной валюты для поддержания обменных пунктов весной 2011 года было вынужденной мерой временного ограничения экономической свободы банков и населения в целях стабилизации ситуации на валютном рынке Республики Беларусь и обеспечения валютной безопасности страны. Однако в сложившейся ситуации возникли новые угрозы экономической безопасности государства. Отсутствие возможности свободного приобретения валюты вынудило субъекты хозяйствования, использующие импортные сырьё и материалы, приостанавливать производство, в результате чего снизился объём валового внутреннего продукта, уменьшились налоговые выплаты, росла безработица. Найти оптимальный баланс соотношения экономических интересов, свободы и безопасности государства, субъектов хозяйствования и населения в этой сфере было непросто, но крайне необходимо.

Следует заметить, что переход к рыночной экономике, который в настоящее время осуществляет Республика Беларусь, не предполагает предоставления стопроцентной экономической свободы каждому из субъектов экономических отношений. Столкновение интересов и возникающие противоречия между данными субъектами, которые всегда имеют место, являются основанием введения определённых ограничений их экономической свободы для обеспечения экономической безопасности государства в целом. К примеру, одной из важнейших функций государства является обеспечение экологической безопасности страны. Государство вводит ограничения на выброс вредных веществ в атмосферу, требует установки качественных очистных сооружений, возмещения вреда, причинённого окружающей среде производственной или иной деятельностью субъектов хозяйствования и т. д., что в определённой степени ограничивает их экономическую свободу в распределении и перераспределении имеющихся денежных средств.

Таким образом, учитывая всё вышесказанное, можно сделать вывод о взаимозависимости и взаимообусловленности экономической безопасности и экономической свободы государства, субъекта хозяйствования и личности. Для стабильного функционирования всех субъектов необходима выработка мер и создание условий путём предоставления определённого объёма экономической свободы и введения некоторых её ограничений, что будет содействовать обеспечению экономической безопасности каждого. Только при условии сбалансирования интересов субъектов экономических отношений возможно обеспечение безопасности экономической системы страны в целом. Государство в данной системе занимает главенствующее положение, так как именно оно создаёт правовую основу осуществления экономической деятельности. Нельзя допустить как отсутствия контроля государства за деятельностью субъектов экономических отношений, так и необоснованного ужесточения условий осуществления их деятельности. Самое сложное и необходимое в данном случае — это поиск разумного баланса между экономической свободой и экономической безопасностью каждого из субъектов и экономической безопасностью страны в целом.

Заключение. Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Центральное место в системе национальной безопасности занимает экономическая безопасность, которая представляет собой совокупность созданных государством условий и факторов, способных обеспечить устойчивость, независимость национальной экономики и её развитие, а также необходимую защиту экономических интересов личности, субъектов хозяйствования и государства и удовлетворение их потребностей.

2. В системе экономической безопасности можно выделить следующие уровни: экономическая безопасность личности, экономическая безопасность субъекта хозяйствования, экономическая безопасность государства.

Между соответствующими уровнями безопасности существуют противоречия, вытекающие из некоторых различий в экономических интересах государства, субъекта хозяйствования и личности.

3. Важную роль в обеспечении экономической безопасности играет экономическая свобода, представляющая собой совокупность прав и возможностей субъектов экономических отношений осуществлять без внешнего принуждения определённые действия в сфере экономики. Однако экономическая свобода не бывает абсолютной или безграничной, она всегда предполагает экономическую ответственность.

4. Переход к рыночной экономике, который в настоящее время осуществляет Республика Беларусь, не предполагает предоставления стопроцентной экономической свободы каждому из субъектов экономических отношений. Столкновение интересов и возникающие противоречия между данными субъектами, которые всегда имеют место, являются основанием введения определённых ограничений их экономической свободы для обеспечения экономической безопасности государства в целом

5. Государство занимает приоритетное положение в системе экономической безопасности. Это обусловлено прежде всего тем, что состояние экономической безопасности не только самого государства, но и субъектов хозяйствования, личности в значительной степени зависит от средств и методов государственного регулирования экономических отношений. Обеспечение экономической безопасности — важная функция государственного управления, которая включает в себя деятельность всех ветвей власти.

6. Экономическая свобода и экономическая безопасность государства, субъекта хозяйствования и личности находятся в определённой зависимости и взаимообусловленности. Для стабильного функционирования данных субъектов необходима выработка мер и создание условий путём предоставления определённого объёма экономической

свободы и введения некоторых её ограничений, что будет содействовать обеспечению экономической безопасности каждого. Только при условии сбалансирования интересов субъектов экономических отношений возможно обеспечение безопасности экономической системы страны в целом. Государство в данной системе занимает главенствующее положение, так как именно оно создаёт правовую основу осуществления экономической деятельности.

Положения и выводы, полученные в данной статье, могут служить основой для последующих теоретических исследований, а также при изучении экономической теории.

Список цитируемых источников

1. Катчиева, Л. С. Свобода в системном представлении : автореф. дис. ... канд. филос. наук. : 09.00.11 / Л. С. Катчиева ; Сев.-Кав. гос. техн. ун-т. — Ставрополь : [б. и.], 2002. — 18 с.
2. Гавриленко, В. Г. Свобода / В. Г. Гавриленко // Экономика. Энциклопедический словарь. — Минск : Право и экономика, 2009. — 716 с.
3. Кокоев, Э. Ю. Организация регулирования экономической свободы предпринимательства : автореф. дис. ... канд. экон. наук. : 08.00.05 / Э. Ю. Кокоев ; Тюмен. гос. ун-т. — Тюмень : [б. и.], 2005. — 26 с.
4. Авраменко, А. И. Ограничение экономической свободы и экономическая преступность / А. И. Авраменко, Л. В. Орехова // Сацьяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. — 2010. — № 1. — С. 45—55.
5. Экономическая свобода [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/16610. — Дата доступа: 23.09.2010. — Загл. с экрана.
6. Национальный интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Пресс-служба Президента Респ. Беларусь. — Режим доступа: <http://www.president.gov.by/press88181.html#doc>. — Дата доступа: 27.10.2010. — Загл. с экрана.
7. Задиран, С. В. Экономическая безопасность Республики Беларусь: понятие, структура, содержание / С. В. Задиран // Юстиция Беларуси. — 2007. — № 3. — С. 49—52.
8. Франчук, В. І. Основи економічної безпеки: нав. посібник / В. І. Франчук. — Львів : Львів. держ. ун-т внутрішніх справ, 2008. — 203 с.
9. Абалкин, Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение / Л. И. Абалкин // Вопр. экономики. — 1994. — № 12. — С. 4—13.
10. Архипов, А. Экономическая безопасность: оценки, проблемы, способы обеспечения / А. Архипов,

А. Городецкий, Б. Михайлов // *Вопр. экономики.* — 1994. — № 12. — С. 36—44.

11. *Мясникович, М. В.* Модель обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь / М. В. Мясникович, В. В. Пузиков // *Белорус. экон. журн.* — 2002. — № 3. — С. 57—65.

12. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 17 июля 2001 г., № 390 // *Эталон — Беларусь* [Компьютерная справоч-

ная правовая система] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск: [б. и.], 2011. — Загл. с экрана.

13. Об утверждении концепции национальной безопасности [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // *Эталон — Беларусь* [Компьютерная справочная правовая система] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск: [б. и.], 2011. — Загл. с экрана.

Материал поступил в редакцию 27.11.2012 г.

The Article is dedicated to analysis of the correlations of the economic liberty and economic safety state, subject of the management and personalities. Only at condition of the account interest all subject of the economic relations possible provision to safety of the economic system of the country as a whole.

УДК 658.155.4 : 65.016

О. А. Безручко

Кременчугский национальный университет имени М. В. Остроградского, Кременчуг, Украина

ДИАГНОСТИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИКЛИЧНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Рассматриваются особенности оценки экономического потенциала предприятия в условиях неустойчивой рыночной среды. Обоснована необходимость модифицирования существующей методической и инструментальной базы анализа в целях учёта влияния циклических колебаний на процесс развития потенциала фирмы. Предложено применение процедуры Брай-Бошена, уточнённой в соответствии с функциональной нагрузкой, для определения стадии жизненного цикла предприятия и уровня эффективности использования его потенциала.

Введение. В условиях современного состояния нестабильной экономики возрастает роль и значение экономического потенциала как одного из определяющих факторов адаптации предприятий к различным условиям хозяйствования, успешного их функционирования и устойчивого развития в перспективе.

Экономический потенциал предприятия является сложной, многогранной, многоуровневой системой, что и определяет необходимость его комплексного системного исследования.

При этом диагностика потенциала должна базироваться на понимании предприятия как сложной, открытой социально-производственной организации, функционирующей во внутренней и внешней средах и связанной с ними специфическими отношениями.

Системные исследования экономического потенциала позволят повысить аргументированность и качество управленческих решений на предприятии при постоянно меняющихся условиях хозяйствования.

Изучением сущности, особенностей формирования, развития и оценивания экономического потенциала предприятия занимались многие отечественные и иностранные учёные: Л. И. Абалкин, В. М. Авдеенко, О. В. Арефьева, В. М. Архангельский, К. Г. Воблый, Ю. Ф. Врода, О. О. Ильчук, Л. А. Квятковская, Г. Б. Клейнер, Н. С. Краснокутская,

Е. В. Лапин, А. Н. Люкшинов, Р. В. Марушков, О. И. Маслак, В. С. Немчинов, О. И. Олексюк, Е. В. Попов, Б. А. Райзберг, И. М. Репина, Л. С. Сосненко, О. С. Федонин и др.

Однако, несмотря на достаточно большое количество научных трудов и исследований, экономический потенциал по-прежнему считается «неустоявшейся» категорией, что обусловлено его многоаспектностью и наличием широкого круга дискуссионных вопросов относительно особенностей формирования, развития и диагностики потенциала.

Методология и методы исследования.

В статье использованы статистический, аналитический, обобщающий, экспертный методы для диагностики экономического потенциала предприятия в условиях циклических колебаний.

Организация исследования.

В работе представлен алгоритм расчёта интегрального показателя уровня экономического потенциала предприятия с помощью графоаналитического подхода «Квадрат потенциала». Процедура Брай-Бошена для диагностики циклической динамики потенциала хозяйствующего субъекта модифицирована и реализована на примере машиностроительного предприятия — публичного акционерного общества «Крюковский вагоностроительный завод» (далее — ПАО «КВСЗ»).

Результаты исследования и их обсуждение. На сегодняшний день существует большое количество методик оценки потенциала предприятия, в основе которых лежат различные математические, графоаналитические модели, матричные, логические, лингвистические методы и т. д.

Анализ литературных источников показал, что в зависимости от единиц измерения и направленности диагностического процесса все существующие методики оценки можно условно сгруппировать следующим образом:

- стоимостный (ресурсный) подход, предусматривающий оценку потенциала предприятия в денежном выражении;
- относительный (коэффициентный) подход, предполагающий оценку потенциала предприятия на основании системы экономических и финансовых показателей, которые отображают достаточность и эффективность использования ресурсов хозяйствующего субъекта (таблица 1).

Однако среди широкого инструментария диагностики потенциала предприятия достаточно методов, учитывающих циклическую динамику развития потенциала.

На наш взгляд, в условиях современной неустойчивой экономики особенно важно не просто определить уровень потенциала предприятия, но и выяснить, на какой стадии жизненного цикла развития он находится. Такой подход даст возможность более точно идентифицировать проблемы и переломные моменты в развитии потенциала предприятия, формировать более точные и эффективные планы на будущее.

Среди современных методик оценивания есть ряд таких, которые прямо или косвенно

учитывают цикличность в процессах формирования и развития потенциала предприятия (таблица 2).

В основном в процессе оценивания учёт стадии жизненного цикла потенциала предприятия используется как вспомогательный инструмент для определения уровня конкурентоспособности и стадии развития хозяйствующего субъекта. В связи с этим на сегодняшний день широкое распространение приобретают категории «конкурентоспособный потенциал», «стратегический потенциал», «потенциал развития» и т. д. Однако, исходя из целевой нагрузки учёта циклических колебаний в процессах формирования и развития экономического потенциала хозяйствующего субъекта, имеет смысл рассмотреть возможность развития существующих методик диагностики.

Современный спектр инструментов исследования циклической динамики экономических процессов и явлений макро- и микроуровня даёт возможность для их адекватной модификации и успешного применения в ходе диагностирования экономического потенциала предприятия на разных стадиях развития.

В обзоре мировой экономики и финансов Международного валютного фонда для определения пиков и нижних точек циклов деловой активности 21 развитой страны на основе поквартальных данных реального валового внутреннего продукта используется процедура Брай-Бошена. На наш взгляд, можно применить данную процедуру и для анализа динамики экономического потенциала, дополнив системой

Т а б л и ц а 1 — Основные методы оценивания экономического потенциала предприятия

Подход	Методы	Основные характеристики
Стоимостный (ресурсный)	Расходный, сравнительный, результатный	Комплексность, денежное выражение уровня потенциала, отражение стоимости предприятия
Относительный (коэффициентный)	Рейтинговый (балльный), экспертный, нечётко-множественный, факторного анализа	Результативность, чёткость, рациональность, коэффициентное (балльное) выражение результатов оценки

Т а б л и ц а 2 — Методики оценки циклической динамики экономического потенциала предприятия

Методика	Автор	Основные характеристики
Графоаналитический метод оценки потенциала предприятия «Квадрат потенциала»	И. А. Репина [1, с. 20]	Даёт возможность системно установить количественные и качественные связи между отдельными элементами потенциала, уровень его развития и конкурентоспособности, на основании этого раскрыть, своевременно реализовать управленческие решения по повышению эффективности функционирования предприятия. Устанавливает связь между формой и размером квадрата потенциала и стадией жизненного цикла предприятия
Методика сравнительного анализа эффективности использования экспортного и экономического потенциала предприятия	М. С. Сычёв [2, с. 12]	Основана на расчёте интегрального показателя с включением комплексных оценок внутреннего и внешнего потенциала, скорректированных на коэффициент сопряжённости с учётом циклической динамики
Оценка значимости частных потенциалов производственного предприятия на разных этапах жизненного цикла	Е. В. Драгунова, Т. А. Финк [3, с. 141—144]	Используется при оценке конкурентоспособности предприятия через совокупный потенциал. Предполагает использование метода анализа иерархий Т. Саати для количественного определения приоритетности и итоговой значимости частных потенциалов

параметров-индикаторов его перехода на следующую стадию делового цикла предприятия (рисунок 1) [4, с. 291].

В целях реализации поставленных задач прежде всего следует сформировать входящий ряд данных, в нашем случае — рассчитать интегральный показатель уровня экономического потенциала предприятия. Для этого предлагаем использовать систему коэффициентов деятельности хозяйствующего субъекта (рисунок 2).

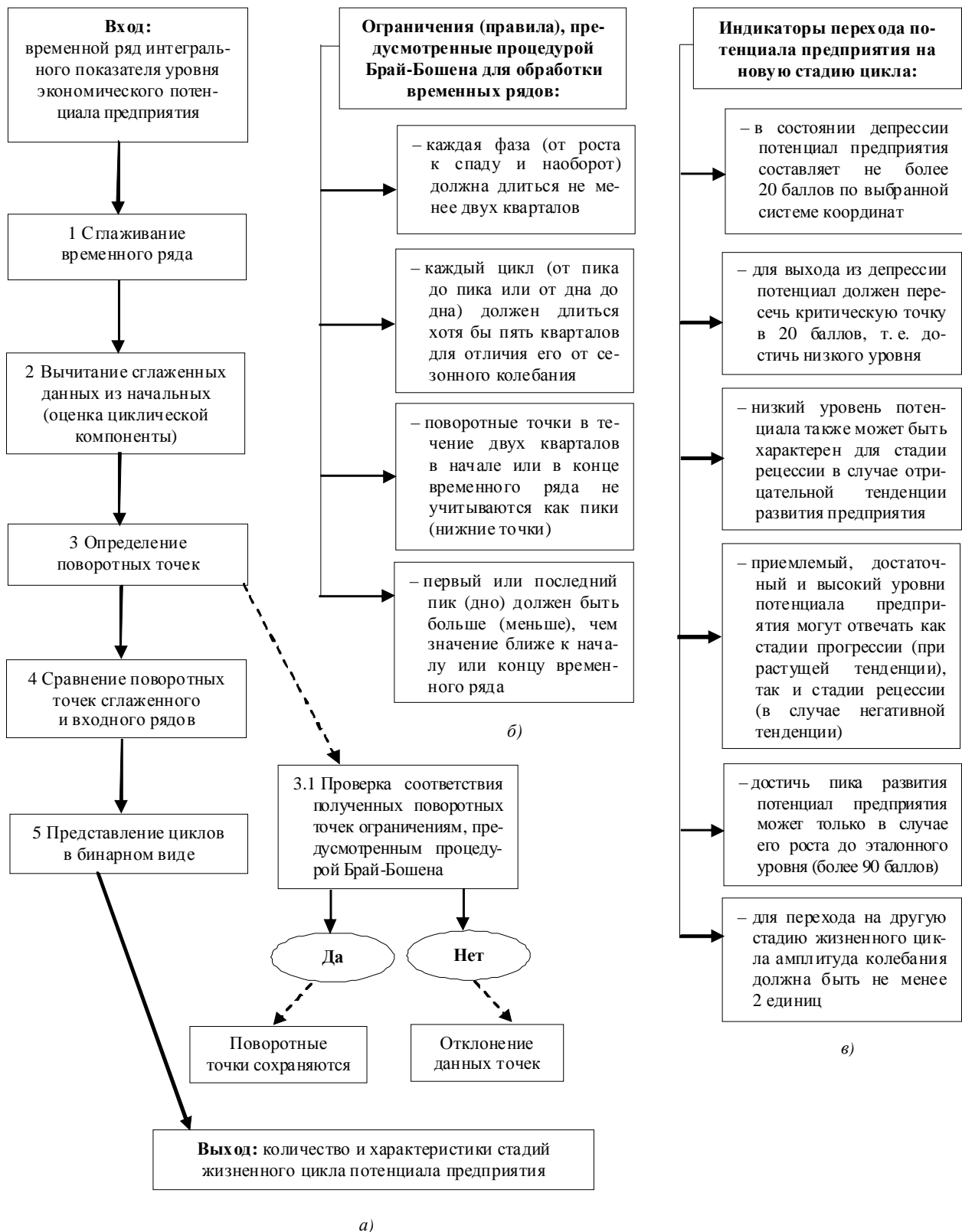
Расчёт интегрального показателя уровня потенциала фирмы произведём с помощью методики, положенной в основу графоаналитического подхода «Квадрат потенциала» (рисунок 3) [1, с. 22—24]. Суть данной методики состоит в сравнении текущих значений выбранных показателей с их оптимальным значением за период анализа. При этом важную роль играет характер их влияния на искомый интегральный показатель: рост коэффициента — увеличение уровня обобщающего показателя (стимуляторы); снижение коэффициента — рост обобщающего показателя (дестимуляторы); соответственно, для стимуляторов оптимальным значением будет максимальное, а для дести-

муляторов — минимальное. В нашем случае все выбранные для расчётов показатели — стимуляторы, т. е. их положительная динамика свидетельствует об увеличении потенциала предприятия.

Предложенная методика была реализована на примере одного из ведущих машиностроительных предприятий Полтавской обл. Украины — ПАО «КВСЗ».

Однако на данном этапе мы можем получить только количественную оценку потенциала предприятия, что недостаточно для формирования выводов и анализа исследуемой категории. Поэтому целесообразно ввести лингвистическую (качественную) переменную, определить которую можно с помощью системы градаций, разработанной на основе широкоизвестной шкалы Харрингтона (таблица 3).

С нашей точки зрения, важным является не только сам уровень экономического потенциала, но и эффективность его использования, так как, обладая достаточно высокими возможностями, предприятие в силу влияния внешних или внутренних факторов может неэффективно их реализовать, что приведёт к отрицательным результатам его деятельности и развития. В качестве основного индикатора



а — алгоритм; б — ограничения, предусмотренные процедурой Брай-Бошена; в — индикаторы перехода на новую стадию

Рисунок 1 — Процедура Брай-Бошена для анализа циклической динамики временного ряда интегральных показателей уровня экономического потенциала (по [4])

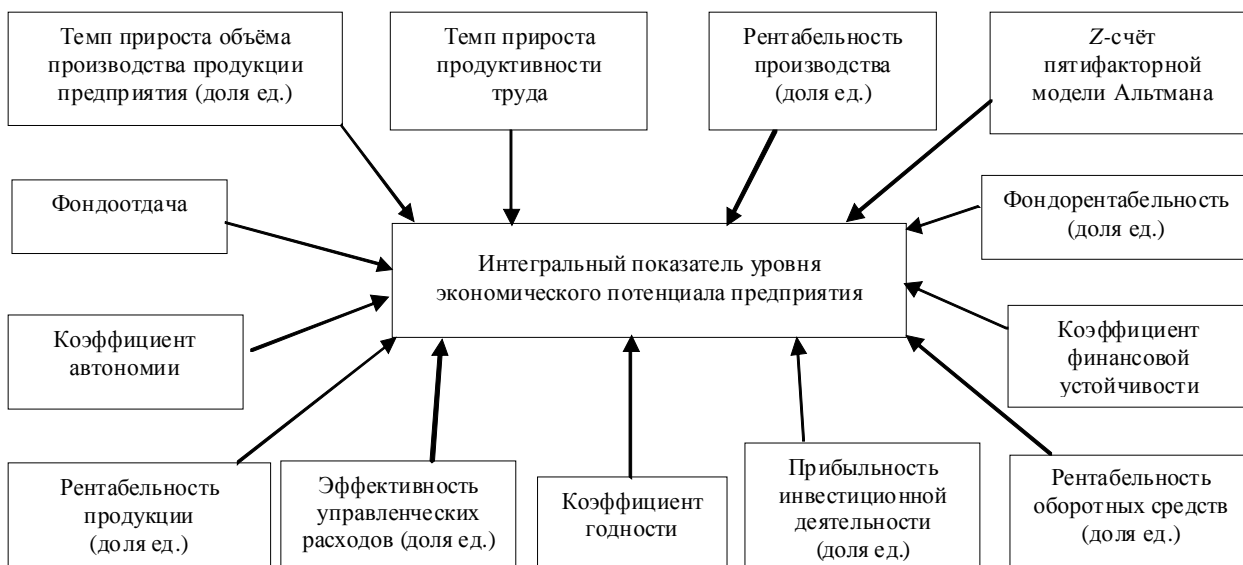


Рисунок 2 — Набор показателей для оценки уровня экономического потенциала предприятия (определены методом экспертного опроса)

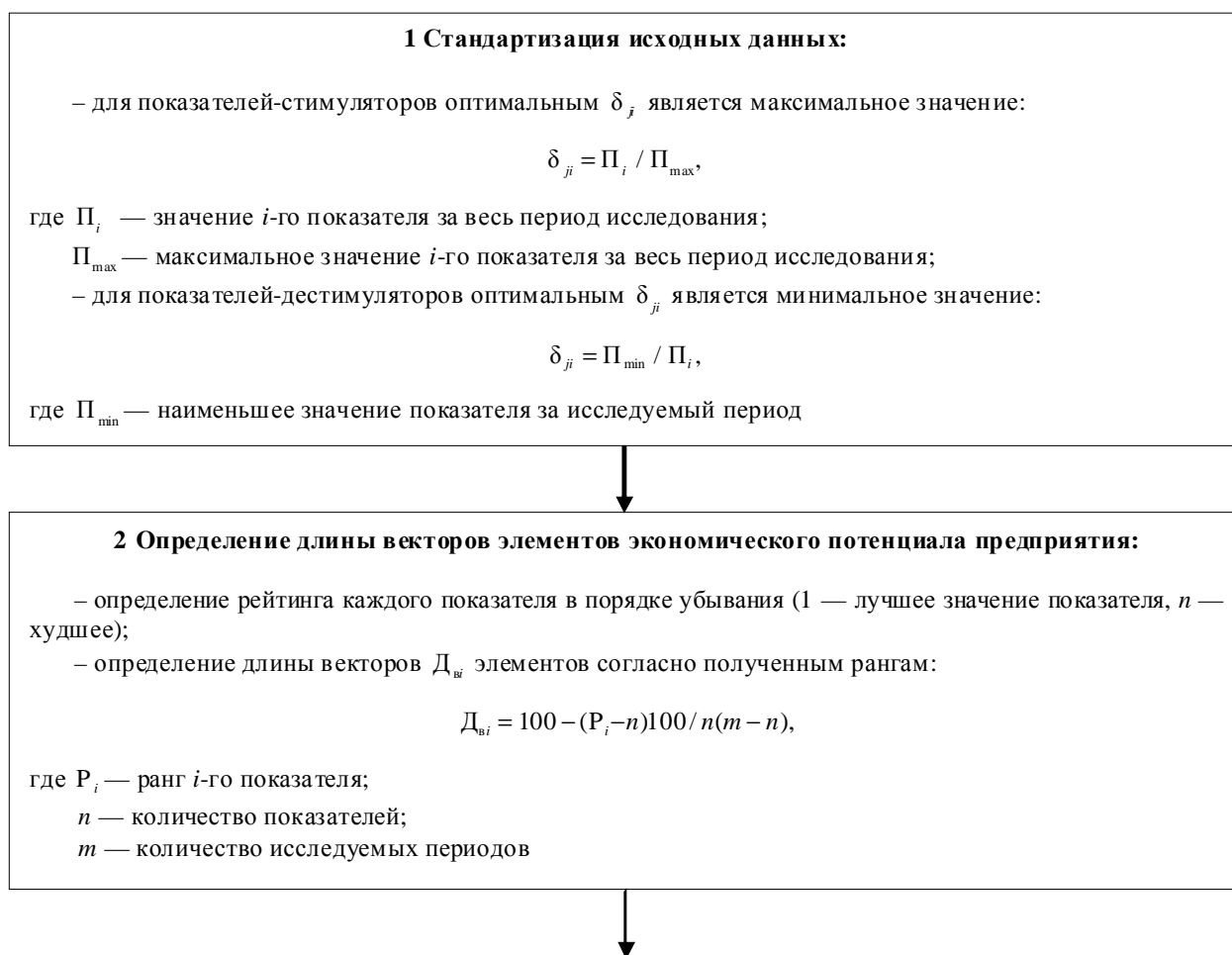


Рисунок 3 — Алгоритм расчёта интегрального показателя уровня экономического потенциала предприятия на основе методики «Квадрат потенциала»



3 Расчёт интегрального показателя уровня экономического потенциала $I_{уЭП}$ предприятия:

$$I_{уЭП} = (D_{в1} \cdot K_{в1}) + (D_{в2} \cdot K_{в2}) + (D_{вn} \cdot K_{вn}), \quad (1)$$

где $K_{вi}$ — весовой коэффициент i -го показателя.

Учитывая равнозначность выбранных показателей, формулу (1) можно интерпретировать таким образом:

$$I_{уЭП} = (D_{в1} + D_{в2} + D_{вn}) / n$$

Рисунок 3 — Окончание

Т а б л и ц а 3 — Шкала оценки интегрального показателя уровня экономического потенциала предприятия

Интервал	Уровень экономического потенциала
[0; 20]	Критический
(20; 45]	Низкий
(45; 58]	Приемлемый
(58; 70]	Достаточный
(70; 90]	Высокий
(90; 100]	Эталонный

эффективности использования экономического потенциала фирмы, по нашему мнению, может выступать показатель рентабельности производства.

Определив уровень экономического потенциала, можем перейти к реализации процедуры Брай-Бошена для оценки циклических колебаний на протяжении исследуемого периода и получить результаты вычислительных процедур (таблица 4).

После накладывания на них системы ограничений, предусмотренных процедурой Брай-Бошена, было установлено, что потенциал ПАО «КВСЗ» несколько раз за период исследования находился на разных стадиях жизненного цикла, что связано с положительными и отрицательными изменениями в процессе его хозяйствования (таблица 5).

Заключение. Предложенная методика даёт возможность не только оценивать уровень экономического потенциала хозяйствующего

субъекта, но и определять, на каком этапе развития он находится и как используется. Такой подход способствует проведению более детальной диагностики уровня использования ресурсов и возможностей предприятия, повышению адекватности результатов прогнозирования на кратко- и долгосрочную перспективу, более точно определяет основные задачи фирмы на том или ином этапе развития в целях достижения устойчивости и повышения эффективности использования потенциальных возможностей предприятия.

Дальнейшие исследования будут направлены на поиск оптимальных методик прогнозирования и планирования уровня экономического потенциала предприятия в условиях колебаний рыночной конъюнктуры.

Список цитируемых источников

1. Федонін, О. С. Потенціал підприємства: формування та оцінка : навч. посібник / О. С. Федонін,

Т а б л и ц а 4 — Результаты вычислительных процедур алгоритма Брай-Бошена для оценки экономического потенциала машиностроительного предприятия ПАО «КВСЗ» за 2003—2011 годы

Дата	Интегральный показатель уровня экономического потенциала	Качественная характеристика потенциала предприятия	Скользкая средняя с интервалом сглаживания	Оценка циклической компоненты	Бинарная система координат (1 — рост, 0 — уменьшение)	Амплитуда колебаний
28.02.2003	34,93	Низкий	35,62	-0,69	1	5,79
30.04.2003	44,52	Низкий	45,09	-0,57	1	
30.06.2003	49,98	Приемлемый	50,43	-0,45	1	
31.08.2003	52,03	Приемлемый	46,93	5,10	1	
31.10.2003	51,37	Приемлемый	48,57	2,80	0	-6,28
31.12.2003	48,72	Приемлемый	47,86	0,86	0	
29.02.2004	44,79	Низкий	45,52	-0,73	0	
30.04.2004	40,28	Низкий	42,25	-1,97	0	
30.06.2004	35,92	Низкий	38,76	-2,84	0	7,43
31.08.2004	32,40	Низкий	35,77	-3,37	0	
31.10.2004	30,45	Низкий	33,93	-3,48	0	
31.12.2004	30,77	Низкий	33,65	-2,88	1	
28.02.2005	33,77	Низкий	35,03	-1,26	1	-9,19
30.04.2005	38,61	Низкий	37,85	0,76	1	
30.06.2005	44,18	Низкий	41,60	2,58	1	
31.08.2005	49,33	Приемлемый	45,44	3,89	1	
31.10.2005	52,93	Приемлемый	48,38	4,55	1	9,15
31.12.2005	53,85	Приемлемый	49,66	4,19	0	
28.02.2006	51,36	Приемлемый	48,95	2,41	0	
30.04.2006	46,30	Приемлемый	46,32	-0,02	0	
30.06.2006	39,95	Низкий	42,23	-2,28	0	-14,04
31.08.2006	33,55	Низкий	37,53	-3,98	0	
31.10.2006	28,36	Низкий	33,35	-4,99	0	
31.12.2006	25,64	Низкий	30,64	-5,00	0	
28.02.2007	26,31	Низкий	29,98	-3,67	1	9,15
30.04.2007	30,00	Низкий	31,65	-1,65	1	
30.06.2007	35,99	Низкий	35,59	0,40	1	
31.08.2007	43,57	Низкий	41,43	2,14	1	
31.10.2007	52,04	Приемлемый	48,51	3,53	1	-14,04
31.12.2007	60,68	Достаточный	56,13	4,55	1	
29.02.2008	68,80	Достаточный	63,61	5,19	1	
30.04.2008	75,73	Высокий	70,25	5,48	1	
30.06.2008	80,83	Высокий	75,40	5,43	0	-14,04
31.08.2008	83,44	Высокий	78,39	5,05	0	
31.10.2008	82,93	Высокий	78,64	4,29	0	
31.12.2008	78,63	Высокий	75,88	2,75	0	
31.08.2006	33,55	Низкий	37,53	-3,98	0	
28.02.2009	70,28	Высокий	70,22	0,06	0	

Окончание таблицы 4

Дата	Интегральный показатель уровня экономического потенциала	Качественная характеристика потенциала предприятия	Скольльзящая средняя с интервалом сглаживания	Оценка циклической компоненты	Бинарная система координат (1 — рост, 0 — уменьшение)	Амплитуда колебаний
30.04.2009	59,15	Достаточный	62,16	-3,01	0	
30.06.2009	46,88	Приемлемый	52,59	-5,71	0	
31.08.2009	35,11	Низкий	42,76	-6,69	0	
31.10.2009	27,49	Низкий	34,18	-6,69	0	
31.12.2009	19,66	Критический	28,05	-8,39	0	
28.02.2010	16,50	Критический	25,11	-8,61	0	
30.04.2010	22,36	Низкий	25,64	-3,28	1	11,43
30.06.2010	29,21	Критический	29,49	-0,28	1	
31.08.2010	38,31	Критический	36,04	2,27	1	
31.10.2010	48,58	Приемлемый	44,31	4,27	1	
31.12.2010	58,97	Достаточный	53,22	5,75	1	
28.02.2011	68,41	Достаточный	61,71	6,70	1	
30.04.2011	75,84	Высокий	68,73	7,11	1	
30.06.2011	80,18	Высокий	72,19	7,99	1	
31.08.2011	80,39	Высокий	72,24	8,15	1	
31.10.2011	75,38	Высокий	76,25	-0,87	0	
31.12.2011	64,10	Достаточный	65,15	-1,05	0	1,92

Т а б л и ц а 5 — Диагностика использования экономического потенциала предприятия в условиях колебаний рыночной конъюнктуры

Временные пределы	Стадия жизненного цикла потенциала предприятия	Эффективность использования потенциала предприятия (на основе показателя рентабельности производства),%	Причины
Январь 2003 — август 2003	Рост	38	На предприятии внедрена система качества согласно европейским и североамериканским стандартам, разрабатываются и внедряются в производство новые виды продукции. Проводится работа по уменьшению дебиторской задолженности, совершенствуется система планирования, ответственности за конечный результат. Выполнен значительный объем научно-исследовательских работ по разработке новых изделий, которые позволят предприятию обновить структуру производства, сохранив при этом специализацию, основной профиль предприятия. При этом значительное место в конструкторских работах заняло направление пассажирского вагоностроения

Окончание таблицы 5

Временные пределы	Стадия жизненного цикла потенциала предприятия	Эффективность использования потенциала предприятия (на основе показателя рентабельности производства), %	Причины
Сентябрь 2003 — октябрь 2004	Спад	35—34	Налоговое законодательство, которое не способствует развитию производства, невозврат НДС, нестабильность политической обстановки, устаревшее оборудование. Значительные расходы на проведение научно-исследовательских работ по разработке новых изделий
Ноябрь 2004 — октябрь 2005	Рост	40	В 2005 году предприятием был построен поезд метро европейского образца, аналогов которому нет в Украине и СНГ. Это свидетельствует о повышении инновационного потенциала предприятия и способствует созданию больших перспектив на будущее
Ноябрь 2005 — декабрь 2006	Спад	21	В 2006 году предприятием было израсходовано много денежных средств на разработку существующих моделей грузовых вагонов, что положительно характеризует инновационное развитие предприятия. Однако это существенно отразилось на сумме расходов завода и отрицательно сказалось на его финансовых результатах
Январь 2007 — апрель 2008	Рост	34—51	Наращивание производственных мощностей, которое осуществлялось за счёт собственных средств. В 2007 году приобретено и введено в эксплуатацию 54 единицы технологического оборудования, что позволило существенно снизить износ активной части основных производственных фондов предприятия до 37,5% против 45% в 2006 году
Май 2008 — февраль 2010	Спад	9—38	Влияние мирового финансово-экономического кризиса, рост цен на продукцию металлургического комплекса; превышение вагоностроительных мощностей над мощностями по производству крупного вагонного литья провоцирует значительный рост стоимости последнего. Сокращение оборотных средств становится угрозой для деятельности предприятия, негативно влияет на развитие завода и обострение конкуренции между производителями подвижного состава стран СНГ
Март 2010 — декабрь 2011	Рост	46	Восстановление экономик стран СНГ, возрастание объема грузоперевозок. В 2010 году ПАО «КВЗС» подготовил к «Евро-2012» проект обеспечения скоростных дневных межрегиональных перевозок — двухсистемный электропоезд. Предприятие проводит активную работу по модернизации и усовершенствованию технологических процессов, в 2011 году была успешно освоена технология изготовления вагонов транспорта специального назначения из нержавеющей стали

І. М. Репіна, О. І. Олексюк. — Київ : КНЕУ, 2004. — 316 с.

2. Сычѳв, М. С. Развитие методического обеспечения анализа и оценки экспортного потенциала предприятия : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.12 / М. С. Сычѳв. — Йошкар-Ола : [б. и.], 2012. — 18 с.

3. Драгунова, Е. В. Оценка значимости частных потенциалов производственного предприятия на разных этапах жизненного цикла / Е. В. Драгунова,

Т. А. Финк // Сб. науч. тр. НГТУ. — 2010. — № 2 (60). — С. 139—144.

4. Савченко, Т. Г. Дослідження економічних циклів найбільших економік СНД на основі процедури Брай-Бошена / Т. Г. Савченко, І. П. Манжула // Актуальні проблеми економіки. — 2011. — № 9 (123). — С. 289—299.

Матеріал поступил в редакцію 22.02.2013 г.

The article studies the characteristics of estimating the economic potential of the company in an unstable market environment. The need to modify the existing methodology and instrumentation base to account for the influence of cyclical fluctuations on the development of potential of the company was substantiated. It was suggested the use of the procedure Bry-Boschen, which was refined in accordance with the functional load to determine the stage of the life cycle of the enterprise and the level of efficiency in the use of its potential.

УДК 339

Г. Я. Житкевич, Е. В. Бергош

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

МОДЕЛИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ

Раскрываются проблемы развития экономических отношений, связанных с международным технологическим обменом. Особое внимание уделено раскрытию сущности моделей международного трансфера технологий и разработке на этой основе рекомендаций по участию Республики Беларусь в данном процессе.

Введение. Развитие в мировом масштабе «экономики знаний», в основе экономического роста которой находятся конкурентоспособные технологии, обуславливает всё возрастающую роль процессов, связанных с международным трансфером технологий. На сегодняшний момент для формирования в Республике Беларусь экономики, основанной на знаниях, необходимо в первую очередь проведение экономической модернизации, развитие соответствующей институциональной среды, наращивание объёмов научно-технического потенциала, увеличение экспорта высокотехнологичной продукции и т. д. Экономическое развитие страны в посткризисный период характеризуется невысокими объёмами финансирования научно-исследовательской деятельности, генерирующей знания, на основании которых могут быть получены востребованные на внутреннем и мировом рынке технологии.

В таких условиях чрезвычайно важной является организация эффективного международного трансфера технологий, способствующая сокращению технологического отставания национальной экономики от других стран мира и повышению уровня её конкурентоспособности. В развитых и прогрессивно развивающихся странах мира накоплен огромный опыт в вопросах международного трансфера технологий, в результате чего их экономический рост практически на 90% определяется качеством применяемых технологий. В такой ситуации «качественный прорыв в отечественной экономике необходимо

обеспечить на основании новой технологической стратегии», в которой, по мнению М. В. Мясниковича, «на повестку дня возвращаются вопросы развития технологий и целенаправленного формирования нового технологического уклада» [1, с. 4].

Методология и методы исследования. Вопрос о том, что влияет на развитие экономических отношений, связанных с международным трансфером технологий и какое значение они имеют для экономического развития субъектов, участвующих в нём, остаётся достаточно сложным и дискуссионным, что и предполагает решение данной задачи в контексте международных экономических отношений. В современных международных экономических отношениях между различными субъектами мировой экономики достаточно сложно выявить «чистую» форму трансфера технологий и определить его объект. Предполагается, что в международной практике речь идёт не только о передаче объектов интеллектуальной собственности, а о трансфере технологического пакета, представленного совокупностью материальных и нематериальных объектов/услуг, трансфер которых осуществляется зарубежному партнёру. Технологический пакет может быть представлен передовым опытом и знаниями, патентами, ноу-хау, товарными знаками, научно-технической документацией, промышленными образцами, знаками обслуживания, машинами, оборудованием, технологическими услугами и др.

Технологический пакет в качестве объекта международного трансфера технологий даёт возможность разработать его определение, отражающее современные тенденции развития мировой экономики. Это комплекс долго-, средне- и краткосрочных взаимовыгодных партнёрских экономических отношений между зависимыми и независимыми субъектами по поводу трансфера технологического пакета на мировом рынке технологий с учётом действующего на нём вида конкуренции. В свою очередь мировой рынок технологий является частью мирового рынка товаров и услуг, на котором происходит трансфер технологического пакета, зависящий от его вида и цены, а также интенсивности соперничества на рынке с учётом мотивов и экономических интересов субъектов. Международный трансфер технологий осуществляется между независимыми и зависимыми субъектами, которые могут быть отнесены к любому сектору экономики (государственному либо частному) и представлены любой категорией экономических субъектов: физическими лицами (учёные и специалисты); государственными, частными, иностранными, совместными организациями; группой связанных между собой компаний; государствами и надгосударственными организациями.

Организация исследования. Теория и мировая практика свидетельствуют о том, что транснациональные корпорации (далее — ТНК) являются основным субъектом международного трансфера технологий. По некоторым оценкам, на 500 крупнейших ТНК приходится $\frac{4}{5}$ всей торговли технологиями, они осуществляют 80% зарубежных инвестиций и обладают 95% всех патентов и лицензий [2, с. 28]. По данным ЮНКТАД, в мире насчитывается порядка 103 тысяч компаний с 889 тысячами аффилированных структур. ТНК развитых стран накопили огромный опыт в вопросах международного трансфера технологий, так как на их территории базируется более 71% (73 144) голов-

ных компаний, а анализ научной литературы показал, что на данный момент времени в мире сформировались две модели международного трансфера технологий: японская и североамериканская [3], [4], [5], [6], [7], [8], [9], [10].

Японская модель международного трансфера технологий предполагает их трансфер как в развитые, так и развивающиеся страны: в развитые страны осуществляется трансфер запатентованной уникальной технологии в узкоспециализированные отрасли, а в развивающиеся — трансфер стандартизированной технологии в традиционные отрасли. Японскую модель можно определить как экспортноориентированную и распространяемую в основном на рынок стран Юго-Восточной Азии. Трансфер стандартизированных японских технологий был направлен в обрабатывающие отрасли стран Юго-Восточной Азии, так как они специализировались на производстве трудоёмкой, эластичной по цене и не требующей высокого уровня научно-технического развития продукции, обладали ёмким внутренним рынком, сравнительно невысокой стоимостью рабочей силы, сходством кросскультурных особенностей (языковые, ментальные), географической близостью стран и др. Передача стандартизированной технологии не требует от стран-реципиентов высокого уровня технологического развития и осуществляется путём передачи овеществлённой технологии в виде машин, оборудования, технологических линий, опыта организации и управления производством. Основной задачей в ходе трансфера была передача организационного, управленческого опыта и знания при помощи прямых иностранных инвестиций (далее — ПИИ) и организации на территории принимающих стран совместных предприятий. При передаче стандартизированной технологии между странами наблюдался минимальный технологический разрыв, и трансфер технологий происходил на базе достигнутого уровня научно-технического развития, что способствовало относительно простому трансферу технологического пакета

и быстрой диффузии технологии. В основе японской модели трансфера технологий находится увеличение объёмов экспорта товаров и услуг путём передачи стандартизированной, морально устаревшей технологии в страны, имеющие с ней наименьший технологический разрыв, посредством ПИИ в создание совместных предприятий [8].

Реализация модели трансфера технологий нашла своё отражение в стратегиях внутрифирменного трансфера технологий японских ТНК. Внутрифирменные стратегии компаний основываются на широкой информационной базе о научно-техническом развитии и используемых в мире технологиях. Стратегии предполагают передачу технологий, находящихся на последних этапах жизненного цикла: «капиталы за границей вкладывались в отрасли, переживающие в самой Японии упадок», а на японском рынке осуществлялось развитие передовых производств и развивался «экспорт продукции отраслей, находящихся на подъёме» [9, с. 300].

Модель международного трансфера технологий североамериканских компаний коренным образом отличается от японской. Модель ТНК Соединённых Штатов Америки можно определить как прибыльноориентированную. Её реализация осуществляется путём создания филиала, находящегося в 100%-й собственности североамериканской компании на территории принимающей страны. Причём передача технологий осуществлялась в страны, где наблюдался большой технологический разрыв. Основой данной стратегии является трансфер новой для принимающей страны технологии, патентование которой возможно на территории принимающих стран для завоевания монопольного положения по её использованию на рынках стран-реципиентов и защиты своих конкурентных преимуществ. Данным обстоятельством может быть обоснована высокая патентная активность нерезидентов на территории развивающихся стран с ёмким внутренним рынком: Филиппины (95,1%), Мексика (93,5%), Сингапур (90,8%), Бразилия

(88,1%), Индия (78,8%) и др. [11]. Североамериканская модель ориентирована на различные отрасли экономики принимающих стран, в том числе и на первичные отрасли по переработке природных ресурсов, для последующего их экспорта в США. Североамериканские ТНК ориентированы на получение максимальной прибыли в результате международного трансфера технологий в страны, имеющие с ними большой технологический разрыв, путём создания 100% филиалов в стране-реципиенте и укрепления своих монопольных позиций на мировом рынке технологий [8].

В целом стратегии североамериканских ТНК в ходе международного трансфера технологий включают три этапа. Первый предполагает определение объекта международной передачи, второй — анализ стран, являющихся реципиентами технологий, а на третьем определяются конечные результаты деятельности североамериканских компаний при трансфере технологий за рубеж.

Результаты исследования и их обсуждение. В соответствии с выявленными моделями и стратегиями международного трансфера технологий для стран с переходной экономикой, в том числе и Республики Беларусь, зачастую имеющих большой технологический разрыв со странами — технологическими лидерами, предпочтительнее международный трансфер технологий по японской модели, что обуславливает разработку ряда рекомендаций по участию белорусской экономики в международном технологическом обмене. Предполагается, что в такой ситуации на рынок стран будут поступать стандартизированные технологии в перерабатывающие отрасли, освоение которых будет происходить на базе имеющегося научно-технического потенциала путём создания совместных предприятий. В такой ситуации трансфер технологий через обучение и передачу опыта способствует их распространению на внутреннем рынке, кооперации с местными субъектами, повышению

производительности труда, производству модифицированной, усовершенствованной продукции, постепенному сокращению технологического разрыва между странами и дальнейшей передаче более совершенных технологий. Мировая практика подтверждает, что производительность труда компаний, имеющих долю иностранной собственности, в несколько раз превышает производительность местных компаний, они активнее проводят научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы и достигают более высокого темпа роста заработной платы. Причём с увеличением иностранного присутствия растёт и производительность труда, что обосновывается использованием иностранных технологий. Примечательно, что в развивающихся странах и странах с переходной экономикой рост производительности труда наблюдался в отраслях, компании которых активно взаимодействовали с компаниями отраслей, имеющими иностранную долю собственности, что свидетельствует о наличии кооперационных связей между ними. Причём в качестве фирм, имеющих иностранную долю собственности, часто выступают аффилированные структуры ТНК [12], [13], [14], [15]. Трансфер технологий через передачу опыта и знаний способствует проведению научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, росту производительности труда и в последующем приводит к повышению квалификации работников и улучшению качества человеческого потенциала, что позитивно отражается на экономическом росте страны — импортёра технологий [14]. В этой связи для развивающихся стран и стран с переходной экономикой предпочтительнее трансфер технологий по японской модели, однако в мировой практике наблюдается сочетание моделей и стратегий международного трансфера технологий. Распространение технологий на местном рынке при реализации североамериканской модели приводит к нарастанию конкурентной борьбы. Увеличение уровня конкуренции на рынке принимающей страны стимулирует

инновационную активность субъектов и способствует повышению эффективности производства. Данная ситуация будет наблюдаться при условии возможности патентования североамериканских технологий на местном рынке. Однако патентование технологий может косвенно повлиять на снижение уровня научно-технического развития принимающей технологии страны, снизить вероятность имитации и модификации технологий и закрыть внутренний рынок для сходных технологий, имеющих ценовые конкурентные преимущества.

Заключение. Таким образом, мировая практика и данные научной литературы подтверждают, что для стран с переходной экономикой при формировании технологической стратегии необходимо принимать во внимание особенности реализации моделей и стратегий международного трансфера технологий субъектов мирового рынка технологий. Предполагается, что первоочередными мерами должны стать повышение качества научно-технологического потенциала, увеличение степени открытости экономики, дальнейшая либерализация инвестиционной политики, стимулирование инновационной активности субъектов национальной экономики и совершенствование национальной институциональной среды, отвечающей требованиям экономики знаний.

Список цитируемых источников

1. Мясникович, М. В. Концептуальные направления обеспечения экономической безопасности и инновационного экономического роста Республики Беларусь на среднесрочную перспективу / М. В. Мясникович // Бел. эконом. журн. — 2010. — № 3. — С. 4—15.
2. Данильченко, А. В. Транснационализация промышленного и банковского капитала / А. В. Данильченко, Д. С. Калинин, О. Г. Ковшевич. — Минск : БГУ, 2007. — 183 с.
3. World Investment report 2011: Non-Equity Modes of International Production and Development [Electronic resource] // United nations conference of trade and development. — 2011. — Mode of access: <http://www.unctad.org>. — Date of access: 10.02.2012. — Загл. с экрана.

4. *Ozawa, T.* Foreign direct investment and economic development / T. Ozawa // *Transnational Corporations*. — 1992. — Vol. 1, № 1. — P. 27—54.

5. *Kojima, K.* Japanese and American direct investment in Asia : A comparative analysis / K. Kojima // *Hitotsubashi Journal of Economics*. — 1985. — Vol. 26, № 1. — P. 1—36.

6. *Kojima, K.* Micro- and macroeconomic models of direct foreign investment : Towards a synthesis / K. Kojima, T. Ozawa // *Hitotsubashi Journal of Economics*. — 1984. — Vol. 25, № 1. — P. 1—20.

7. *Ozawa, T.* Japan's Technological Challenge to the West, 1950—1974 : Motivation and Accomplishment / T. Ozawa // *The MIT Press*. — 1974. — 176 p.

8. *Kojima, K.* Transfer of Technology to Developing Countries—Japanese Type versus American Type / K. Kojima // *Hitotsubashi Journal of Economics*. — 1977. — Vol. 17, № 2. — P. 1—14.

9. *Макмиллан, Ч.* Японская промышленная система : пер с англ. / Ч. Макмиллан ; общ. ред. и вступ. ст. О. С. Виханского. — М. : Прогресс, 1988. — 400 с.

10. *Маторин, О. В.* Современные стратегии реформирования ТНК США / О. В. Маторин. — М. : ТК Велби, 2008. — 200 с.

11. Total number of patent applications by resident and non-resident (1985—2000). The World Intellectual Property Indicators 2011 provides a wide range of indicators covering various areas of intellectual property: patents, utility models, trademarks, industrial

designs and microorganisms. It draws on data from national and regional IP offices, WIPO, the World Bank and UNESCO [Electronic resource] // WIPO 2011. — 2010. — Mode of access: <http://www.wipo.int/ipstats/en/statistics/patents/>. — Date of access: 06.01.2011. — Skreen heading.

12. *Blomstrom, M.* Technology transfer and spillovers : Does local participation with multinationals matter? / M. Blomstrom, F. Sjolholm // *European Economic Review*. — 1999. — Vol. 43. — P. 915—923.

13. *Javorcik, B.* «Does Foreign Direct Investment Increase the Productivity of Domestic Firms? In Search of Spillovers through Backward Linkages» / B. Javorcik // *American Economic Review*. — 2004. — Vol. 94, № 3. — P. 605—627.

14. *Estrin, S.* Foreign Direct Investment in Transition Economies : Strengthening the Gains from Integration / S. Estrin, K. Meyer // *Strengthening Integration of the Economies in Transition into the World Economy through Economic Diversification / UN Conference*. — 2008. — 7 March. — 30 p.

15. *Fukao, K.* Foreign Firms Bring Greater Total Factor Productivity to Japan? / K. Fukao, Y. Murakami // *Journal of the Asia Pacific Economy*. — 2005. — Vol. 10, № 2. — P. 237—254.

Материал поступил в редакцию 27.04.2012 г.

The article is devoted to studying the questions of developing the economic relations connected with the international technological exchange. The focus is made on the to the disclosure of the essence of the international transfer of technologies and development models and working out on this basis the recommendations about the participation of the Republic of Belarus in this process.

УДК 338.45:69

Е. И. Кисель

Учреждение образования «Брестский государственный технический университет», Брест

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ МОБИЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Определена проблема развития экспортного потенциала отечественных строительных организаций за счёт повышения мобильности. В целях рационализации строительного производства рассмотрены процессы логистизации мобильных строительных предприятий. Определены особенности строительной продукции, характеристики, резервы и задачи логистических систем мобильного строительного производства, рассмотрены основные направления оценки эффективности процесса логистизации.

Введение. Современная рыночная экономика определяется как система, основанная на транснациональных сетях предпринимательства. Опыт экономически развитых стран имеет немало примеров успешной реализации стратегии глобализации фирм, изначально различных по своей структуре, отраслевой принадлежности и виду деятельности. Но не только существующие транснациональные корпорации способны эффективно функционировать в новых условиях. Будущее принадлежит тем организациям, которые сумеют использовать все возможности для удовлетворения потребностей клиентов, отказавшись от всего лишнего в пользу повышения качества своего продукта и его доступности любому потребителю в любом месте земного шара. Одним из свойств, позволяющих обеспечить расширение территории деятельности предприятий, является мобильность факторов производства или всей производственной системы. Мобильность — это мера способности фактора производства (производственной системы) к перемещению между сферами использования.

Перспективы развития белорусских строительных предприятий находятся в тесной взаимосвязи с развитием этой способности, так как это позволяет обеспечить освоение новых рынков сбыта строительных услуг.

Осуществляя деятельность в различных регионах, строительное предприятие особое

внимание должно уделять рационализации строительного производства. Этот процесс необходимо направить на сокращение продолжительности строительства и увеличение срока эксплуатации возводимых объектов, унификацию технологий строительства, внедрение информационных технологий. Деятельность глобального предприятия основана на поиске стратегических активов, к одному из которых можно отнести современную логистику.

Особенности логистики мобильного строительного производства. Использование логистических принципов в мобильном строительном производстве позволит: 1) объединить всех участников строительного комплекса в заданном регионе строительства (заводы-поставщики строительных материалов и изделий, снабженческо-комплекующие, транспортные и строительные организации); 2) создать условия для объединения интересов всех участников логистических цепей и систем; 3) обеспечить ресурсосбережение за счёт организации потоков трудовых ресурсов, информации, финансовых потоков.

Строительное производство имеет определённую специфику, которая не может не влиять на характеристики логистических систем. К числу таких особенностей относятся:

– готовая строительная продукция как объект недвижимости;

- многократное участие строительной продукции в процессе воспроизводства;
- значительное разнообразие в связи с индивидуальными потребностями заказчика;
- зависимость качества и эффективности строительно-монтажных работ от проектных решений;
- длительный производственный цикл;
- необходимость создания развитой инфраструктуры, значительный объем подготовительных работ;
- множество видов надзора за ходом строительно-монтажных работ;
- доминирование прямых каналов сбыта строительной продукции;
- оригинальность каналов сбыта и других маркетинговых операций для каждого строительного объекта;
- межотраслевой характер взаимодействия участников строительного производства.

Кроме того, необходимо учитывать, что мобильные строительные предприятия: постоянно осуществляют деятельность в динамичной и инновационной среде; вынуждены формировать основные производственные фонды с высоким уровнем транспортабельности; способны функционировать только в условиях неограниченного информационного обмена;

имеют индивидуальные формы организационного построения; преимущественно ориентируются на местных поставщиков основных конструкционных материалов, машин и механизмов.

Значит, сформированные логистические системы не являются застывшими организационно-экономическими образованиями. Они должны отражать сущность охватываемых ими процессов, что предполагает проявление способности быстро реагировать на вероятные события, а также возможности создавать условия, положительно влияющие на процессы хозяйственной деятельности.

В любом случае необходимо сформировать ряд характеристик системы в целях обеспечения организационных, технологических, ресурсных, информационных резервов (таблица 1).

Задачи логистики мобильных строительных предприятий. При построении логистических систем, которые отличаются многообразием: макро- и микрологистические, гибкие, многоуровневые, логистические системы с прямыми связями, важным процессом является выбор системы. В мобильном строительном производстве возможно

Т а б л и ц а 1 — Перечень резервов логистической системы мобильного строительного производства

Вид	Характеристики
Ресурсные	<ul style="list-style-type: none"> – Знание рынка ресурсов в регионе дислокации и доступ к нему; – развитая логистическая материально-техническая база; – высококвалифицированный персонал в области логистики; – финансовая стабильность
Организационные	<ul style="list-style-type: none"> – Индивидуальные гибкие организационные построения; – высокая степень коммуникации
Технологические	<ul style="list-style-type: none"> – Использование новых логических технологий; – наличие современных инфраструктурных объектов – использование современного погрузочно-разгрузочного оборудования и транспортных средств
Информационные	<ul style="list-style-type: none"> – Наличие интегрированной информационной системы; – управление информационными и материальными потоками из единого центра; – использование эффективных информационных технологий

Примечание. Источник: собственная разработка автора на основе [1].

построение как макро-, так и микрологистических систем. Это определяется характеристиками производственного потенциала, глубиной освоённости внешнего рынка, региональной спецификой организации строительного комплекса, наличием и развитостью инфраструктуры.

Например, микрологистическая система капитального строительства имеет ряд характеристик:

1. снабжение строительных объектов является глубоко дифференцированным по номенклатуре материально-технических ресурсов, источникам и формам снабжения.

2. В силу стационарности готовой строительной продукции и мобильности производительных сил внутрифирменные потоки в процессе производства представлены потоками средств производства и трудовых ресурсов, а не продуктами труда.

3. Сбыт готовой строительной продукции, в отличие от продукции промышленности, принимает форму коммерческо-правовых информационно-финансовых коммуникаций, исключая физическое перемещение готового строительного объекта, т. е. товародвижение. Создание объекта недвижимости выполняется на заказ, поэтому сбыт во времени предшествует снабжению в традиционном их понимании [2].

Всё это вызывает необходимость формирования иных задач в логистике мобильных строительных предприятий:

1. Построение временных организационных форм строительного производства в рамках одного проекта и/или региона.

2. Создание надёжных долгосрочных логистических цепей (существующие на взаимном доверии долговременные и постоянные контракты позволяют избежать создания дорогостоящих систем контроля).

3. Выделение в общем логистическом цикле отдельных стадий (инвестиционной, эксплуатационной, информационной, сбытовой, закупочной, складской, производственной).

4. Создание единой системы управления рисками на каждой стадии логистического цикла.

5. Сопряжение экономических и технологических потоков при выполнении функций закупочной логистики (организационное согласование графиков поставки материально-технических ресурсов на строительную площадку и проведения строительно-монтажных работ).

6. Обеспечение гибкости закупочной и складской логистики в связи с неравномерностью потребления материально-технических ресурсов по номенклатуре и объёму, разнообразием природно-климатических и организационно-экономических условий конкретного региона.

Многообразие и сущность задач при формировании логистических систем мобильного строительного производства зависит также от стратегических целей предприятия в регионе и конкурентной позиции предприятия.

Оценка эффективности логистических систем мобильного строительного производства. Отечественные мобильные строительные структуры нуждаются в тотальной, достаточно конструктивной и последовательной программе логистизации. Создание работоспособных логистических систем разного профиля и уровня связано с необходимостью приобретения на их основе требуемого логистического потенциала, т. е. способности успешно решать комплекс взаимосвязанных логистических задач текущего и стратегического характера по оптимизации своей деятельности в регионе дислокации. Эффективность логистической системы можно оценить по следующим направлениям:

1. Обеспечение сроков строительства или их оптимизация. Результат определяется сокращением сроков выполнения отдельных строительно-монтажных работ, продолжительности инвестиционно-строительного цикла в целом, экономией затрат за счёт досрочного ввода объекта в эксплуатацию, снижением сроков окупаемости инвестиций, снижением расходов по долгосрочному кредитованию.

2. Обеспечение качественных характеристик строительного объекта. Применение в работе мобильных строительных организаций логистических подходов позволит выполнять анализ большей номенклатуры материально-технических ресурсов, а следовательно, снизить риск закупки некачественных (не соответствующих требованиям по эксплуатации) строительных материалов, оборудования, машин и механизмов. Результат — снижение доли затрат на устранение дефектов в процессе строительства и сдача строительного объекта в эксплуатацию в общей стоимости объекта, снижение размера затрат по эксплуатации технических ресурсов организации, соблюдение уровня затрат по эксплуатации возводимого объекта (определяется для заказчика).

3. Оптимизация затрат на материально-техническое обеспечение строительных процессов. Логистический подход коренным образом меняет традиционную систему закупок, делает процесс более целостным и оптимизированным по всем направлениям потоков (экономических, информационных, материальных и т. п.). Учитывая логистическую приспособленность строительной отрасли, возможным является создание надёжных логистических цепей с выделением стадий и постановкой соответствующих задач, решение которых позволит усовершенствовать систему материально-технического обеспечения и адаптировать её к изменяющимся рыночным условиям. Результат — снижение логистических затрат (анализ поставщиков, оформление заказов, доставка, складирование, хранение, обработка, комплектация и т. д.); размеров оборотных средств, вложенных в запасы; ускорение оборачиваемости запасов; высвобождение оборотных средств; снижение расходов на содержание приобъектных складов.

4. Оптимизация организационной структуры. Эффект определяется реструктуризацией, связанной с вычленением логистических функций из непрофильных подразделений организации, сокращением персонала, дубли-

рующего логистические функции, оперативностью в принятии решений, расширением межфункциональной координации. Повышение организационной гибкости позволит мобильной строительной организации уменьшить риски функционирования в динамично изменяющейся рыночной среде. Возможность дистанционного сотрудничества позволит оптимизировать процесс передислокации, развёртывания, функционирования всех составляющих производственного потенциала. В этом случае передислокации подвергается преимущественно персонал организации, а материально-техническая база с заданными характеристиками создаётся непосредственно в регионе застройки. Результат — снижение уровня расходов на персонал в выручке организации, сокращение простоев в связи с отсутствием необходимых материально-технических ресурсов, снижение расходов на развёртывание и содержание мобильной производственной базы в регионе функционирования [3].

Заключение. Эффект от внедрения мероприятий по повышению уровня мобильности достигается за счёт расширения территории деятельности предприятий, что предполагает увеличение объёма производимых работ, снижение затрат на строительство объекта благодаря использованию местной минерально-сырьевой базы. Кроме того, повышению мобильности строительных организаций способствует наличие различного рода сопутствующих эффектов: социального (создание дополнительных рабочих мест, улучшение бытовых условий проживания населения, создание социальной инфраструктуры), регионального (расширение эффективных зон деятельности предприятий).

Современные тенденции развития международной торговли выдвигают новые требования к субъектам мирового рынка строительных услуг. Повышаются требования к эффективности процессов товародвижения, в частности, большое внимание уделяется

затрато- и трудоёмкости, своевременности доставки грузов. А это, в свою очередь, невозможно обеспечить без построения логистических систем, способных поддерживать необходимый уровень мобильности производственных строительных процессов в регионе строительства.

Список цитируемых источников

1. *Белевцов, С. П.* Управление конкурентоспособностью логистической системы строительной организации [Электронный ресурс] / С. П. Белевцов

// Инженер. вестн. Дона. — Режим доступа: <http://www.ivdon.ru>. — Дата доступа : 20.11.2012. — Загл. с экрана.

2. *Ананьев, В. В.* Микрологистические системы капитального строительства : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / В. В. Ананьев // Ростов н/Д. : [б. и.], 2002. — 165 л.

3. *Белевцов, С. П.* Управление устойчивостью развития логистической системы строительной организации [Электронный ресурс] / С. П. Белевцов // Инженер. вестн. Дона. — Режим доступа: <http://www.ivdon.ru>. — Дата доступа: 28.11.2012. — Загл. с экрана.

Материал поступил в редакцию 05.12.2012 г.

In work the problem of the development of an export potential of the domestic construction organizations at the expense of mobility increase is defined. For the purpose of rationalization of construction production processes of a logistization of the mobile construction enterprises are considered. Features of construction production, reserves of logistic systems of mobile construction production, the characteristic and a problem of logistic systems are defined, the main directions of an assessment of efficiency of process of a logistization are considered.

УДК: 330

В. В. Климук

Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград, Российская Федерация

РЕГИОНАЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ И БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

Выполнен анализ основных экономических показателей Калининградской и Брестской обл. за 2008—2010 годы. Проведён корреляционный анализ влияния факторов на величину валового регионального продукта областей. На основе выполненного анализа показателей и корреляционного анализа разработан комплекс предложений по улучшению экономического положения областей.

Введение. Эффективность экономической стратегии любого предприятия, фирмы, отрасли, страны определяется с помощью группы основных экономических показателей. Данные расчётные показатели служат основой для анализа экономического роста субъекта хозяйствования, страны, базой для расчёта плановых показателей, фундаментом для сравнения с показателями прошлого периода, с показателями других фирм, стран.

Сопоставление двух и более субъектов по заранее определённым экономическим показателям позволяет определить тенденции развития, выявить преимущества и недостатки в исследуемой области, на основе которых разрабатывается комплекс мероприятий, направленных на повышение эффективности деятельности субъекта.

Методология и методы исследования. Автором выполнен анализ и проведено сопоставление основных экономических показателей по Калининградской и Брестской обл. за период 2008—2010 годов. Методом исследования является сравнительный поэлементный анализ с применением диаграммных построений.

В качестве анализируемых показателей выступают: валовой региональный продукт (далее — ВРП), инвестиции в основной капитал, объём розничного товарооборота, прибыль организаций, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, объём иностранных инвестиций, затраты на технологические инновации.

Организация исследования. С помощью расчётных показателей выполнен анализ по двум областям, на основе которого необходимо определить группу факторов, оказывающих влияние на изменение исследуемых показателей.

Результаты исследования и их обсуждение. Выполним сравнительный анализ по комплексу выбранных основных экономических показателей Калининградской и Брестской обл. на основе статистических данных за 2008—2010 годы [1], [2], [3], [4].

В качестве анализируемых показателей выступают ВРП, инвестиции в основной капитал, объём розничного товарооборота, прибыль организаций, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, объём иностранных инвестиций [5, с. 128], затраты на технологические инновации [6, с. 97].

С помощью расчётных показателей нами проведён системный анализ по областям, на основе которого необходимо определить группу факторов, оказывающих влияние на изменение исследуемых показателей [7, с. 20].

Приведём данные (в сопоставимом виде) по исследуемым показателям за 2008—2010 годы (таблица 1).

На основе представленных данных (см. таблицу 1) построим диаграммы динамического изменения основных анализируемых показателей за 2008—2010 годы по Калининградской и Брестской обл.

Т а б л и ц а 1 — Анализируемые показатели в долларовом эквиваленте с учётом инфляции за 2008—2010 годы

Показатель	2008	2009	Изменение данных в 2009 году по отношению к 2008 году	2010	Изменение данных в 2010 году по отношению к 2009 году
Калининградская обл.					
Валовой региональный продукт, млрд дол. США	6,101	5,033	-1,068	4,779	-0,253
Инвестиции в основной капитал, млрд дол. США	2,410	1,587	-0,822	1,656	0,069
Объём розничного товарооборота, млрд дол. США	2,596	2,546	-0,050	2,514	-0,032
Среднемесячная зарплата, тыс. дол. США	0,524	0,475	-0,049	0,489	0,013
Прибыль организаций, млрд дол. США	-0,056	0,091	0,147	0,172	0,081
Объём иностранных инвестиций, млрд дол. США	0,375	0,112	-0,263	0,250	0,138
Затраты на технологические инновации, млрд дол. США	0,026	0,011	-0,015	0,016	0,005
Брестская обл.					
Валовой региональный продукт, млрд дол. США	8,436	6,801	-1,634	8,299	1,497
Инвестиции в основной капитал, млрд дол. США	2,219	2,050	-0,168	2,526	0,476
Объём розничного товарооборота, млрд дол. США	2,040	1,596	-0,443	1,818	0,221
Среднемесячная зарплата, тыс. дол. США	0,345	0,275	-0,070	0,304	0,028
Прибыль организаций, млрд дол. США	0,551	0,415	-0,136	0,445	0,030
Объём иностранных инвестиций, млрд дол. США	0,193	0,356	0,162	0,238	-0,117
Затраты на технологические инновации, млрд дол. США	0,104	0,158	0,054	0,132	-0,026

Примечание. Собственная разработка на основе данных [1], [2], [3], [4].

Рассмотрим динамическое распределение показателя ВРП за 2008—2010 годы по Калининградской и Брестской обл. (рисунок 1).

Показатели ВРП по Брестской обл. существенно превышают сравниваемые показатели по Калининградской обл.: в 2008 году — на 38,26%, в 2009 — на 35,14%, в 2010 — на 73,65%.

Такая ситуация объясняется тем фактом, что ВРП Брестской обл. выше по причине её превосходства по площади, по количеству промышленных предприятий, по специализации на выпуск дорогостоящих промышленных товаров машиностроения и металлообработки.

В связи с инфляцией по Калининградской обл. наблюдается ежегодное сокращение

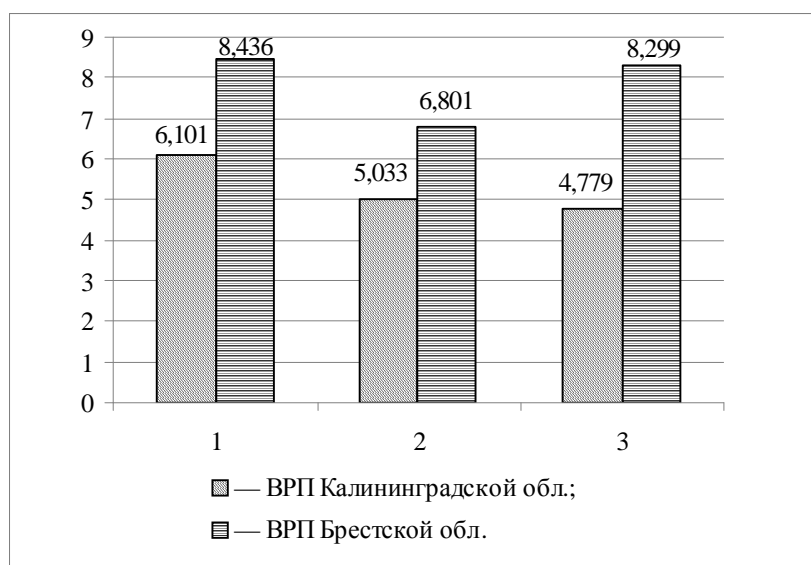


Рисунок 1 — Динамика валового регионального продукта за 2008—2010 годы по Калининградской и Брестской обл., млрд дол. США

ВРП относительного базового 2008 года, чего нельзя сказать про Брестскую обл., в которой в 2010 году отмечен рост ВРП на 22% к 2009 году. Такие изменения обосновываются нехваткой инвестиций для разработки инноваций, в обновления основных фондов для Калининграда и, соответственно, благоприятным инвестиционным климатом в Брестской обл.

Отразим динамическое распределение показателя инвестиций в основной капитал за 2008—2010 годы по областям (рисунок 2).

В Брестской обл. инвестиции в основной капитал выше по сравнению с 2009 и 2010 годами, чем в Калининградской обл. Такое состояние можно объяснить обновлением с 2009 года технического парка предприятий в целях повышения производительности оборудования, сокращения продолжительности производственного цикла, сокращения материалоёмкости продукции и, как результат, увеличения прибыли. Отставание Калининградской обл. по объёмам инвестиций обусловлено меньшим количеством промышленных предприятий и отсутствием заинтересованности инвесторов в финансировании предлагаемых проектов.

Отразим динамическое распределение показателя объёма розничного товарооборота за 2008—2010 годы по Калининградской и Брестской обл. (рисунок 3).

Из диаграммы следует, что по объёму розничного товарооборота Калининградская обл. превосходит Брестскую по каждому году периода 2008—2010 годов, что связано с существенным превышением количества торговых точек. В 2010 году в Брестской обл. наблюдается изменение сложившейся ситуации в сторону увеличения товарооборота на 13,9% относительно 2009 года, что обусловлено активной поддержкой белорусским правительством малого предпринимательства.

Отразим динамическое распределение показателя среднемесячной заработной платы за 2008—2010 годы по Калининградской и Брестской обл. (рисунок 4).

Следует отметить, что по уровню заработной платы Калининградская обл. опережает Брестскую ежегодно на 51,7; 72,3; 60,6% в период 2008—2010 годов соответственно. Это связано с различием в ценовом диапазоне, которое и выступает фактором увеличения заработной платы. Однако уровень покупательной способности населения Брестской

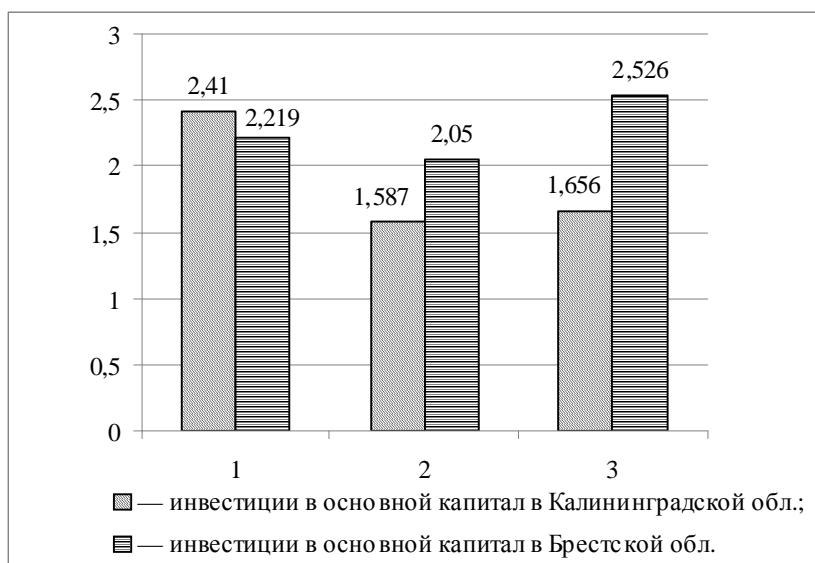


Рисунок 2 — Динамика инвестиций в основной капитал за 2008—2010 годы по Калининградской и Брестской обл., млрд дол. США

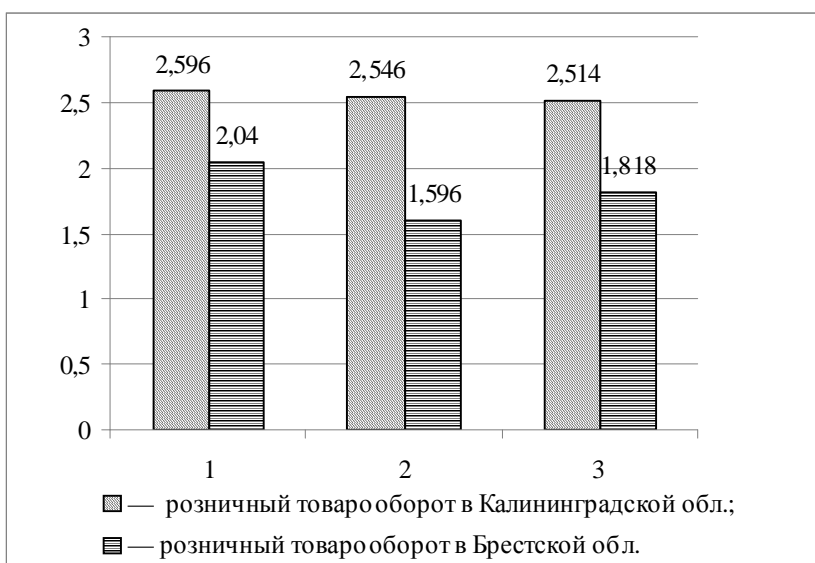


Рисунок 3 — Динамика розничного товарооборота за 2008—2010 годы по Калининградской и Брестской обл., млрд дол. США

и Калининградской обл. одинаков. На основе представленных данных следует отметить рост начисленной заработной платы в 2010 году и в Брестской, и в Калининградской обл. Этот факт можно объяснить ростом цен на товары потребительского и производственного назначения, социальной направленностью экономик областей.

Отразим динамическое распределение показателя прибыли организаций за 2008—2010 годы по Калининградской и Брестской обл. (рисунок 5).

Данные свидетельствуют о том, что прибыль организаций Брестской обл. почти в 100 раз выше, чем у организаций Калининградской обл. Это обусловлено высоким

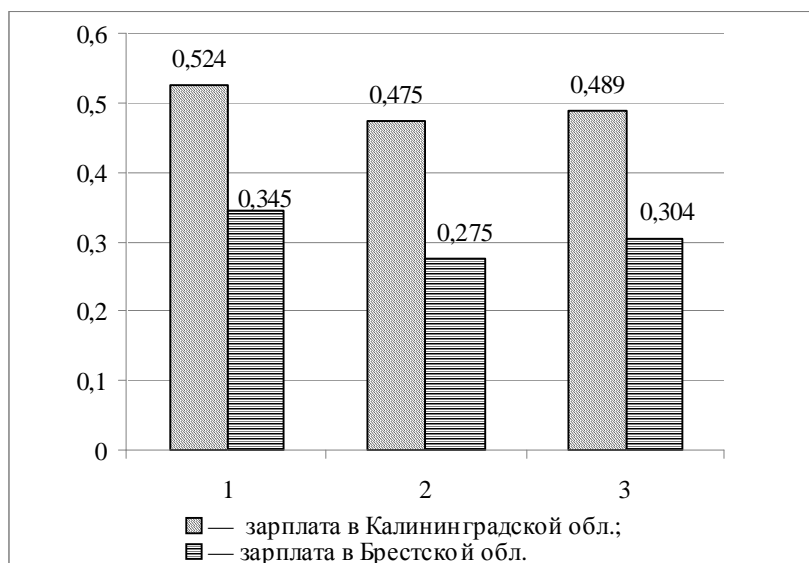


Рисунок 4 — Динамика среднемесячной начисленной заработной платы за 2008—2010 годы по Калининградской и Брестской обл., тыс. дол. США

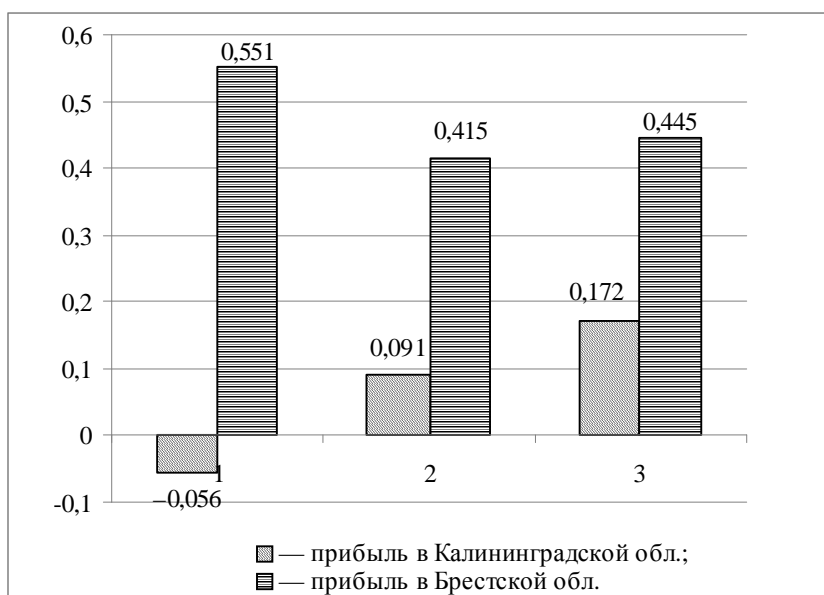


Рисунок 5 — Динамика прибыли организаций за 2008—2010 годы по Калининградской и Брестской областям, млрд дол. США

уровнем развития экспортных отношений в Брестской обл., что позволяет реализовать готовую продукцию за границу по более высоким, чем в Беларуси, ценам. Также сложившаяся ситуация объясняется высоким уровнем планируемого удельного веса прибыли с единицы продукции при невысокой

величине затрат на её производство и реализацию. С 2009 года наблюдается рост прибыли организаций Калининградской обл.: 2009 — на 143%, в 2010 году — на 89%. Положительная динамика данного показателя характеризуется поиском и заключением контрактов на экспорт продукции, сокращением

себестоимости за счёт внедрения нового технико-технологического состава. В Брестской обл. прибыль организаций в период 2008—2010 годов оставалась в пределах 5 млрд дол. США, что объясняется стабильностью производственно-сбытовой политики.

Отразим динамическое распределение показателя объёма иностранных инвестиций за 2008—2010 годы по Калининградской и Брестской обл. (рисунок 6).

В Калининградской обл. в 2008 и 2010 годах объём иностранных инвестиций превышал 230 млн дол. США, а в 2009 и 2010 годах такой показатель был характерен и для Брестской обл. В 2008 и 2010 годах иностранных инвестиций в Калининградскую обл. поступило больше, чем в Брестскую, на 95% и 5% соответственно, что объясняется развитой системой привлечения зарубежных инвесторов и, самое главное, наличием финансово привлекательных объектов для вложения денежных средств. В 2009 году объём иностранных инвестиций в Брестскую обл. на 217% превышал данный показатель по Калининградской обл., что связано с созданием в Брестской обл. благоприятного

инвестиционного климата, удовлетворяющего интересам вкладчиков в высоком уровне дивидендов.

Отразим динамическое распределение показателя затрат на технологические инновации за 2008—2010 годы по Калининградской и Брестской обл. (рисунок 7).

Существенная разница (более чем в 5 раз) между Калининградской и Брестской обл. наблюдается по объёму затрат на технологические инновации. Этот показатель также объясняет и разницу в общей прибыли организаций анализируемых областей. Невысокие отчисления организациями Калининградской обл. на технологические инновации могут быть обусловлены переходом приоритета к обновлению производственного оборудования, ремонту производственных зданий и другим направлениям формирования благоприятных условий для выгодного производства. Положительным фактором выступает увеличение в 2010 году на 45% затрат на технологические инновации на предприятиях Калининградской обл., что объясняется улучшением качества оценки центров затрат на каждом предприятии

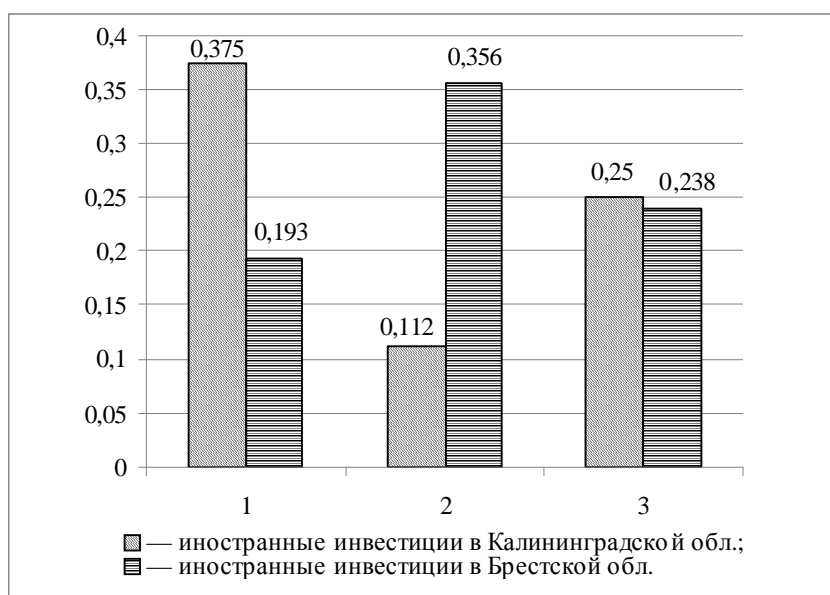


Рисунок 6 — Динамика объёма иностранных инвестиций за 2008—2010 годы по Калининградской и Брестской обл., млрд дол. США

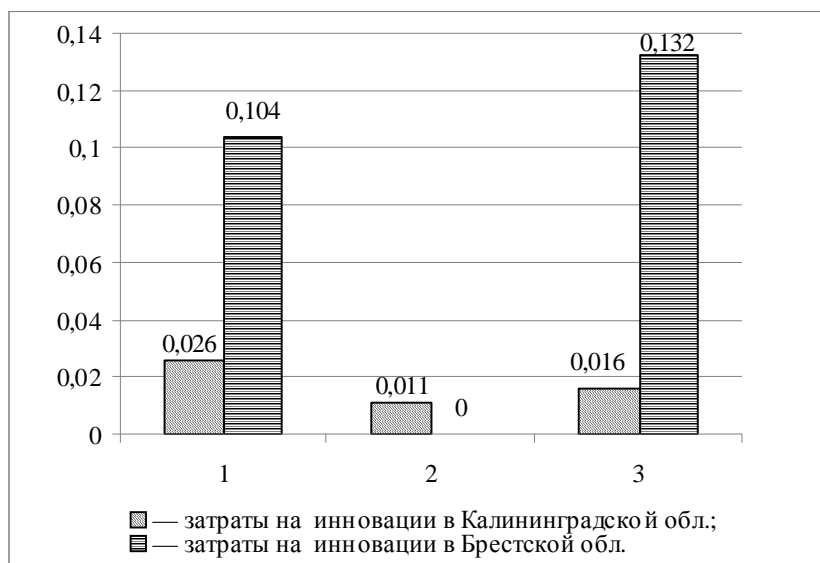


Рисунок 7 — Динамика затрат на технологические инновации за 2008—2010 годы по Калининградской и Брестской обл., млрд дол. США

и ориентацией на сокращение себестоимости путём уменьшения расхода материальных ресурсов за счёт внедрения новых технологий производства продукции. В Брестской обл. в 2010 году отмечено сокращение затрат на технологические инновации, так как большая часть отчислений на инновационную деятельность на предприятии направлялась на обновление производственных фондов, на повышение уровня стимулирования персонала.

Заключение. Анализ экономического состояния двух регионов — Брестской и Калининградской обл. — позволил определить преимущества и недостатки каждой из них в своей внутренней и внешней экономической политике, что выявило определённые приоритетные направления, повышающие уровень экономического развития. Показатель ВРП по Брестской обл. в период 2008—2010 годов превышает уровень ВРП Калининградской обл., что обусловлено превосходством производственных мощностей и экстенсивностью деятельности субъектов хозяйствования. Инвестиции в основной капитал в Брестской обл. выше по сравнению

с 2009 и 2010 годами, чем в Калининградской обл., что можно объяснить модернизацией с 2009 года технического парка предприятий в целях повышения производительности оборудования, сокращения продолжительности производственного цикла, сокращения материалоёмкости продукции. По объёму розничного товарооборота Калининградская обл. превосходит Брестскую обл. по каждому году периода 2008-2010 годов, что связано с существенным превышением количества торговых точек. По уровню зарплаты Калининградская опережает Брестскую ежегодно на 51,7%, 72,3%, 60,6% в период 2008—2010 годов соответственно. Это связано с различием в ценовом диапазоне, что и выступает фактором увеличения заработной платы. Прибыль организаций Брестской обл. почти в 100 раз выше организаций Калининградской. Это обусловлено высоким уровнем развития экспортных отношений в Брестской обл., что позволяет реализовать готовую продукцию за границу по более высоким, чем в Беларуси, ценам. В Калининградской обл. в 2008 и 2010 годах объём иностранных инвестиций превышал 230 млн дол. США, а в 2009 и 2010 годах такой показатель был характерен

и для Брестской обл. В 2008 и 2010 годах иностранных инвестиций в Калининградскую обл. поступило больше, чем в Брестскую, на 95% и 5% соответственно, что объясняется развитой системой привлечения зарубежных инвесторов и, самое главное, наличием финансово привлекательных объектов для вложения денежных средств. Существенная разница (более чем в 5 раз) между Калининградской и Брестской обл. наблюдается по объёму затрат на технологические инновации. Этот показатель также объясняет и разницу в общей прибыли организаций анализируемых областей. Невысокие отчисления организациями Калининградской обл. на технологические инновации могут быть обусловлены переходом приоритета к обновлению производственного оборудования, ремонту производственных зданий и другим направлениям формирования благоприятных условий для выгодного производства.

На основе проведённого анализа по выбранной системе показателей можно предложить следующие рекомендации.

1. Реализация организационно-технических мероприятий, связанных с технико-технологической модернизацией и совершенствованием организации производства субъектов хозяйствования, в целях повышения эффективности использования производственных ресурсов (установка нового оборудования, внедрение усовершенствованной технологии производства, создание благоприятных условий для производства).

2. Усиление сбытовой политики предприятий регионов, направленной на формирование и расширение потребительской базы, материально-снабженческой деятельности, ориентированной на поиск и установку

стабильных качественных связей с поставщиками сырья и материалов.

3. Создание совместных производств и логистических центров между регионами для сокращения основных и вспомогательных затрат на производственно-хозяйственную деятельность и, как результат, расширение возможностей манипулирования ценами реализации продукции.

4. Усиление действий и акцентирование внимания субъектов хозяйствования на венчурных фирмах в целях улучшения инвестиционного климата регионов и перспективного развития отраслей экономики.

Список цитируемых источников

1. Статистика. Курсы валют [Электронный ресурс] // Сайт Нац. банка Респ. Беларусь. — Режим доступа: www.nbrb.by. — Дата доступа: 15.06.2013. — Загл. с экрана.
2. Беларусь в цифрах. Годовые данные [Электронный ресурс] // Сайт Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. — Режим доступа: www.belstat.gov.by. — Дата доступа: 08.07.2013. — Загл. с экрана.
3. Официальная статистика [Электронный ресурс] // Сайт Федер. стат. службы Рос. Федерации. — Режим доступа: www.gks.ru. — Дата доступа: 15.07.2013. — Загл. с экрана.
4. Статистика [Электронный ресурс] // Сайт Центр. банка Рос. Федерации. — Режим доступа: www.cbr.ru. — Дата доступа: 17.08.2013. — Загл. с экрана.
5. Почекина, В. В. Капитал и модернизация в мировой экономике / В. В. Почекина, О. Р. Богутская; под общ. ред. В. В. Почекиной. — Минск: Право и экономика, 2011. — 504 с.
6. Сидорович, А. В. Макроэкономика: учеб. / А. В. Сидорович, Т. А. Агапова, С. Ф. Серегина; под общ. ред. А. В. Сидоровича. — М.: Дело и сервис, 2004. — 448 с.
7. Региональная экономика: учеб. / Т. Г. Морозова [и др.]; под общ. ред. Т. Г. Морозовой. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ, 2001. — 472 с.

Материал поступил в редакцию 29.09.2013 г.

In this article the author analyzes the economic status of the two regions. Revealed the superiority of the Brest region in terms of gross regional product, capital investment, corporate profits, the cost of innovation. Kaliningrad region has advantages in terms of retail sales, the average monthly wage of foreign investment.

УДК 658.012.8.001.26

О. И. Маслак, Н. Е. Гришко

Кременчугский национальный университет имени М. Остроградского, Кременчуг, Украина

ФОРМИРОВАНИЕ СЦЕНАРИЕВ ПРЕВЕНТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ ПРЕДПРИЯТИЯ НА ОСНОВЕ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ МНОГОКРИТЕРИАЛЬНОЙ ОПТИМИЗАЦИИ

На основе ранее разработанного подхода предложена практическая методика формирования сценариев превентивного управления экономической безопасностью предприятия. На основе применения методов многокритериальной оптимизации, предложены сценарии и карта направленных импульсных воздействий в рамках управления состоянием технико-технологической, ресурсной и коммуникационной подсистем экономической безопасности машиностроительного предприятия.

Введение. Проблема управления состоянием экономической безопасности предприятия (далее — ЭБП) находится в плоскости научного интереса научных исследований по современным проблемам устойчивого развития, а также в поле повышенного внимания отечественных и зарубежных учёных. Значительный вклад в исследование теории экономической безопасности и её прикладных аспектов внесли такие учёные, как Н. Ермошенко, А. Козаченко, А. Сухоруков, В. Шлемко и др. Однако в решении данной проблемы остаются вопросы по способам измерения и эффективным методам повышения уровня экономической безопасности, которые требуют дальнейших научных и прикладных разработок. Целью статьи является разработка методического подхода к формированию сценариев управления ЭБП с учётом изменений агрессивности внешней среды.

Методология и методы исследования.

Буквально каждая более или менее сложная прикладная задача принятия решения является задачей принятия решения в условиях неопределённости с позиции возможного выбора из ряда альтернатив и использования при этом нескольких критериев оптимальности [1, с. 226]. Необходимость принять во внимание возможности изменения внешних условий, их прямого и опосредо-

ванного влияния на реализацию управленческих решений также усложняет задачу. Один из способов приведения многоцелевых и многокомпонентных задач принятия решения (к которым, в частности, относится и ЭПБ предприятия) к задачам с одним функционалом оценивания — это метод иерархий [2, с. 81].

Ведущей идеей данного подхода является то, что результат реализации и плановый ориентир управления экономической безопасностью, формализованные в рамках оптимизационного задания, не могут быть адекватно оценены с помощью только одного критерия. Необходимо использование определённой совокупности наиболее важных показателей, которые исполняют роль критериев оптимизации [3, с. 10].

Организация исследования. Целью данного исследования является практическая реализация метода формирования сценариев превентивного управления ЭПБ на основе многокритериальной оптимизации. В качестве инструмента выбора оптимального направления развития использован метод анализа иерархий как процесс поэтапного установления приоритетов — способа принятия решения при отборе альтернативных реакций предприятия. Суть данного метода в том, что каждый элемент (информационная

база) высшего уровня иерархии раскладывается на несколько частных элементов низшего уровня, которые, в свою очередь, детализируются множеством элементов следующего (низшего) уровня.

Результаты исследования и их обсуждение. Результативность функционирования механизма обеспечения ЭПБ — это показатель, который характеризует изменение его состояния в динамике при условии выбора эффективного направления развития среди существующих стратегических альтернатив. С учётом того, что предприятие — это сложная открытая система, взаимосвязи, критерии и факторы развития которой постоянно изменяются, возникает необходимость разработки и внедрения такого механизма управления экономической безопасностью, который бы позволял обеспечить способность системы трансформировать себя в зависимости от изменений внешней и внутренней среды. Такой механизм управления позволит не только формировать приоритеты деятельности, но и изменять состояние объекта управления, обеспечивая возможность превентивного реагирования на действия внешних и внутренних угроз.

Реализацию превентивного управления ЭПБ в практической деятельности целесообразно проводить в три этапа: 1) организация мониторинга изменений оценочных параметров экономической безопасности; 2) анализ внутренних возможностей и внешних угроз, формирование матрицы «угрозы/потери» уровня экономической безопасности; 3) разработка превентивных мероприятий по снижению вероятности отклонения от рационального уровня ЭБП.

Принимая во внимание то, что предприятие и внешняя среда находятся в условиях постоянного обмена, предоставляющего возможность осуществлять операционную, финансовую и инвестиционную деятельность, экономическое состояние предприятия зависит от частоты появления непредвиденных событий, стабильности внешней среды.

В связи с этим корректны в применении методы, которые основываются на использовании специфических моделей принятия и реализации стратегических решений и учитывают реалистичный, оптимистичный, пессимистичный сценарии развития событий.

В рамках создания механизма, предоставляющего возможность разработать превентивные мероприятия по снижению вероятности отклонения от рационального уровня экономической безопасности, предлагаем использовать методы многокритериальной оптимизации.

В общем виде задачу оптимизации процесса деятельности можно сформулировать следующим образом: максимизация целевой функции математической модели объекта (процесса) с учётом ограничений. При этом анализ задач управления предприятием как системой свидетельствует, что в реальной постановке задачи комплексной оптимизации являются многокритериальными [1, с. 240].

В основе предлагаемого метода находится утверждение о возможности достижения рационального уровня ЭБП на основании осуществления направленного влияния на качественные характеристики системы экономической безопасности машиностроительного предприятия.

Будем считать, что каждая альтернатива оценивается m критериями: $f_i(x); i$, равное 1; m — достигнутым уровнем коммуникативности, адаптивности, устойчивости и маневренности системы экономической безопасности. При этом можно считать, что все частные критерии $f_i(x)$ действуют в одном и том же направлении (ингредиенте), т. е. выражают положительные качества альтернативы.

Под максимизацией целевой функции $f(x)$ на заданном множестве U_m — мерного векторного пространства понимаем определение точек максимума данной функции на множестве U :

$$f(x) \rightarrow \max, x \in U,$$

где x — вектор параметров;

U — область определения ограничений для управляемых переменных.

Допустим, что имеем n стратегических реакций в рамках превентивного управления состоянием экономической безопасности $Y_{j(t)}$; j , равное 1; n , каждой из которых отвечает совокупность оптимальных локальных решений управления x_{j0} ; j , равное 1; k . Для каждого локального решения x_{j0} влияния на управляющие факторы качественных характеристик системы ЭБП существует возможность оценить последствия изменений в управлении деятельностью предприятия для конкретных реализаций вектора $Y_{j(t)}$.

Для того чтобы комплекс локальных решений можно было сопоставлять в соответствии с критериями эффективности и степени устойчивости к направленным и ненаправленным действиям угроз внешней среды, анализ всех x_0 следует проводить с учётом реалистического, оптимистического и пессимистического сценариев развития событий.

Задача принятия решения связана с выявлением предопределённых значений показателей управляющих факторов, которые в совокупности и взаимосвязи обуславливают максимальный уровень качественных характеристик системы ЭБП. Правило принятия решения в этом случае заключается в нахождении такого решения x_0 , которое оптимизирует целевую функцию.

Для определения направлений усовершенствования работы машиностроительного предприятия на принципах превентивного управления состоянием его экономической безопасности предложены такие сценарии:

– сценарий 0 (0-1, 0-2, 0-3) «Реакция самосохранения». Означает отсутствие импульсов направленных изменений в сфере управления состоянием экономической безопасности. Предприятие находится в кон-

туре пассивного сценария управления экономической безопасностью;

– сценарии 1—3 «Реакция стабилизационная». Предприятие находится в контуре активного сценария управления состоянием собственной экономической безопасности. Направленные импульсные изменения должны быть нацелены на приближение значений управляющих факторов к значениям, которые отвечают максимальному значению интегрального показателя оценки экономической безопасности предприятия по функциональным составляющим в период исследования;

– сценарии 4—6 «Реакция конкурентная» развиваются в условиях, когда ориентиром направленных импульсных изменений избраны значения управляющих факторов предприятия машиностроения, которое занимает наивысшую позицию по рейтинговой оценке уровня экономической безопасности;

– сценарии 7—9 «Реакция инновационная» имеют ориентиром максимальные значения тех управляющих факторов, которые определяют инновационное направление развития предприятия. В условиях реалистической ситуации значения других факторов остаются на предыдущем уровне либо должны быть откорректированы в соответствии с изменениями внешних условий в рамках оптимистической и пессимистической ситуаций развития событий;

– сценарии 10—12 «Реакция предпринимательская: долгосрочный потенциал» должны учитывать сопоставление темпов изменения результатов деятельности предприятия, репрезентованных в данной модели через показатель чистого дохода от реализации, и темпов роста активов (их составляющих). Данное соотношение характеризует причинно-следственную связь, которая в мировой практике получила название «золотое правило экономики»: если темпы роста объёма продаж (доходов) больше темпов роста активов, то эффективность использования активов увеличивается. Наряду с этим ограничения, заложенные в оптимизационные модели, учитывают принципы эффективного

использования трудовых ресурсов предприятия, а именно превышение темпов роста производительности труда над ростом темпов её оплаты.

Согласно условиям сформированных сценариев получены результаты моделирования для публичного акционерного общества «Кременчугский завод дорожных машин».

В зависимости от результатов вероятности влияния угроз внешней среды используются три оценки влияния за определённый период: оптимистическая (сценарии 1, 4, 7, 10), когда ситуация складывается наиболее благоприятным образом; наиболее вероятная (сценарии 2, 5, 8, 11) (таблица 1); пессимистическая (сценарии 3, 6, 9, 12).

В соответствии с определённым сценарием сформировано структурированное множество детализированных целей управления ЭБП в разрезе обоснованных ранее подсистем (технико-технологической, ресурсной, коммуникационной):

$$Popt S = \{Popt S_{ij}\},$$

где i — общая цель управления экономической безопасностью в рамках конкретной подсистемы, равная 1...3;

j — компоненты импульсного влияния по функциональным составляющим.

Структурированное множество детализированных целей управления ЭБП сформировано в виде базовой карты (рисунок 1) для публичного акционерного общества «Кременчугский завод дорожных машин».

Информационная система реализована с помощью среды Microsoft Office XP с использованием надстройки «Поиск решения» Microsoft Excel на базе алгоритма нелинейной оптимизации Generalized Reduced Gradient (GRG2) (рисунок 2).

Ввиду того, что решение каждой модели даёт оптимальные возможности для соответствующего значения качественных характеристик системы ЭБП и не всегда отвечает критерию оптимума его функционирования в целом, применены процедуры определения ограничений, согласовывающие локальные оптимумы согласно направлениям деятельности предприятия, а также учитывающие влияние нестабильных элементов внешней среды на деятельность предприятия.

Полученная векторная оценка подлежит преобразованию с помощью функции свёртки, способ которой зависит от характера показателей и целей оценивания системы [1, с. 220]. Наиболее часто используются аддитивная и мультипликативная свёртка компонентов векторного критерия. Исходя из того, что все частные критерии являются безразмерными величинами и улучшению качественного состояния системы ЭБП соответствует их увеличение, целесообразной является ориентация на взвешенную суммарную эффективность. При этом воспользуемся аддитивной свёрткой компонентов векторного критерия, состоящего в представлении обобщённого скалярного критерия в виде суммы взвешенных нормированных частных критериев.

Т а б л и ц а 1 — Значение качественных характеристик системы экономической безопасности машиностроительного предприятия в условиях реалистической ситуации развития событий

Показатель	Сценарий				
	0-2	2	5	8	11
$k_{ком}$	0,622070	0,707985	0,893627	0,858830	1,007240
$k_{ман}$	0,608672	0,649421	0,648329	0,649498	0,666301
$k_{уст}$	0,580982	0,830538	1,149850	0,954798	1,603910
$k_{ад}$	0,551348	0,605074	0,695346	0,733796	0,653160

Примечания: 1. Расчёты произведены на основании данных [4]. 2. Уровень коммуникативности — $k_{ком}$; уровень маневренности — $k_{ман}$; уровень устойчивости — $k_{уст}$; уровень адаптивности — $k_{ад}$.

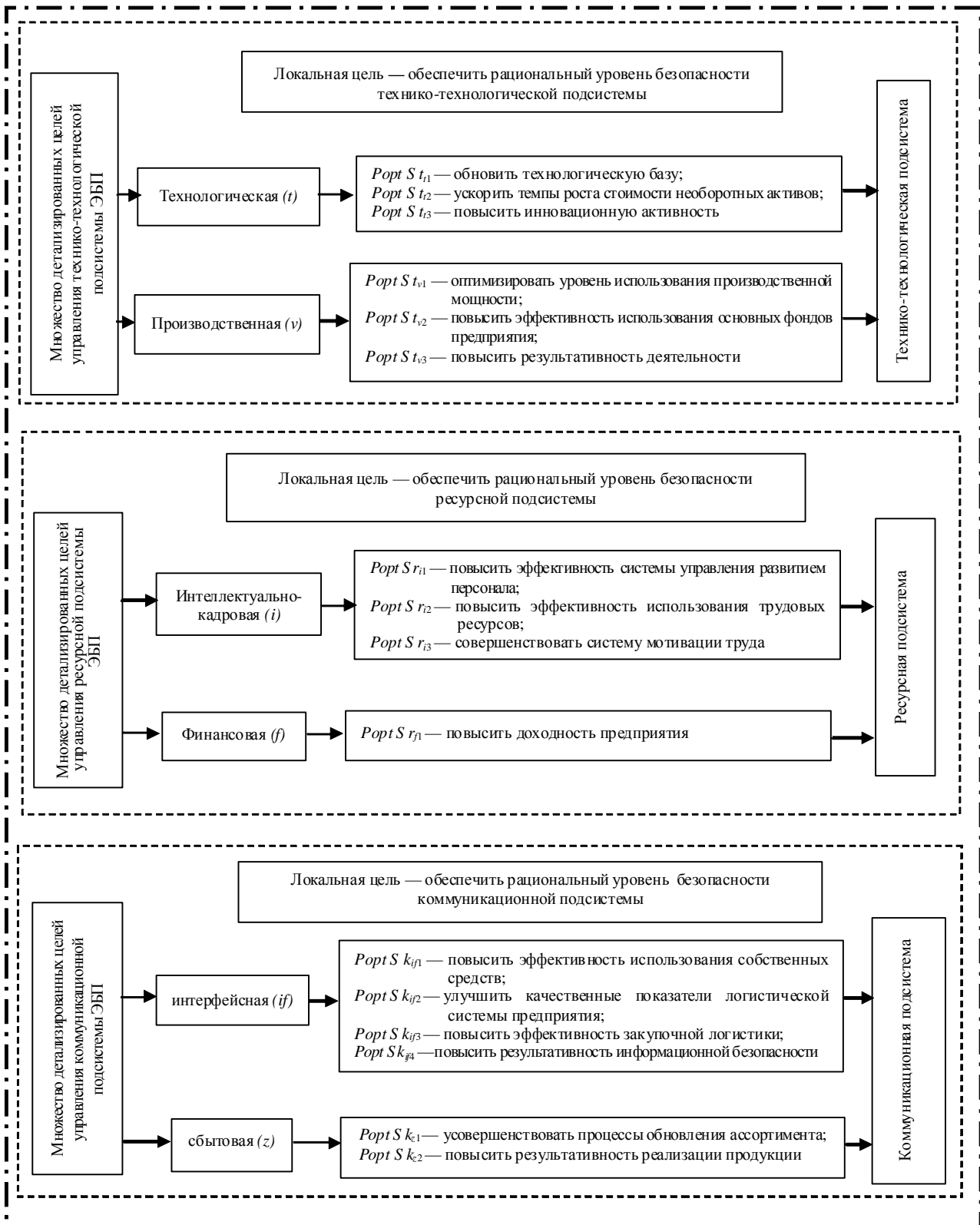


Рисунок 1 — Схема структурированного множества детализированных целей управления экономической безопасностью предприятия

№	Имя	В	С	D	E	F	G	H	I		
2	Сценарій і реакція самообереження					$Y = -0,8142 + 2,3676 \cdot X1 + 0,0280 \cdot X4 + 1,1599 \cdot X5$					
3	Управляючі фактори					аі	Хі	оптимізація	початкове значення	обмеження	Імпульс зміни
4	індекс розвитку працівників	а1	2,3676		X1	0,12		0,12	0,12	0	
5	коефіцієнт оборотності запасів	а4	0,028		X4	10,494		10,494	10,494	0	
6	індекс усталеності зв'язів із постачальниками	а5	1,1599		X5	0,74		0,74	0,74	0	
7		а0	-0,8142		k1 max=			0,62207			
8						$Y = -1,2514 + 0,2245 \cdot X1 - 0,1116 \cdot X2 + 0,1652 \cdot X4 + 1,6467 \cdot X7$					
9	Управляючі фактори					аі	Хі	оптимізація	початкове значення	обмеження	Імпульс зміни
10	індекс оновлення технологічної бази	а1	0,2245		X1	0,11		0,11	0,11	0	
11	індекс використання виробничої потужності	а2	-0,1116		X2	0,51		0,51	0,51	0	
12	індекс зростання продуктивності праці	а4	0,1652		X4	1,686		1,686	1,686	0	
13	коефіцієнт забезпеченості матеріальними ресурсами	а7	1,6467		X7	0,98		0,98	0,98	0	
14		а0	-1,2514		k2 max=			0,6086722			
15						$Y = -5,2961 + 1,4489 \cdot X1 - 0,0694 \cdot X3 + 4,4330 \cdot X4$					
16	Управляючі фактори					аі	Хі	оптимізація	початкове значення	обмеження	Імпульс зміни
17	температура зміни вартості необоротних активів	а1	1,4489		X1	1,051		1,051	1,051	0	
18	фондовіддача	а3	-0,0694		X3	5,35		5,35	5,35	0	
19	окупність витрат операційної діяльності	а4	4,433		X4	1,066		1,066	1,066	0	
20		а0	-5,2961		k3 max=			0,5809619			
21						$Y = 0,1797 + 0,0924 \cdot X4 + 0,5228 \cdot X5 + 0,0498 \cdot X8$					
22	Управляючі фактори					аі	Хі	оптимізація	початкове значення	обмеження	Імпульс зміни
23	індекс зростання середньої зарплати працівників	а4	0,0924		X4	1,498		1,498	1,498	0	
24	індекс оновлення асортименту	а5	0,5228		X5	0,3		0,3	0,3	0	
25	температура росту чистого доходу від реалізації продукції	а8	0,0498		X8	1,534		1,534	1,534	0	
26		а0	0,1797		k4 max=			0,5513484			

Рисунок 2 — Реалізація механізму прийняття рішення на основі метода
многокритеріальної оптимізації (фрагмент)

Заключення. Система підтримки прийняття управленческих рішень, пропонується до впровадження, реалізована в формі комплексу економіко-математических моделей і дає можливість на основі статистических даних діяльності підприємства забезпечити задану стратегічну реакцію, що дозволяє за допомогою впливу на якісні характеристики системи ЕБП забезпечити її раціональний рівень.

Таким чином, за допомогою запропонованої методики для кожного напрямку діяльності підприємства сформовані сценарії, які представляють собою оптимальне рішення задачі многокритеріальної оптимізації.

The system of support of decision-making administrative, offered to introduction, is realized as the complex of models and enables on the basis of statistical information of activity of enterprise to provide the set strategic reaction that allows by means of influence on high-quality descriptions of the system of economic safety of enterprise to provide its rational level. On the basis of the offered method for every direction of activity of enterprise scenarios which are the optimum decision of task of multicriterion optimization are formed.

Список цитируемых источников

1. Вітлінський, В. В. Аналіз, моделювання та управління економічним ризиком : навч.-метод. посібник для самост. вивч. дисц. / В. В. Вітлінський, П. І. Верченко. — Київ : КНЕУ, 2000. — 292 с.
2. Саати, Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий : пер. с англ. / Т. Саати. — М. : Радио и связь, 1993. — 320 с.
3. Маслак, О. І. Підходи до прогнозування змін показників економічної безпеки підприємства на довготривалий період / О. І. Маслак, Н. Є. Гришко // Економіка та держава. — 2012. — № 12. — С. 8—13.
4. Річна фінансова звітність підприємств [Електронний ресурс] // Агентство з розвитку інфраструктури фондового ринку України. Офіційний сайт. — Режим доступу : <http://smida.gov.ua>. — Дата доступу : 10.10.2012. — Загол. з екрану.

Матеріал поступив в редакцію 18.02.2013 г.

УДК 631.15:636.22/.28

Н. И. Шиян

Харьковский государственный аграрный университет имени В. В. Докучаева, Харьков, Украина

ВЛИЯНИЕ СТРУКТУРЫ СКОТОВОДСТВА НА ОКУПАЕМОСТЬ ЗАТРАТ В ОТРАСЛИ

Рассмотрены вопросы влияния соотношения реализованного молока и крупного рогатого скота на мясо в структуре товарной продукции отрасли скотоводства предприятий Украины в 2011 году на окупаемость затрат в них, выявлены факторы, оказывающие непосредственное влияние на их формирование.

Введение. Скотоводство, которое традиционно выступало ведущей отраслью не только животноводства, а и всего сельскохозяйственного производства Украины, после 1990 года начало постепенно терять свои позиции вследствие быстрого сокращения объёмов производимой продукции. Так, производство молока в 2011 году в сравнении с 1990 годом уменьшилось в 2,4 раза. Ещё быстрее снижалось производство говядины и телятины — в 4,6 раза. Вследствие этого соотношение реализованного молока и крупного рогатого скота (далее — КРС), реализованного на мясо, в структуре товарной продукции постепенно увеличивалось в пользу молока. Практически также в этом направлении действовал и ценовой фактор. Так, в течение 1995—2011 годов цена реализации молока увеличилась в 15,8 раза, а мяса КРС — в 14,5 раза.

Одной из причин такой ситуации является различный уровень прибыльности производства, а точнее, постоянная убыточность, присущая реализации КРС на мясо, и довольно стабильная прибыльность производства молока, которая избавила производителей молока от ряда их проблем.

Особенностью скотоводства является то, что нельзя производить молоко, не производя говядины и телятины. При этом между ними в широком диапазоне формируется соотношение в стоимостном исчислении. Также возникает вопрос о том, как это обстоятельство влияет на формирование совокупной

эффективности скотоводства, т. е. проблемы, связанные с определением структуры отрасли скотоводства и её влияния на показатели эффективности, относятся к числу важных вопросов, в том числе в определении перспектив её развития, что свидетельствует и об их актуальности.

В этой связи целью наших исследований было определение влияния соотношения стоимости реализованного молока и КРС на мясо на предприятиях Украины и того, как это влияло на величину окупаемости затрат при реализации продукции скотоводства.

Исследование осуществлялось с использованием статистических данных, представленных сельскохозяйственными предприятиями Украины, которые в 2011 году производили и реализовывали продукцию скотоводства (форма 50 с.-г.).

Методология и методы исследования.

В процессе исследования использовались монографический (изучение степени рассмотрения проблемы в литературе) и статистические методы (в том числе метод группировок при исследовании влияния соотношения стоимости реализованного молока и КРС на мясо на предприятиях Украины на величину окупаемости затрат при реализации продукции скотоводства).

Организация исследования. Определяя степень разработки проблемы учёными, мы ознакомились со статьями по проблемам

скотоводства, которые публиковались в журнале «Экономика АПК» в 2012 году. Оказалось, что таких публикаций было как минимум 11. Но есть все основания считать, что проблемы, связанные с развитием отрасли, рассматриваются и в публикациях иной направленности. Основное внимание в них уделяется вопросам производства молока [1], [2]. Вместе с тем указывалось, что повышенного внимания заслуживает увеличение производства мяса КРС в отрасли молочного скотоводства, что обусловлено рядом причин. Среди них важное место необходимо отвести той, в соответствии с которой на перспективу предвидится достичь научно обоснованных норм потребления мяса не только в общем объёме, но и в ассортименте. Наиболее слабым звеном при таком подходе выступает именно производство говядины и телятины. Поэтому на перспективу предвидится, что темпы увеличения производства именно этого вида мяса в сравнении с иными будут более высокими. Особенно значительными они планируются на предприятиях. Так, если в 2020 году по сравнению с 2010-м намечается увеличение производства всех видов мяса в 2,47 раза, то производство мяса КРС будет увеличено в 6,87 раза, свинины — в 2,94, а мяса птицы — в 1,53 раза. Предполагается также увеличение производства молока, хотя и менее значительное, чем мяса КРС, — в 4,76 раза [3]. Причём в качестве исходных нормативов производства продукции на одну голову в год для коров продуктивностью 4 000 кг молока принимается прирост крупного рогатого скота 269 кг (среднедневной привес — 737 г) [3, с. 40]. Такая динамика приведёт к увеличению уровня потребления мяса до 22 кг на одного человека и обеспечит полное удовлетворение внутренних потребностей в говядине и телятине, а также будет способствовать формированию экспортных ресурсов [4, с. 190].

Неоднократно указывалось, что проблема обеспечения потребностей в говядине не может быть решена без развития мясного скотоводства, и поэтому необходимо, чтобы

на две-три молочные коровы приходилась одна мясная [5, с. 61]. В связи с этим необходимо отметить, что в 2011 году вышла монография, посвящённая вопросам конкурентоспособности мясного скотоводства Украины, в которой всесторонне рассмотрены проблемы развития отрасли [6]. Говоря о перспективах развития отрасли, автор монографии констатирует факт, который всё ещё остаётся неизменным: чаще всего наибольшие объёмы говядины поставляют на рынок предприятия, которые специализируются на производстве молока. Для них результаты реализации КРС на мясо имеют большое значение (возрастающее с увеличением производства и реализации говядины) в формировании общих достижений по отрасли скотоводства. При этом необходимо иметь в виду, что реальное соотношение стоимости этих двух продуктов в структуре товарной продукции формируется, как отмечает автор монографии, в очень широком диапазоне. Значительно отличается и уровень окупаемости затрат на их производство и реализацию.

Возникает вопрос, в какой степени современная стратегия предприятий, которые развивают скотоводство, возрождая отрасль, отвечает потребностям общества [7]. В данном случае имеется в виду ориентация производителей продукции скотоводства на формирование соотношения объёмов реализации молока и КРС на мясо. Являясь очень актуальным, этот вопрос пока что недостаточно освещён, тем более с использованием для анализа его различных аспектов массовых статистических данных.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследования осуществлялись с использованием данных по всем предприятиям Украины, в структуре которых имелась отрасль скотоводства. При этом основное внимание уделялось тем из них, которые одновременно реализовывали молоко и мясо КРС. Для того чтобы более чётко проявились зависимости, которые возникают в процессе

формирования результатов хозяйственной деятельности (в нашем случае прежде всего окупаемости затрат), была осуществлена группировка предприятий. В роли группировочного признака выступал коэффициент, который определялся как отношение выручки от реализации молока и выручки от реализации скота на мясо (далее — коэффициент соотношения). По результатам группировки была сформирована 61 группа. Ещё две группы представлены предприятиями, которые реализовывали только скот или только молоко. Их оказалось 338 и 85 соответственно. Оба продукта реализовывали 2 055 предприятий. Во время распределения предприятий по группам было выяснено, что вся совокупность может быть разделена на две части. В первой из них, представленной значительным количеством предприятий (1 912 из 2 055, т. е. 93,0%), наблюдалось постепенное увеличение величины коэффициента соотношения стоимости реализованного молока и мяса КРС ($K_{с.ст}$), а также, как будет показано дальше, более чётко проявлялись тенденции, присущие совокупности в целом.

В другой группе закономерности в определённой мере носили скачкообразный характер, а общие тенденции проявлялись менее чётко. Эти выводы были сделаны в первую очередь относительно продуктивности коров, объёмов реализации молока и КРС в расчёте на одну корову (в дол. США) и некоторых других показателей, которые касаются соотношения объёмов производства и объёмов продаж молока и мяса.

Так, было установлено, что в первой части совокупности, которая охватывает 40 групп из 61, чётко проявляется следующая тенденция: увеличение соотношения стоимости реализованного молока и стоимости реализованного мяса КРС происходит за счёт одновременного увеличения выручки от реализации молока и уменьшения выручки от реализации КРС на мясо в расчёте на одну корову (в дол. США). Во второй части, где

коэффициент соотношения стоимости молока и мяса был особенно высоким, ситуация была иной: стоимость молока при этом не увеличивалась, а повышение данного коэффициента было результатом очень быстрого сокращения стоимости реализованного мяса КРС. Поэтому было целесообразно проверить, насколько такие особенности характерны для формирования окупаемости затрат на молоко и мясо (таблица 1).

Результаты обработки данных первой половины совокупности (рисунок 1) показали, что по мере увеличения коэффициента соотношения ($K_{с.ст}$) происходит повышение окупаемости затрат на производство и реализацию молока. А окупаемость затрат на достижение привесов и реализацию КРС на мясо, наоборот, уменьшается. При этом данная тенденция проявляется очень чётко, о чём свидетельствуют коэффициенты парной корреляции, составляющие по молоку 0,66, а по крупному рогатому скоту $-0,55$ соответственно.

Следствием такого разновекторного действия результатов реализации молока и КРС на мясо стало формирование окупаемости затрат в целом по скотоводству. Оказалось, что в первой части совокупности окупаемость затрат на производство и реализацию продукции скотоводства во время увеличения удельного веса молока в формировании общих результатов тоже имеет чёткую тенденцию к увеличению, поскольку коэффициент парной корреляции между ними равняется 0,72.

Несколько иная ситуация имела место во второй части совокупности. Особенность формирования зависимости между анализируемыми показателями была следующей: коэффициенты парной корреляции между коэффициентом соотношения и окупаемостью затрат на реализованное молоко и на мясо КРС составляли 0,07 и $-0,05$ соответственно. Что касается взаимосвязи между коэффициентом соотношения и окупаемостью затрат по продукции скотоводства в целом, то она оказалась очень слабой,

Т а б л и ц а 1 — Группировка предприятий Украины по величине соотношения стоимости реализованного молока и КРС на мясо в расчёте на одну корову (2011 год)

Номер группы	Коэффициент соотношения ($K_{с.ст}$)	Количество предприятий	Результаты реализации						Окупаемость затрат в скотоводстве
			молока			КРС на мясо			
			полная себестоимость, дол. США / ц	цена реализации, дол. США / ц	окупаемость	полная себестоимость, дол. США / ц	цена реализации, дол. США / ц	окупаемость	
1	0,16	95	39,0	32,9	0,843	178,1	154,5	0,868	0,864
2	0,34	84	34,1	33,5	0,982	173,4	153,9	0,887	0,910
3	0,67	79	35,6	35,8	1,007	200,5	161,5	0,806	0,876
4	0,90	74	31,9	34,0	1,065	161,0	134,8	0,837	0,932
5	1,11	101	33,6	35,7	1,063	188,1	151,5	0,805	0,923
6	1,38	95	35,4	35,2	0,993	209,2	143,6	0,686	0,836
7	1,64	98	30,0	34,5	1,152	195,1	149,8	0,768	0,969
8	1,86	94	30,7	35,4	1,154	191,4	155,1	0,810	1,005
9	2,10	111	33,6	37,2	1,106	183,6	147,1	0,801	0,985
10	2,39	92	31,8	37,5	1,176	193,2	153,1	0,793	1,029
11	2,64	91	32,4	36,5	1,126	205,1	146,5	0,714	0,972
12	2,89	82	31,4	37,4	1,190	206,9	149,3	0,722	1,020
13	3,12	70	32,3	37,8	1,171	186,3	145,4	0,781	1,045
14	3,36	73	32,7	38,5	1,176	164,7	145,9	0,885	1,094
15	3,64	70	33,6	38,3	1,142	236,0	148,7	0,630	0,972
16	3,85	56	33,2	39,4	1,186	208,7	143,1	0,686	1,031
17	4,11	50	31,8	38,0	1,195	212,5	149,8	0,705	1,052
18	4,40	40	35,1	38,5	1,096	230,8	152,0	0,658	0,976
19	4,64	38	31,7	39,2	1,236	172,9	146,4	0,847	1,143
20	4,85	47	33,7	39,7	1,177	194,8	141,9	0,729	1,065
21	5,14	35	31,0	37,0	1,195	189,6	133,0	0,701	1,072
22	5,37	24	32,5	39,0	1,203	209,1	142,2	0,680	1,073
23	5,62	36	30,5	38,6	1,269	214,6	143,9	0,670	1,118
24	5,88	26	30,9	40,7	1,316	200,6	145,9	0,727	1,177
25	6,10	22	30,8	39,4	1,280	160,1	138,5	0,865	1,199
26	6,35	28	32,1	38,5	1,202	210,1	130,4	0,621	1,066
27	6,63	23	34,4	39,9	1,158	217,1	147,4	0,679	1,060
28	6,84	18	32,0	40,7	1,271	274,9	135,9	0,495	1,059
29	7,14	23	30,9	39,9	1,292	187,5	137,9	0,736	1,182
30	7,40	19	37,2	40,9	1,099	260,7	128,1	0,491	0,958
31	7,64	15	30,1	40,6	1,347	154,3	126,8	0,822	1,255

Окончание таблицы 1

Номер группы	Коэффициент соотношения ($K_{с.ст}$)	Количество предприятий	Результаты реализации						Окупаемость затрат в скотоводстве
			молока			Мяса КРС			
			полная себестоимость, долл. США / ц	цена реализации, долл. США / ц	окупаемость	полная себестоимость, долл. США / ц	цена реализации, долл. США / ц	окупаемость	
32	7,93	17	31,5	39,5	1,256	254,2	136,1	0,535	1,092
33	8,15	8	39,5	42,5	1,078	167,1	152,1	0,910	1,057
34	8,33	13	27,2	41,3	1,520	212,1	134,1	0,632	1,321
35	8,65	14	31,3	36,6	1,168	272,2	126,9	0,466	1,011
36	8,97	11	34,4	41,1	1,195	202,5	128,2	0,633	1,097
37	9,03	12	24,5	40,9	1,670	209,8	136,7	0,652	1,445
38	9,33	11	33,1	39,9	1,203	161,1	133,2	0,827	1,153
39	9,70	11	29,5	41,4	1,406	262,9	146,3	0,557	1,230
40	9,84	6	33,5	39,6	1,182	240,7	131,3	0,545	1,067
41	10,22	11	41,0	47,2	1,152	344,5	137,0	0,398	0,985
42	10,73	11	30,8	42,3	1,376	188,2	137,3	0,730	1,280
43	11,17	12	28,3	39,9	1,411	213,8	136,0	0,636	1,282
44	11,90	8	38,0	39,0	1,028	298,8	116,8	0,391	0,913
45	12,39	5	42,0	39,3	0,937	123,2	115,2	0,935	0,937
46	12,79	8	35,9	36,7	1,023	213,7	127,2	0,595	0,973
47	13,23	3	32,8	39,4	1,201	211,7	136,8	0,646	1,132
48	13,73	8	34,6	40,4	1,169	237,9	123,3	0,518	1,077
49	14,31	6	36,4	41,4	1,136	255,2	119,6	0,469	1,040
50	15,32	9	31,2	40,6	1,303	221,4	134,0	0,605	1,217
51	16,50	4	33,9	49,8	1,470	487,7	152,3	0,312	1,213
52	17,51	8	31,6	38,3	1,212	156,2	110,9	0,710	1,168
53	18,08	5	20,4	41,8	2,046	292,0	149,1	0,511	1,768
54	19,44	6	36,4	41,2	1,132	381,3	121,7	0,319	1,007
55	20,81	5	40,0	41,5	1,037	173,2	100,4	0,580	1,001
56	23,09	5	35,4	46,7	1,318	166,5	137,8	0,828	1,287
57	25,22	8	29,6	37,9	1,282	208,4	120,7	0,579	1,225
58	27,08	3	26,6	41,1	1,541	234,6	85,7	0,365	1,382
59	28,40	4	22,7	37,9	1,672	266,3	135,7	0,510	1,551
60	36,44	8	32,7	36,5	1,118	249,2	143,3	0,575	1,091
61	42,06	6	35,5	37,7	1,062	201,8	134,3	0,666	1,048
В среднем	3,30	2055	32,5	38,6	1,189	198,4	146,4	0,738	1,041

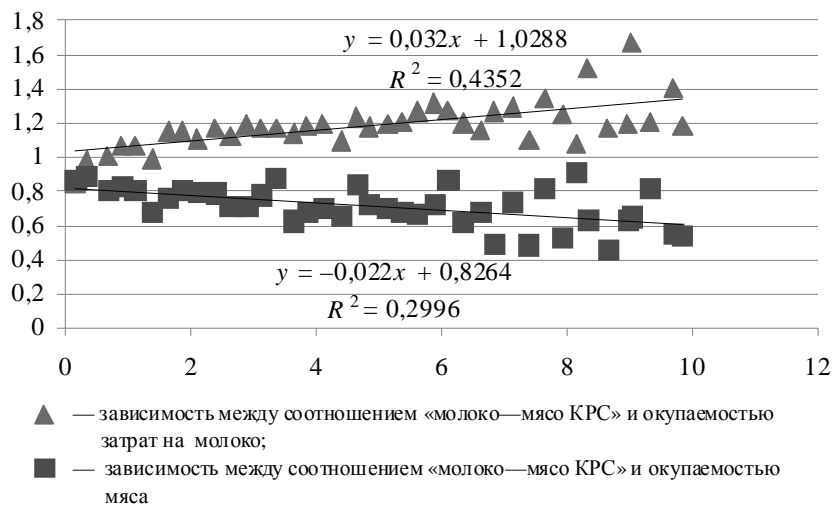


Рисунок 1 — Зависимость между соотношением выручки от реализации молока и КРС, реализованного на мясо, и окупаемости затрат на производство молока и мяса КРС на предприятиях 1—40-й групп в 2011 году

хотя коэффициент парной корреляции был положительным (0,18).

А в целом по совокупности сформировались такие зависимости между коэффициентом соотношения и окупаемостью затрат: 0,291 — на молоко; -0,46 — на мясо КРС; 0,44 — на реализованную продукцию скотоводства. Таким образом, как и следовало ожидать, увеличение удельного веса стоимости реализованного мяса КРС в общей выручке от реализации продукции скотоводства обусловило снижение окупаемости затрат на эту продукцию. Несмотря на важность этого факта, сущность исследования была не в этом. Необходимо было выяснить, насколько существенным было это влияние, а заодно определить механизмы, под действием которых оно формировалось. Для этого была количественно оценена степень связи между отдельными параметрами, которые характеризуют состояние производства продукции скотоводства в предприятиях во время разделения их на группы в соответствии с коэффициентом соотношения стоимости реализованного молока и мяса КРС.

При этом важно было выявить, в какой степени величина затрат на одну корову

влияет на продуктивность животного. Опять подтвердилось положение, что данный фактор имеет определяющее значение, поскольку коэффициент парной корреляции между ними равнялся 0,89. Повышение продуктивности в свою очередь способствовало повышению окупаемости затрат на реализованное молоко. Наиболее существенное влияние имела вариация показателя себестоимости (коэффициент парной корреляции равнялся 0,83). Значительным, но несколько меньшим было влияние цен реализации (коэффициент парной корреляции — 0,45). Аналогично складывалась ситуация с влиянием себестоимости и цен реализации на окупаемость затрат на КРС, реализованный на мясо.

Следующим этапом количественных оценок тесноты связи, присущих процессам производства и реализации продукции скотоводства, было определение коэффициентов парной корреляции между окупаемостью затрат на продукцию скотоводства и окупаемостью затрат на молоко и КРС, реализованный на мясо. Были получены следующие результаты: в первом случае коэффициент парной корреляции равнялся 0,96, а во втором — 0,22. Данные коэффициенты были

рассчитаны для первой и второй части совокупности. Их значения составляли 0,94 и 0,97, а также $-0,14$ и $-0,038$ соответственно.

Природа таких отличий связана с тем, что в первую совокупность входит довольно большая группа предприятий со значительным или даже преимущественным удельным весом КРС на мясо в структуре товарной продукции.

Во второй части совокупности это влияние было намного меньшим, а на отдельных предприятиях — вообще минимальным, поскольку они реализуют молоко. Таким образом, как свидетельствуют массовые данные по продукции скотоводства, значительное количество предприятий-производителей добивается повышения окупаемости затрат в отрасли таким образом: увеличивается количество молока, реализованного в расчёте на одну корову, и одновременно уменьшаются объёмы реализации КРС на мясо. Важно также и то, что в 2011 году при уменьшении удельного веса стоимости мяса КРС в структуре выручки от реализации продукции скотоводства окупаемость затрат на этот вид продукции снижалась. При этом теснота зависимости между этими показателями была средней: коэффициент парной корреляции между ними равнялся $-0,46$.

Особенно чётко эта тенденция проявлялась в тех группах предприятий, где выручка от реализации молока превышала стоимость реализованного КРС на мясо в 15 раз и больше. В отдельных случаях окупаемость затрат на КРС, реализованный на мясо, равнялась $0,31—0,36$ при среднем значении показателя по совокупности $0,74$. Это, однако, не привело к убыточности скотоводства, но повлияло на снижение окупаемости затрат на продукцию отрасли.

Следует также отметить, что с увеличением продуктивности коров повышались и среднесуточные привесы скота на доращивании и откорме. Но зависимость между этими показателями не была высокой, коэффициент парной корреляции между

ними равнялся $0,46$. Таким образом, интенсивность производства говядины ниже интенсивности производства молока.

Заключение. Проведённое исследование свидетельствует о том, что на предприятиях Украины сформировалась чёткая тенденция к уменьшению удельного веса КРС, реализованного на мясо, в структуре товарной продукции скотоводства. В таких условиях негативное влияние убыточности производства мяса на формирование окупаемости затрат в целом по отрасли уменьшается, а определяющее значение имеет окупаемость затрат на производство молока. Такая стратегия позволяет снять остроту проблемы с позиции обеспечения прибыльности отрасли, но она не способствует решению проблемы обеспечения потребности населения в говядине и телятине. Данный вопрос должен решаться и частично уже решается путём введения дотационного механизма, значительного повышения интенсивности выращивания скота, а также существенного увеличения покупательной способности населения.

Список цитируемых источников

1. Збарський, В. К. Перспективи відродження молочного скотарства на Черкащині / В. К. Збарський // Економіка АПК. — 2012. — № 10. — С. 13—18.
2. Безсмертна, О. В. Вплив рівня концентрації та спеціалізації на ефективність виробництва молока в сільськогосподарських підприємствах / О. В. Безсмертна, Н. М. Тарасюк // Економіка АПК. — 2012. — № 4. — С. 23—36.
3. Грищенко, О. Ю. Методичні підходи до визначення регіональних нормативів виробництва продукції тваринництва / О. Ю. Грищенко // Економіка АПК. — 2012. — № 1. — С. 39—42.
4. Шпикуляк, О. Г. Формування конкурентоспроможного м'ясного скотарства / О. Г. Шпикуляк // Економіка АПК. — 2012. — № 1. — С. 190—192.
5. Микитюк, В. М. Ринковий фундаменталізм і державне регулювання в галузі скотарства / В. М. Микитюк, Е. І. Ходаківський, О. М. Яценко // Економіка АПК. — 2012. — № 10. — С. 57—62.

6. *Пуцентейло, П. Р.* Конкуреноспроможність м'ясного скотарства України : теорія і практика: моногр. / П. Р. Пуцентейло. — Тернопіль : Економічна думка, 2011. — 420 с.

7. *Микитюк, В. М.* Шляхи відродження галузі скотарства: основні детермінанти / В. М. Микитюк // Економіка АПК. — 2012. — № 11. — С. 29—35.

Матеріал поступил в редакцію 29.03.2013 г.

The questions concerning the influence of ratio between the sold milk and meat cattle in the commodity output structure of cattle-breeding at Ukrainian enterprises in 2011 on the cover of their expenditures have been considered. The factors having a direct influence on their formation have been elicited.

УДК 342.9

А. А. Вишневский

Федеральное государственное казённое образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», Москва, Российская Федерация

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Отсутствие общепринятых методологических подходов к определению понятия «экономическая безопасность» на практике приводит к затруднениям и противоречиям при формировании системы органов её обеспечения. В результате анализа точек зрения на понятие «экономическая безопасность» автор приходит к выводу о том, что оно должно включать в себя совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, её стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и усовершенствованию.

Введение. В СССР вся экономическая деятельность фактически являлась исключительно государственной. Управление экономикой осуществлялось командно-административными методами, без учёта многих экономических законов. В 1990-е годы принципы организации и функционирования экономической сферы жизни общества изменились, что повлекло корректировку и в объектах управленческого государственного воздействия, и в принципах управления экономикой. основополагающее значение для изменения содержания экономической функции государства имели переход к рыночной экономике, развитие процессов приватизации, появление свободных рынков товаров и услуг, признание экономической свободы, конституционное закрепление права на частную собственность. Государство также продолжает в широком объёме регулировать экономические отношения, но уже не только в государственном, но и в частном секторе. Все эти факторы должны учитываться в определении экономической безопасности и её обеспечения в современных классификационных моделях функций государства.

Основная часть. Общепринятого понятия экономической безопасности до настоящего времени не существует. Так, в последние десятилетия существования СССР, во время глобального военно-стратегического противостояния «двух систем» безопасность в прямом смысле понималась как обеспечение жизнеспособности экономики страны в условиях военных действий различных масштабов. Применительно к мирному периоду развития понимание экономической безопасности определялось как «обеспечение выживаемости страны в случае стихийных бедствий или экономических катастроф» или «как обеспечение живучести национальных экономик в условиях мировых экономических кризисов» [1, с. 72]. Более широкий смысл понятие экономической безопасности приобрело, получив такие признаки, как обеспечение конкурентоспособности национальной экономики или её ведущих отраслей на мировой арене.

В научном арсенале имеются попытки и более развёрнутого определения понятия экономической безопасности. Так, в рамках Содружества Независимых Государств (далее —

СНГ) оно звучит следующем образом: «безопасность экономическая — состояние защищённости экономической системы государства, обеспечивающее достаточный уровень социального, политического и оборонного существования, прогрессивного развития государства (объединения государств), неуязвимость его (их общих) экономических интересов по отношению к возможным внешним и внутренним угрозам» [2, с. 5]. Отдельные авторы определяют экономическую безопасность как «такое состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов, гармоничное, социально направленное развитие страны в целом, достаточный экономический и оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных вариантах развития внутренних и внешних процессов» [3, с. 29]. По мнению других исследователей, «экономическая безопасность — это не только защищённость национальных интересов, но и готовность и способность институтов власти создавать механизмы реализации и защиты национальных интересов развития отечественной экономики, поддержания социально-политической стабильности общества» [4, с. 12]. Белорусский исследователь В. В. Пузиков полагает, что «экономическая безопасность — это состояние системы экономических отношений между субъектами хозяйствования (производителями и потребителями), индивидами, государственными институтами как в рамках национальной экономики, так и в сфере внешнеэкономической деятельности, обеспечивающее возможность полной реализации и защищённость жизненно важных экономических интересов от внешних и внутренних угроз через достижение сбалансированности интересов каждого из участников отношений в оптимальном соотношении с интересами других субъектов хозяйствования» [5, с. 43]. Согласно Указу Президента Республики Беларусь «Об утверждении концепции национальной безопасности Республики Беларусь», экономическая

безопасность определяется как «состояние экономики, при котором гарантированно обеспечивается защищённость национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз» [5]. В научной литературе, особенно экономической, встречаются и другие, не совпадающие с вышеприведёнными и даже противоположные определения понятия «экономическая безопасность» [7], [8], [9].

Не вдаваясь в подробный анализ различных точек зрения на понятие «экономическая безопасность», следует отметить, что оно должно включать в себя совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, её стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и совершенствованию. Однако отсутствие общепринятых методологических подходов к определению понятия «экономическая безопасность» приводит к затруднениям и противоречиям при формировании системы органов, организаций и учреждений, обеспечивающих экономическую безопасность, и разграничении компетенции между ними. Полагаем, что экономическая безопасность и её обеспечение во многом будет зависеть от способности современного государства развязывать и как можно безболезненнее разрешать возникающие экономические узлы противоречий и конфликтов. Речь идёт, в частности, об обеспечении баланса интересов между работодателями и наёмными работниками, малым, средним и крупным бизнесом, промышленным и сельскохозяйственным производством и т. д.

Как в экономической сфере, так и в гражданском обществе государство должно разрешать две основополагающие задачи: во-первых, обеспечение баланса интересов субъектов экономической и социальной деятельности посредством бюджетной, налоговой, региональной политики; во-вторых, обеспечение общих условий эффективного функционирования и развития каждой из вышеперечисленных сфер и составляющих их элементов.

Главная задача государства состоит в обеспечении общих условий функционирования и развития основных сфер жизнедеятельности общества, в том числе в создании и поддержании инфраструктуры, на которой базируется вся деятельность экономической системы. К инфраструктурным составляющим следует отнести те сферы деятельности, которые непосредственно не осуществляют производство материальных благ, а если и осуществляют, то в ограниченном объеме, но без которых невозможно эффективное производство товаров и услуг. Инфраструктурный комплекс страны образуют, прежде всего, производственно-хозяйственная, социальная и институциональная инфраструктуры.

Как известно, в производственно-хозяйственную инфраструктуру входят предприятия транспорта и связи, энергетическое хозяйство, пути сообщения, фундаментальное естествознание. Исторически они должны быть под особым вниманием государства. Более того, во многих странах само государство является крупнейшим собственником и коллективным предпринимателем. Например, в Канаде исторически сложилась так, что большая часть земельных площадей и лесных массивов находится в собственности государства [8, с. 114—116].

Государство выступает в качестве одного из крупных работодателей. Так, не говоря о миллионах работников, занятых на государственных или в той или иной степени финансируемых государством предприятиях, в федеральном правительстве США трудятся около 2,9 млн человек. Общее число гражданских служащих и на уровне штатов, и на муниципальном составляет около 13,5 млн человек [8, с. 117].

В странах с рыночной экономикой и политической демократией государство никогда не снимает с себя ответственности за хотя бы частичное поддержание инфраструктуры, без которой невозможно функционирование экономики. Строительство и поддержание в надлежащем виде дорог, каналов, навига-

ционных объектов на морских и внутренних водных путях, организация почтовой связи, учреждение университетов и содействие их деятельности с давних лет и до настоящего времени осуществляется прежде всего государственными структурами. Вместе с тем разрабатываются и законодательные меры, направленные на создание условий, мотивирующих предпринимательскую деятельность.

Одно из центральных мест в деятельности современного государства занимает функция экономической стабилизации. Самая новая, в некоторых отношениях самая важная функция любого государства заключается в том, чтобы стабилизировать экономику, т. е. помогать экономике обеспечить полную занятость ресурсов и стабильный уровень цен. Этой функции придается большое значение в экономической литературе стран Запада, как её сторонниками, так и противниками. Так, в США закон о занятости 1946 года возложил на федеральное правительство правовую ответственность за обеспечение максимальной занятости, максимального уровня производства и максимальной покупательной способности (т. е. сохранение темпов инфляции на низком уровне) [8, с. 117].

Рыночная экономика никогда не существовала и не может существовать в чистом виде, вне общества и отдельно от государства. Этот тезис тем более верен применительно к переходной экономике, в которой находятся Россия, Беларусь и другие страны СНГ. Переход к рынку нельзя понимать как полное устранение государства из экономической жизни и установление стихийно функционирующей, саморегулирующейся системы связей между хозяйствующими субъектами. Рыночная экономика не может нормально функционировать без активных действий со стороны государства.

Российский опыт свидетельствует о несостоятельности взглядов тех экономистов, юристов и политиков, которые, приступая к реформированию экономики страны, исходили из того, что рынок сам по себе способен решать возникающие перед обществом

социально-экономические проблемы, что магистральный путь увеличения эффективности национальной экономики лежит в направлении неуклонного сокращения роли государства в регулировании экономики. При этом игнорировался опыт так называемых новых индустриальных стран Азиатско-Тихоокеанского региона, которые добились блестящих успехов в своем экономическом развитии именно благодаря активной роли государства.

Осмысление отечественного и зарубежного опыта решения проблемы экономической безопасности даёт основание утверждать, что для Республики Беларусь в настоящий период особо актуальным является решение следующих задач: экономическая независимость, стабильность и устойчивость национальной экономики, её способность к саморазвитию и прогрессу.

Что касается экономической независимости, следует подчеркнуть, что в условиях современного мирового хозяйства она не носит абсолютного характера. Международное разделение труда делает национальные экономики взаимозависимыми. В этих условиях экономическая независимость означает возможность контроля государства за национальными ресурсами, достижение такого уровня производства, эффективности и качества продукции, который обеспечивает её конкурентоспособность и позволяет на равных участвовать в мировой торговле, кооперационных связях, в обмене научно-техническими достижениями и др.

Стабильность и устойчивость национальной экономики предполагает защиту собственности во всех её формах, создание надёжных условий и гарантий для предпринимательской активности, сдерживания факторов, способных дестабилизировать ситуацию.

Способность к саморазвитию и прогрессу означает создание благоприятного климата для инвестиций и инноваций, постоянную модернизацию производства, повышение профессионального образовательного и общекультурного уровня работников и т. д.

Если же конкретизировать указанные три блока задач по обеспечению экономической безопасности, то их можно свести к следующему:

- обоснование оптимального количества государственных программ освоения новых видов конкурентоспособной продукции;
- приоритетность для Республики Беларусь выпуска тех видов продукции, по которым она занимает передовые научные позиции;
- организация совместных предприятий при участии стран СНГ, единого экономического пространства и стран дальнего зарубежья;
- возобновление рациональных хозяйственных и научно-производственных связей со странами СНГ, единого экономического пространства и Восточной Европы;
- создание новых форм эффективного взаимодействия науки и техники (технопарков и др.), а также свободных экономических зон, где легче формировать благоприятный инвестиционный климат для привлечения иностранного капитала, создания совместных предприятий и т. п.;
- создание комплекса условий для притока иностранных инвестиций;
- предоставление льгот и оказание помощи отечественным товаропроизводителям, которые занимаются экспортом продукции и вкладывают инвестиции в отрасли и производства конкурентоспособных товаров;
- повышение роли экономического и технологического прогнозирования, научной оценки технологических перспектив современного развития, предупреждение техногенных катастроф, а также обеспечение безопасности отдельных промышленных и строительных объектов;
- содействие постепенному переходу к замкнутым производственным циклам с минимальным использованием ресурсов и ограниченными отходами [1, с. 76].

В этой связи, на наш взгляд, такие направления деятельности государства, как обеспечение конкурентоспособности национальной экономики, создание механизмов её защиты от внешних и внутренних угроз, достижение сбалансированности интересов

каждого из участников экономических отношений в целом составляет его экономическую функцию, и выделять экономическую безопасность (её обеспечение) в качестве самостоятельной функции вряд ли целесообразно. Скорее, это узловые элементы экономической функции государства.

Вместе с тем следует иметь в виду то обстоятельство, что функции государства не являются чем-то раз и навсегда данным, неизменным. В зависимости от конкретных исторических условий возможно как существование традиционных функций государства, так и появление новых направлений его деятельности, которые в силу возрастания своей значимости становятся основными направлениями, т. е. новыми функциями государства. Некоторые исследователи эти узловые элементы называют «подфункциями государства».

В юридической литературе при интерпретации термина «эволюция функций государства» утверждается, что он «включает развитие и изменение функций как под воздействием содержательных и формальных характеристик государства, так и под воздействием развивающейся внешней среды» [10, с. 179]. Имеется в виду, что появление новых функций — вполне закономерный процесс. Другие исследователи полагают, что «появление тех или иных новых функций на различных этапах развития государственности конкретных обществ не имеет строго предопределённого, причинно-следственного характера, не жёстко детерминировано новой формой государства» [11, с. 153—154]. По нашему мнению, правильнее было бы говорить о неустановленности причин такой зависимости, на что особое внимание обращает исследователь Н. А. Карпович [12, с. 116]. Последнее тем более верно потому, что авторы, отрицающие причинно-следственный характер появления новых функций государства, в своих работах пишут, что «такая более или менее причинная зависимость характеризует те функции государства, которые представляют собой направления

деятельности государства в важнейших областях его существования: в экономической, политической, социальной и др.» [11, с. 153—154].

Несомненно, наряду с другими важнейшей областью деятельности государства является и обеспечение своей экономической безопасности. Если экономическая функция обоснованно признаётся важнейшей, определяющей, самостоятельной функцией государства, то в отношении обеспечения экономической безопасности более верным является определение «подфункция», «протофункция». В юридической литературе термин «протофункциональное состояние» означает «зарождающееся направление деятельности государства, для трансформации которого в функцию не хватает определённых условий» [13, с. 9].

Заключение. Как показывает мировой опыт, обеспечение экономической безопасности — это не только гарантия суверенитета государства, но и условие стабильности и эффективной жизнедеятельности общества, достижения успеха. Поэтому не случайно обеспечение экономической безопасности принадлежит к числу важнейших национальных приоритетов.

Исходя из изложенного, нам представляется возможным дать следующее определение экономической безопасности: экономическая безопасность — это состояние защищённости экономической системы государства (союза государств), обладающее внутренним механизмом поддержания устойчивого и сбалансированного развития экономики, воспроизводства её основных параметров, а также ориентированное не только на противостояние, но и на предупреждение возникновения как внутренних, так и внешних угроз.

Список цитируемых источников

1. Пурс, Г. А. Экономическая безопасность Республики Беларусь: проблемы, оценка и пути обеспечения / Г. А. Пурс // Национальная безопасность: управленческие и информационные технологии обеспечения :

материалы межведомств. науч.-практ. конф., Минск, 10—11 июня 1999 г. / Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь. — Минск : [б. и.], 2000.

2. Сборник основных понятий и терминов, используемых при взаимодействии в рамках Совета руководителей органов безопасности и специальных служб СНГ. — М. : [б. и.], 1999.

3. Основы экономической безопасности (государство, регион, предприятие, личность) / под ред. Е. А. Олейникова. — М. : [б. и.], 1997.

4. Экономическая безопасность: производство — финансы — банки / под ред. В. К. Сенчагова. — М. : Финстатинформ, 1998.

5. Пузиков, В. В. Экономическая безопасность и экономическая преступность / В. В. Пузиков, А. И. Громович. — Минск : [б. и.], 2001.

6. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 30 дек. 2011 г. № 621 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Компьютерная справочная правовая система] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой

информ. Респ. Беларусь. — Минск : [б. и.], 2013. — Загл. с экрана.

7. Мау, В. Экономическая реформа: сквозь призму конституции и политики / В. Мау. — М. : [б. и.], 1999.

8. Шамхалов, Ф. И. Государство и экономика (власть и бизнес) / Ф. И. Шамхалов. — М. : [б. и.], 1999.

9. Ясин, Е. Г. Функции государства в рыночной экономике / Е. Г. Ясин // Вопр. экономики. — 1997. — № 6.

10. Венгеров, А. Б. Теория государства и права : учеб. / А. Б. Венгеров. — 6-е изд. — М. : [б. и.], 2009.

11. Теория государства и права : учеб. / под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : [б. и.], 2011.

12. Карпович, Н. А. Экологическая функция государства : в 2 ч. / Н. А. Карпович. — Минск : [б. и.], 2011. — Ч. 1.

13. Меркулов, М. М. Проблемы экологической функции современного российского государства: теоретико-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / М. М. Меркулов. — Ставрополь : [б. и.], 2002.

Материал поступил в редакцию 22.05.2013 г.

The absence of the standard methodological approaches to concept definition “economic safety” leads in practice to difficulties and contradictions during the formation of the system of the bodies of its maintenance. As a result grounded on the analysis of the points of view on the given concepts “economic safety” the author comes to the conclusion that it should include a set of the conditions and factors providing independence of national economy, its stability and ability to a constant updating and improvement.

УДК 346(476)

В. С. Каменков¹, **О. М. Куницкая**²¹ Белорусский государственный университет, Минск² учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЁРСТВА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ (ОБЗОРНАЯ СТАТЬЯ)

Проводится комплексный анализ общих и существенных положений зарубежного законодательства, регламентирующего общественные отношения государственно-частного партнёрства (далее — ГЧП). Выявляются основные подходы к определению и пониманию правовой природы ГЧП в целях формирования эффективных правовых основ данного института, его системного и последовательного развития в Республике Беларусь.

Введение. Взаимодействие государства и предпринимателей частной формы собственности в рамках партнёрства эффективно используется в экономике и иных сферах в большинстве стран мира для решения важнейших задач.

В Республике Беларусь в настоящее время сложились хорошие предпосылки для реализации проектов ГЧП и развития соответствующей нормативно-правовой базы. На государственном уровне провозглашено о либерализации национальной экономики, формировании нового качества взаимодействия власти и бизнеса, расширении пространства функционирования частного капитала.

Однако для становления ГЧП в Республике Беларусь, его системного и последовательного развития требуется определение чётких правовых основ, что обуславливает необходимость исследования зарубежного опыта формирования законодательства о ГЧП, различных доктрин и концепций.

Методология и методы исследования. При написании настоящей работы в целях наиболее полного и объективного исследования рассматриваемого явления использовались следующие методы исследования: исторический, логический, сравнительно-правовой, метод комплексного исследования, системного анализа и др.

Организация исследования. Подходы к правовому регулированию ГЧП в разных странах мира отличаются между собой в зависимости от различных критериев: степени экономического развития государств, системы правоотношений, видения роли государства в экономике, заданий, стоящих на определённом этапе развития стран, отношения общества к частному сектору и многих других факторов [1, с. 36].

Законодательное регулирование ГЧП в различных странах мира воплощается в разнообразных формах. Условно данные страны можно подразделить на четыре группы.

Первую составляют страны, где приняты специальные законы о ГЧП (Германия, Польша, Румыния, Чехия, Венгрия, Греция, Бразилия, Южная Корея, Япония, Аргентина, Латвия, Молдова, Кыргызстан, Украина).

В странах второй группы действуют законодательные акты, закрепляющие основные принципы ГЧП, и готовятся подзаконные акты в этой сфере (Италия, Великобритания, Бельгия, США, Китай, Болгария, Хорватия, Словакия, Индия, Литва, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан).

Россию и ряд стран с федеративным делением, где приняты региональные законы, можно отнести к третьей группе.

В четвертую группу входят государства, в которых вопрос ГЧП законодательно

не урегулирован, — Австрия, Армения, Израиль, Швеция, Сирия, Эстония, Туркменистан и др. [2].

Поскольку термин “Public-private partnership” (PPP) возник в Великобритании и связан главным образом с «британской моделью» ГЧП, суть которой заключается в передаче частному сектору функции финансирования (строительства, реконструкции, эксплуатации, управления и т. п.) объектов социально-культурной и производственной инфраструктуры, находящихся в государственной собственности [3, с. 16—17], обратимся в первую очередь к опыту этой страны.

В Великобритании различные схемы ГЧП получили закрепление на институциональном уровне в 1992 году в связи с разработкой так называемой частной финансовой инициативы (Private Finance Initiative — PFI), которая заключается в том, что частный сектор строит объекты с использованием собственных ресурсов, затем эксплуатирует их в течение определённого времени, получая от этого доход. Компенсация расходов частного инвестора впоследствии осуществлялась либо за счёт доходов от эксплуатации, либо за счёт платежей из бюджета [4, с. 39].

На начальном этапе истории PFI в Великобритании было установлено, что PFI-проекты требуют договорной процедуры. Частные участники проекта действуют на основании партнёрских соглашений с правительственными органами [5].

В Великобритании специального закона о ГЧП нет. На данные правоотношения распространяются обычные принципы английского права [6, с. 180].

На отношения ГЧП распространяется законодательство о государственных закупках и связано с ним в том смысле, что поставщики в рамках ГЧП отбираются на основе регламентированных процедур [7, с. 83—85].

Франция также обладает давними традициями ГЧП, включающими деятельность сообществ смешанной экономики (Societe

d'Economie Mixte — SEM). Законодательные основы SEM восходят к 1966 и 1983 годам. Свою деятельность SEM осуществляет на основе заключаемого с местными властями соответствующего договора [4, с. 41].

В этой стране проекты ГЧП чётко разделены (и по законодательному обеспечению, и по институтам, координирующим реализацию таких проектов) на концессионные соглашения и так называемые партнёрские контракты [1, с. 32].

Закон Французской Республики от 28 июля 2008 года № 2008-735 «О контрактах государственно-частного партнёрства» [8] внёс изменения в многочисленные законы и подзаконные акты, инкорпорируя ГЧП во французскую правовую систему. Французское правительство при этом упростило и одновременно усилило положения контракта партнёрства, ставшего новым инструментом и формой государственного заказа и подряда, обеспечив дополнительные гарантии для оптимизации схем финансового структурирования и системы распределения рисков.

В Германии ГЧП стали уделять много внимания начиная со второй половины 80-х годов XX века [9]. Заинтересованные в проектах ГЧП увидели, что общих норм законодательства Германии недостаточно. В связи с этим 1 сентября 2005 года был принят закон «Об ускорении реализации государственно-частных партнёрств и об улучшении общих правовых условий для них» [10]. Данным законом внесены изменения в отдельные статьи налогового и бюджетного законодательства, а также в нормы, регулирующие размещение государственных заказов и финансирование строительства автомобильных магистралей за счёт средств частных инвесторов.

Для более широкого применения модели ГЧП в бюджетное законодательство Германии включено положение о том, что экономическая целесообразность должна теперь рассматриваться с учётом распределения рисков [11].

Федеральное законодательство США содержит общие подходы реализации ГЧП-проектов (базовые нормы). Для законодательства США федерального уровня характерно наличие нормативных правовых актов, которые содержат отдельные положения, касающиеся ГЧП в той или иной сфере экономики. Законодательство страны определяет, например, какие типы проектов могут быть реализованы по схеме ГЧП. Помимо этого, ряд вопросов, связанных с реализацией ГЧП-проектов, разрешается не на уровне законодательства, а в рамках контракта.

В Японии начало преобразований взаимоотношений между государством и бизнесом положено законом от 20 июля 1999 года № 117 «О содействии развитию общественных объектов за счёт использования частных финансовых средств».

В мае 2006 года парламент Японии принял закон о реформе общественных услуг, суть которого заключалась в подведении законодательной базы под систему соревновательных тендеров на оказание общественных услуг с участием как органов сферы общественного предпринимательства, так и частного бизнеса. Эта система получила название «рыночного тестирования» [12, с. 116].

Понятие ГЧП в Китае было введено Административным центром в Китае, занимающимся целями Программы развития ООН 21 века (Administrative Center for China's Agenda 21 — АССА21). Вместе с Программой развития Организации Объединённых Наций (ПРООН) официально схема ГЧП включена в текущую программу развития. Первый в Китае центр ГЧП был учреждён в Пекине в 2003 году [13].

Аналитиками отмечается, что, хотя ГЧП широко обсуждалось в Китае с 1999 года, воплощение этой модели остается ограниченным, а преимущества самой модели используются далеко не полностью [14].

Результаты исследования и их обсуждение. При анализе действующего законода-

тельства зарубежных стран обращает на себя внимание тот факт, что подход к определению юридической природы контракта ГЧП является различным.

В практике большинства государств контракты рассматриваются как административный договор, заключаемый между государством (органом местного самоуправления) и частной фирмой на осуществление определённых общественно необходимых и полезных видов деятельности. В административных контрактных отношениях право собственности не передаётся частному партнёру, расходы и риски полностью несёт государство [15], [16, с. 69—70].

Среди российских исследователей также есть сторонники использования административного договора как института регулирования ГЧП [17, с. 75], причём некоторые авторы относят ГЧП к гражданским договорам [18, с. 31—43]. В зарубежной же практике типового контракта по ГЧП не существует, скорее можно говорить о позициях, которые должны быть закреплены в контракте [19, с. 9].

Заключение. Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что в различных государствах складывались и продолжают складываться свои специфические правовые традиции построения сотрудничества государственного и частного партнёров, которое направлено на решение задач социально-экономической политики. Конкретные правовые средства, позволяющие наиболее эффективно использовать ГЧП, могут варьироваться в зависимости от особенностей национального правопорядка и иных особенностей.

Реализация соглашений ГЧП в Республике Беларусь, на наш взгляд, возможна на основе норм гражданского и хозяйственного законодательства, но с учётом определённых особенностей. При участии в ГЧП бюджетных средств возникает необходимость заключения соглашения исключительно

с применением процедуры конкурса, т. е. практически по аналогии с государственными закупками, концессиями.

Договоры по использованию государственных (муниципальных) объектов, составляющих так называемые публично-правовые имущества государства, и других публично-правовых образований, являются в зарубежных странах не гражданскими, а публичными (в Германии) или административными (во Франции).

В Республике Беларусь в определение содержания понятия «государственно-частное партнёрство» вполне могут быть заложены элементы гражданско-правовых договоров с участием государства, а также иных форм взаимодействия государственного и частного партнёров.

Очевидно, что в силу своей комплексности общие вопросы ГЧП будут регулироваться гражданским законодательством, законами в сфере инвестиционной деятельности, нормами бюджетного, налогового и иных отраслей права, законодательством о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд, о приватизации, о защите конкуренции и т. д.

Что касается принятия новых норм о ГЧП, то, на наш взгляд, в первую очередь требуется законодательное закрепление самой возможности реализации ГЧП-проектов, а также выработка общих принципов ГЧП.

Список цитируемых источников

1. *Запатрина, И. В.* Потенциал публично-частного партнёрства для развивающихся экономик / И. В. Запатрина. — Киев : Изд. центр Союза собственников жилья Украины, 2011. — 152 с.
2. *Койка, А.* Национальные законодательства участников Содружества в сфере ГЧП нуждаются в совершенствовании и гармонизации [Электронный ресурс] / А. Койка // Российская газета. — № 5539 (163). — Режим доступа: <http://www.rg.ru> — Дата доступа: 19.03.2012. — Загл. с экрана.
3. *Амуни, Д. М.* Концессионная модель совместного участия государства и частного сектора в реализации финансовоёмких проектов / Д. М. Амуни // Справочник руководителя учреждения культуры. — 2005. — № 12. — С. 16—24.
4. Зарубежный опыт реализации государственно-частного партнёрства: общая характеристика и организационно-институциональные основы / А. В. Гладов [и др.] // Вестн. СамГУ. — 2008. — № 7 (66). — С. 36—55.
5. Мировая практика институционального обеспечения ГЧП [Электронный ресурс] / Юридические консультанты по праву стран АТЭС. — Режим доступа: http://www.ucates.ru/analytics_09. — Дата доступа: 21.03.2012. — Загл. с экрана.
6. *Зусман, Е. В.* Контракты жизненного цикла: законодательство зарубежных стран. Предложения для России / Е. В. Зусман // Государственно-частное партнёрство: практика, проблемы, перспективы : сб. ст. и нормативных док. / под общ. ред. Х. М. Салихова, А. А. Зверева. — М. : Центр развития инфраструктурных проектов, 2011. — 387 с.
7. *Смотрицкая, И.* Государственные закупки в системе взаимоотношений государства и рынка / И. Смотрицкая, С. Черных // Общество и экономика. — 2010. — № 1. — С. 78—87.
8. Ordonnance n° 2004-559 du 17 juin 2004 sur les contrats de partenariat, TITRE Ier : Contrats de partenariat de l'état et de ses établissements public [Electronic recourse]. — Mode of access: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.doecidTexte=JORFTEXT00000438720&fastPos=2&fastReqId=148837378&categorieLien=id&oldAction=rechTexte>. — Date of access: 12.02.2012. — Screen heading.
9. *Колесникова, К. И.* Частно-государственное партнёрство: опыт зарубежных стран и перспективы для России [Электронный ресурс] / К. И. Колесникова // Научный вестн. Уральской акад. гос. службы. — 2008. — № 3(4). — Режим доступа: <http://vestnik.uapa.ru/ru-ru/issue/2008/03/16>. — Дата доступа: 27.01.2012. — Загл. с экрана.
10. Gesetz zur Beschleunigung der Umsetzung von öffentlich Privaten Partnerschaften und zur Verbesserung gesetzlicher Rahmenbedingungen der öffentlich Privaten Partnerschaften (OPP-Beschleunigungsgesetz) [Electronic recourse]. — Mode of access: http://www.rechtliches.de/info_Gesetz_zur_Beschleunigung_der_Umsetzung_von_Oeffentlich_Privaten_Partnerschaften_und_zur_Verbesserung_gesetzlicher_Rahmenbedingungen_fur_Oeffentlich_Private_Partnerschaften.html. — Date of access: 02.02.2012. — Screen heading.
11. *Кнюпфер, В.* Государственно-частные партнёрства (ГЧП) в контексте использования современных форм управления комплексами недвижимости [Электронный ресурс] / В. Кнюпфер // Законодательство и практика эффективного управления имуществом комплексами Российской Федерации, в том числе с использованием формы государственно-частного партнёрства (ГЧП) : материалы немецко-российского

«круглого стола», 16 окт. 2007 г., Москва. — Режим доступа: http://www.komitet2-5.km.duma.gov.ru/site_xp/051054048.html. — Дата доступа: 27.01.2012. — Загл. с экрана.

12. *Иванова, А.* Государственно-частное партнёрство: японский вариант инициативы частного финансирования / А. Иванова // Менеджмент в России и за рубежом. — 2009. — № 6. — С. 114—121.

13. *Кирсанова, И. А.* Модели государственно-частного партнёрства (ГЧП) в Китае. Возможности их применения в белорусской экономике [Электронный ресурс] / Д. В. Товстолес, И. А. Кирсанова // Китай в современном мире : сб. науч. тр. Междунар. конф. — 2010. — Вып. 7. — № 1. — Режим доступа: <http://www.bsui.by/main.aspx?guid=150683>. — Дата доступа: 02.04.2012. — Загл. с экрана.

14. Информационно-аналитическая справка об опыте ГЧП в Китайской Народной Республике [Электронный ресурс] / Центр ГЧП-Внешэкономбанк. Управление по планированию программ ГЧП и взаимодействию с МФО. — Режим доступа: http://www.pppirussia.ru/main/publications/foreign/inostrannie_modeli_gchp/country/kitai. — Дата доступа: 02.04.2012. — Загл. с экрана.

15. *Айрапетян, М. С.* Зарубежный опыт использования государственно-частного партнёрства [Электронный ресурс] / М. С. Айрапетян // Аналитическая записка. — М. : [б. и.], 2008. — Режим доступа: <http://ppp-russia.ru/analytics/40-ajrapetyan-ms-zarubezhnyj-opyt-ispolzovaniya.html>. — Дата доступа: 04.03.2012. — Загл. с экрана.

16. *Дерябина, М.* Государственно-частное партнёрство: теория и практика / М. Дерябина // Вопр. экон. — 2008. — № 8. — С. 64—78.

17. *Широков, А. В.* Административный договор как форма регулирования государственно-частных партнёрств / А. В. Широков // Законодательство. — 2008. — № 10. — С. 71—76.

18. *Лисица, В. Н.* Государственно-частное партнёрство в российском праве / В. Н. Лисица // Административное право. — 2010. — № 3. — С. 31—43.

19. *Белицкая, А. В.* Правовые формы государственно-частного партнёрства в России и зарубежных странах / А. В. Белицкая // Предпринимательское право. — 2009. — № 2. — С. 6—11.

Материал поступил в редакцию 27.11.2012 г.

The main approaches to definition and understanding of the legal nature of the public-private partnership, being that implementation of agreements of public-private partnership in Republic of Belarus is possible on the basis of standards of the civil and economic legislation, but taking into account certain features come to light.

УДК 347.93 (476)

Т. С. Таранова

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НОТАРИУСОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ТРЕБУЮЩИХСЯ ДЛЯ ВЕДЕНИЯ ДЕЛ В ОРГАНАХ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ

Рассматриваются актуальные вопросы обеспечения нотариусом доказательств, требующихся для ведения дел в органах иностранных государств. Особое внимание уделяется возможности применения нотариусом норм гражданского процессуального и хозяйственного процессуального законодательства при принятии мер по обеспечению доказательств во внесудебном порядке.

Введение. Вопрос об обеспечении доказательств, требующихся для ведения дел в органах иностранных государств, остаётся неисследованным в теории и недостаточно чётко урегулирован в белорусском законодательстве. Институт обеспечения доказательств является процессуальным институтом, поскольку проведение процессуальных действий по обеспечению доказательств осуществляется в процессе судебного доказывания. Вместе с тем обеспечение доказательств может проводиться не только в целях предоставления их суду для исследования и оценки. В соответствии со статьёй 105 Закона Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности» [1] (далее — Закон о нотариате) нотариусы обеспечивают доказательства, необходимые для ведения дел в органах иностранных государств. При этом действия по обеспечению доказательств нотариусы, согласно указанной норме, должны совершать по правилам Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — ГПК), Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — ХПК) и иных актов законодательства Республики Беларусь.

Основная часть. Обращаясь к процессуальному законодательству (гражданскому и хозяйственному), нужно отметить, что в нём не содержатся специальные положения

по вопросу обеспечения доказательств нотариусом. Обеспечение доказательств, требующихся для ведения дел в органах иностранных государств, согласно статье 234 ГПК, должно производиться нотариусами в порядке, предусмотренном актами законодательства [2]. Как видно, норма указанной статьи содержит правило отсылочного характера. В ХПК не содержится таких и иных норм об обеспечении доказательств, требующихся для ведения дел в органах иностранных государств [3]. Таким образом, положения Закона о нотариате относительно действий нотариуса по обеспечению доказательств носят отсылочный характер, отправляя правоприменителя к другим нормативным правовым актам, в том числе нормам гражданского процессуального и хозяйственного процессуального законодательства, в котором не содержатся нужные положения.

В рамках судебного доказывания обеспечение доказательств осуществляется судом. В ГПК не приводится перечень мер по обеспечению доказательств, лишь в статье 236 указывается, что протоколы допроса свидетелей, осмотра письменных и вещественных доказательств, а также другие собранные в порядке обеспечения материалы должны передаваться в суд. В принципе, к таким материалам можно отнести и протоколы освидетельствования, очной ставки, опознания, судебного эксперимента. Согласно статье 109

ХПК в целях обеспечения доказательств хозяйственный суд может совершать процессуальные действия: наложение ареста, истребование доказательств от других лиц и организаций, осмотр вещественных доказательств. Однако нотариус не производит такие процессуальные действия, как арест, освидетельствование, опознание, судебный эксперимент, которые относятся к компетенции суда. В данном случае отсылка к процессуальному законодательству оказывается бесполезной.

В контексте вышесказанного нельзя обойти вниманием и то обстоятельство, что обеспечение судом доказательств хозяйственное процессуальное законодательство связывает с условием о том, что дело хозяйственным судом уже принято к производству. Справедливость такой конструкции вызывает вопросы уже в рамках хозяйственного судопроизводства, поскольку непринятие своевременных мер по обеспечению доказательств может повлиять на их сохранность, а также на процессуальные права заинтересованных лиц на предоставление доказательств. В связи с этим следует уточнить, что в гражданском судопроизводстве применяется иной подход, позволяющий суду обеспечивать доказательства по заявлению заинтересованного лица и до возбуждения дела. В силу статьи 234 ГПК лица, имеющие основания опасаться, что предоставление необходимых для них доказательств станет впоследствии невозможным или затруднительным, могут ходатайствовать перед судом об обеспечении этих доказательств как до, так и после возбуждения дела в суде.

К этому можно добавить неприемлемость подхода, аналогичного используемому в хозяйственном судопроизводстве при обеспечении доказательств нотариусом, поскольку тогда теряется весь смысл права на обеспечение доказательств во внесудебном порядке, а также не учитывается, что в статье 105 Закона о нотариате, статье 234 ГПК предоставляется право нотариусу на обеспечение доказательств, требующихся для веде-

ния дел в органах иностранных государств, т. е. не только в суде. Как представляется, нотариус может обеспечивать доказательства по заявлению обратившегося к нему лица независимо от того, ведётся ли уже дело в органах иностранных государств или заинтересованное лицо только собирается обращаться в определённые органы иностранных государств.

Следующий момент, на который стоит обратить внимание, — это то, что ГПК, ХПК и Закон о нотариате не оговаривают возможности обеспечения доказательств для международных судов, в том числе арбитражных (третейских), что сужает предмет обеспечения доказательств нотариусом и возможности по сохранению доказательств в необходимых случаях.

В юридической литературе отмечается, что в целях обеспечения доказательств нотариус, консульское должностное лицо могут совершать допрос свидетелей, истребование доказательств от других лиц и организаций, осмотр письменных и вещественных доказательств, назначение экспертизы [4, с. 169]. Однако в законодательстве данный вопрос остаётся недостаточно урегулированным. Относительно действий нотариуса по допросу свидетелей возникает ряд вопросов. Можно указать на особенности правового положения свидетеля и его показаний в нотариальной деятельности, не характерные для гражданского и хозяйственного судопроизводства. Согласно статье 91 ГПК, статье 72 ХПК, свидетель — это лицо, которому известны какие-либо сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела. Свидетель обязан дать правдивые показания суду об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания по делу. Исходя из содержания Закона о нотариате, инструкции о порядке совершения нотариальных действий [5], других документов, под свидетелями подразумеваются лица, которые присутствовали при совершении нотариального действия удостоверительного характера, в частности, при удостоверении завещания и вскрытии

конверта с завещанием, производстве описи имущества. Таким образом, в случае обеспечения доказательств следует иметь в виду другой смысловой оттенок значения свидетеля и его показаний — известность свидетелю обстоятельств дела, не связанных с совершением данного нотариального действия. Причём при обеспечении доказательства нотариусом значимость информации для дела и её достоверность только предполагаются. Окончательную оценку доказательства на предмет его относимости, допустимости, достоверности делает орган, рассматривающий и разрешающий конкретное дело.

Не менее важным является вопрос о применении правил гражданского процессуального и хозяйственного процессуального законодательства при допросе свидетеля нотариусом в порядке обеспечения доказательств. Применение норм гражданского процессуального и хозяйственного процессуального законодательства подразумевает, что между нотариусом и свидетелем возникают гражданские процессуальные (хозяйственные процессуальные) правоотношения, что не соответствует процессуальной доктрине с устоявшейся позицией о том, что обязательным участником процессуальных правоотношений является суд. При допросе свидетеля нотариусом складывается иной вид правоотношений — правоотношения, связанные с осуществлением нотариальных действий, в связи с чем возникают сомнения о возможности применения процессуальных норм. Поэтому следует этим уточнить, что в белорусском процессуальном законодательстве не предусматривается возможности применения норм процессуального права по аналогии.

Отсылочная форма изложения порядка обеспечения доказательств, необходимых для ведения дел в органах иностранных государств, не учитывает специфику процессуальной формы, обязывающую суд действовать строго определённым образом. В частности, не определяется, должен ли свидетель быть предупреждён нотариусом об уголовной ответственности за заведомо ложное

показание, отказ либо уклонение от дачи показаний. С одной стороны, исходя из содержания статьи 105 Закона о нотариате, обязывающей нотариуса совершать действия по обеспечению доказательств по правилам ГПК и ХПК, такие предупреждения должны производиться, поскольку, согласно статье 97 ХПК, перед допросом свидетеля хозяйственный суд должен предупреждать свидетеля об уголовной ответственности за отказ либо уклонение от дачи показаний, а также за дачу заведомо ложных показаний. Аналогичное положение содержится в статье 187 ГПК. С другой — Уголовный кодекс Республики Беларусь [6] (далее — УК) предусматривает в статьях 401, 402 уголовную ответственность свидетеля за заведомо ложное показание в суде при рассмотрении гражданских дел, а также за отказ либо уклонение свидетеля от дачи показаний в судебном заседании при рассмотрении гражданских дел. Данные преступления относятся к преступлениям против правосудия и навряд ли такой же состав преступления можно усматривать в ситуации, когда сведения свидетелем сообщаются не судье, а другому лицу — нотариусу. Кроме того, из буквального содержания приведённых статей УК следует, что уголовная ответственность свидетелей за заведомо ложные показания либо за уклонение от дачи показаний наступает при рассмотрении в судах гражданских дел, а не дел в хозяйственных судах.

В этой связи обращает на себя внимание несогласованность предписаний о предупреждении об уголовной ответственности свидетеля в самом ХПК с положениями УК, содержащими характеристики признаков составов преступлений без указания на дела, рассматриваемые в хозяйственных судах. Как уже отмечалось, применение процессуальных правил по аналогии процессуальным законодательством не предусматривается. Применение уголовного закона по аналогии, в соответствии со статьёй 3 УК, не допускается. С учётом всего вышеизложенного следует отметить, что отсутствуют необходимые

условия для предупреждения об уголовной ответственности свидетеля, показания которого могли бы быть получены нотариусом в целях обеспечения доказательств, требующихся для ведения дел в органах иностранных государств.

Следует также указать, что российский законодатель предоставляет нотариусу право на обеспечение доказательств, во-первых, необходимых в случае возникновения дела в суде или административном органе, если имеются основания полагать, что представление доказательств впоследствии станет невозможным или затруднительным; во-вторых, доказательств, требующихся для ведения дел в органах других государств. В статье 103 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате [7] указано, что нотариус в порядке обеспечения доказательств вправе допрашивать свидетелей и должен предупреждать свидетелей об ответственности за дачу заведомо ложного показания или заключения и за отказ или уклонение от дачи показания или заключения.

В результате совершения действий по обеспечению доказательств нотариусом составляется протокол, который может являться письменным доказательством по делу, в том числе и в белорусском суде. Так, по иску Компании «Гугл Инк.» к ООО «ИдБ» и гражданину Т. о прекращении нарушения прав на товарные знаки и фирменное наименование Судебной коллегией по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь от 15 декабря 2008 года в качестве доказательств, положенных в основу решения по делу, использовался протокол обеспечения доказательств, составленный нотариусом Москвы 17 сентября 2007 года [8, с. 33—39].

Лицо, имеющее статус свидетеля, в рамках хозяйственного процессуального законодательства приносит присягу на основании статьи 69 ХПК. Присяга свидетелей является особенностью хозяйственного производства и не применяется в других видах судопроизводства, а также в деятельности

нотариуса. Вместе с тем введение присяги свидетелей при обеспечении доказательств, предназначенных для использования в органах иностранных государств, могло бы сыграть важную роль в пользу получения правдивых доказательств. Причём в некоторых странах присяга применяется. В гражданском процессуальном праве США при раскрытии доказательств по делу устные показания могут даваться под присягой (*depositions*). Опрос лица осуществляется адвокатом. Свидетель в присутствии нотариуса даёт клятву сообщить правдивые сведения. Показания свидетеля фиксируются в протоколе, который подписывается свидетелем. Хотя показания, полученные таким образом, не могут использоваться в качестве доказательств при рассмотрении дела, они позволяют контролировать показания свидетеля в судебном заседании, сравнивая их с показаниями, полученными на стадии раскрытия доказательств [9].

К компетенции нотариуса при обеспечении доказательств также относится назначение экспертизы, если доказательство вызывает сомнение у нотариуса. Следует уточнить, что ХПК при обеспечении доказательств не предусматривает такую меру, как назначение экспертизы, устанавливая в статье 109 ХПК, что в целях обеспечения доказательств хозяйственный суд совершает процессуальные действия, предусмотренные кодексом, которые направлены на закрепление и сохранение этих доказательств (наложение ареста, истребование доказательств от других лиц и организаций, осмотр вещественных доказательств).

В то же время назначение экспертизы не противоречит статье 216 ГПК, предусматривающей возможность назначения экспертизы в порядке обеспечения доказательств, и согласуется с пунктом 3 постановления Министерства юстиции Республики Беларусь от 31 июля 2003 года № 20 «Об утверждении Инструкции о порядке производства судебных экспертиз и специальных исследований в Научно-исследовательском учреждении

“Научно-исследовательский институт проблем криминологии, криминалистики и судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Беларусь”» [10], согласно которому основанием для производства экспертизы может являться постановление нотариуса.

Заключение. С учётом вышеизложенного можно отметить, что в настоящее время разработан проект Закона Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам нотариальной деятельности» [11], предусматривающий дополнение ХПК новой главой, посвящённой обеспечению доказательств. Это позволит в определённой степени устранить имеющиеся недостатки в процессуальном законодательстве, регламентирующем обеспечение нотариусом доказательств, требующихся для ведения дел в органах иностранных государств.

Список цитируемых источников

1. О нотариате и нотариальной деятельности : Закон Республики Беларусь, 18 июля 2004 г., № 305-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2004. — № 120. — 2/1055.
2. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 июля 2011 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Компьютерная справочная правовая система] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2012. — Загл. с экрана.
3. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 26 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 3 июля 2011 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология

3000 [Компьютерная справочная правовая система] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013. — Загл. с экрана.

4. Кирвель, И. Ю. Нотариат в Республике Беларусь : пособие / И. Ю. Кирвель. — 2-е изд. — Гродно : ГрГУ, 2009. — 230 с.
5. Об утверждении Инструкции о порядке совершения нотариальных действий : постановление М-ва юстиции Респ. Беларусь, 23 окт. 2006 г., № 63 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2006. — № 188. — 8/15268.
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 27 дек. 2010 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Компьютерная справочная правовая система] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013. — Загл. с экрана.
7. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1993. — № 10. — Ст. 357.
8. Решение Судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь от 15 дек. 2008 г. // Судовы весн. — 2009. — № 1. — С. 33—39.
9. Арбитражный процесс : учеб. [Электронный ресурс] / Т. К. Андреева [и др.] ; под ред. М. К. Треушников. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Городец, 2007. — 672 с. // Справ.-правовая система КонсультантПлюс : Россия. ВерсияПроф. — М. : [б. и.], 2012.
10. Об утверждении Инструкции о порядке производства судебных экспертиз и специальных исследований в Научно-исследовательском учреждении «Научно-исследовательский институт проблем криминологии, криминалистики и судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Беларусь» : постановление М-ва юстиции Республики Беларусь, 31 июля 2003 г., № 20 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2003. — № 91. — 8/9858.
11. О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам нотариальной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3941&p0=2013043001>. — Дата доступа: 22.08.2013. — Загл. с экрана.

Материал поступил в редакцию 27.09.2013 г.

The actual issues of maintenance by notary of evidence, which are required for cases in bodies the foreign states are considered. The special attention is given to possibility of application by notary of norms of civil procedural and economic procedural legislation at acceptance of measures on maintenance of proofs in non-judicial procedure.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авраменко Алексей Иванович — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической безопасности учреждения образования «Академия МВД Республики Беларусь», Минск (E-mail: avrai@tut.by).

Безручко Ольга Александровна — аспирант кафедры экономики Кременчугского национального университета имени М. В. Остроградского, Кременчуг, Украина (E-mail: olga-bezruchko@mail.ru).

Бертош Елена Васильевна — преподаватель кафедры экономической теории учреждения образования «Барановичский государственный университет», Барановичи (E-mail: www.ber13@ya.ru).

Вишневский Александр Алексеевич — кандидат юридических наук, доцент, докторант Федерального государственного казённого образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», Москва, Российская Федерация.

Гришко Наталья Евгеньевна — старший преподаватель кафедры экономики Кременчугского национального университета имени М. В. Остроградского, Кременчуг, Украина (E-mail: 2nata_grishko@mail.ru).

Демидович Анатолий Викторович — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Барановичский государственный университет», Барановичи.

Житкевич Галина Яковлевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учёта, анализа, аудита и статистики учреждения образования «Барановичский государственный университет», Барановичи.

Каменков Виктор Сергеевич — заведующий кафедрой финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск.

Кисель Елена Ивановна — кандидат технических наук, заведующий кафедрой экономики и организации строительства учреждения образования «Брестский государственный технический университет», Брест (E-mail: eleniva2006@mail.ru).

Климук Владимир Владимирович — аспирант Балтийского федерального университета имени И. Канта, Калининград, Российская Федерация (E-mail: klim-w11@rambler.ru).

Королёва Галина Ивановна — кандидат исторических наук, докторант кафедры всемирной истории и международного права Восточноукраинского национального университета имени В. Даля, Луганск, Украина (E-mail: koroleva.1302@mail.ru).

Кривуля Ольга Александровна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории и международного права Восточноукраинского национального университета имени В. Даля, Луганск, Украина (E-mail: krivulya1003@ukr.net).

Кривуть Виталий Иванович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Барановичский государственный университет», Барановичи (E-mail: krivut@mail.ru).

Кручковский Тадеуш Тадеушевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Я. Купалы», Гродно (E-mail: tkruczkowski@yahoo.com).

Куницкая Ольга Михайловна — старший преподаватель кафедры теории государства и права учреждения образования «Барановичский государственный университет», Барановичи (E-mail: volhakun@mail.ru).

Маслак Ольга Ивановна — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики Кременчугского национального университета имени М. В. Остроградского, Кременчуг, Украина (E-mail: 2nata_grishko@mail.ru).

Михайлюк Владислав Витальевич — ассистент кафедры истории Украины Восточно-украинского национального университета имени В. Даля, Луганск, Украина (E-mail: vladisla87@ukr.net).

Таранова Татьяна Сергеевна — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин факультета права учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск (E-mail: tatiana.taranova@rambler.ru).

Шиян Наталия Ивановна — кандидат экономических наук, доцент Харьковского национального аграрного университета имени В. В. Докучаева, Харьков, Украина (E-mail: natashashijan@rambler.ru).

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Основные требования к рукописям: научная новизна, актуальность и информационная ценность материала, краткость и ясность его изложения.

Редакционная коллегия журнала осуществляет дополнительное рецензирование статей и, при необходимости, независимую (закрытую) экспертизу.

Редакция оставляет за собой право отклонить статью, если её содержание не соответствует требованиям, а также не вести дискуссию по мотивам отклонения. Рукописи, оформление которых не соответствует требованиям, редакцией не рассматриваются.

Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что материал принят к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта рукописи.

Статьи аспирантов, докторантов и соискателей последнего года обучения публикуются вне очереди при условии их полного соответствия требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Публикация статей в журнале бесплатная.

Авторы несут ответственность за направление в редакцию ранее уже опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями.

К статье должны быть приложены:

- рецензия кандидата или доктора наук, специалиста в соответствующей области;
- рекомендация коллегиального органа соответствующего учреждения/организации, где выполнена работа;
- экспертное заключение от кафедры/учреждения, на которой/в котором выполнялась работа, подтверждающее возможность открытой публикации материала;
- заявка (фамилия, имя, отчество автора, занимаемая должность, учёная степень и звание, полное наименование учреждения (организации), название серии и направления, телефоны и адрес, в том числе E-mail. Если статья написана коллективом авторов, сведения подаются по каждому из них отдельно, при этом фамилия основного автора выделяется полужирным начертанием).

Статьи направлять на адрес редакции. Регистрация осуществляется после поступления её в редакцию на бумажном носителе.

АВТОРУ НАУЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ НЕОБХОДИМО ПОМНИТЬ:

1. Комплект документов и статья в распечатанном виде в одном экземпляре на бумаге формата А4 и в электронном варианте отдельным файлом на CD-диске присылается по почте письмом или лично автором ведущему редактору (Хохол Елене Герасимовне) по адресу: 225404, Брестская обл., г. Барановичи, ул. Войкова, 21.

Содержание электронного и бумажного варианта должно совпадать.

2. Технические показатели оформления статьи:

– объём статьи — 14 000—17 000 печатных знаков (не менее 0,35 учётно-издательского листа), считая пробелы, знаки препинания, цифры и т. п.;

– абзацный отступ — 10 мм; отступ для левого поля — 30 мм, верхнего, правого и нижнего — 20 мм; страницы не нумеруются, их номера проставляются карандашом на лицевой стороне листа внизу. Ориентация страниц — книжная; использование автоматических концевых и обычных сносок в статье не допускается; использование переносов не допускается; весь текст набирается шрифтом «Times New Roman»; шрифт основного текста 12 п., вспомогательного (аннотация, резюме, УДК, сведения об авторе, подписи рисунков, заглавия таблиц и их содержание, списков цитируемых источников) — 10 п.; межстрочный интервал полуторный.

3. Содержание и оформление обязательных элементов статьи:

– индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК);

– сведения об авторах;

– заглавие публикуемого материала;

– аннотация (оформляется по ГОСТ 7.9.-95 Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Реферат и аннотация. Общие требования (средний объём — 500 печатных знаков));

– основной текст (выравнивание по ширине с выделением автором необходимых частей текста программными шрифтами («Полужирный», «Курсив»));

– резюме;

– таблицы (заголовок таблицы располагается по левому краю. Размер таблицы по ширине в масштабе журнальной полосы (не более 130 мм). Сквозная нумерация арабскими цифрами; если в статье одна таблица, она должна быть обозначена «Таблица 1». После номера перед заглавием таблицы необходимо поставить длинное тире. На все таблицы должны быть ссылки в тексте, при ссылке следует писать слово «таблица» с указанием номера);

– формулы (все формулы, а также все символы греческого алфавита и иные, используемые в формулах, в тексте должны быть набраны с помощью формульного редактора Word или MathType. Размеры формул по ширине не должны превышать 130 мм. При

переносе части формулы на следующую строку в её начале повторяется знак математического действия, которым заканчивалась предыдущая строка. Занумерованные формулы выключаются в отдельную строку, номер формулы ставится у правого края. Нумеровать необходимо лишь те формулы, на которые имеются ссылки);

– рисунки (рисунки и графики предоставляются на отдельных листах, на обороте которых карандашом указан номер рисунка и имя файла электронной версии рисунка (формат jpg, выполнены в масштабе журнальной полосы (не более 130 мм), чёрно-белые); подписи к рисункам предоставляются на этих же отдельных листах. Рисунки, графики и диаграммы, подготовленные в MS Excel, не должны содержать цветных заливок и абрисов, заливок в градациях серого. Сквозная нумерация арабскими цифрами, после номера ставится длинное тире и указывается подпись. Если рисунок один, то он обозначается «Рисунок 1». На каждый рисунок необходимо давать ссылку полным словом с указанием номера);

– пристатейные библиографические списки (сведения об источниках следует располагать в порядке появления ссылок в статье и нумеровать арабскими циф-

рами с точкой с абзацного отступа ([1, с. 30], [2]), озаглавливать «Список цитируемых источников» и оформлять в полном соответствии с требованиями ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления).

4. Не допускается представление одного и того же результата в виде иллюстрации (графики, диаграммы и др.) и таблицы.

5. При наборе основного текста не допускается установление двух и более символов «пробел» подряд, абзацных и других отступов с помощью клавиши «Табуляция» или пробелов.

6. При наборе основного текста в обязательном порядке установить: 1) неразрывный пробел между фамилией и инициалами (В. А. Иванов), а также между общепринятыми сокращёнными словами типа и др.; 2) знаки дефис («-»), минус («-») и тире («—»).

7. Дополнительно, в соответствии с требованиями редакции, включить перечень принятых обозначений и сокращений, использованных в статье.

8. В конце статьи автору (авторам) необходимо поставить дату, подпись (подписи) и указать, что ранее статья опубликована не была.

Образец оформления статьи

УДК

В. Н. Иванов

Учреждение образования

«Барановичский государственный университет»,

г. Барановичи, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ

Текст аннотации на русском языке.

Введение. Текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст.

Методология и методы исследования. Текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст.

Организация исследования. Текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст.

Результаты исследования и их обсуждение. Текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст.

Заключение. Текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст.

Список цитируемых источников

1. Кальней, В. А. Основы методики трудового профессионального обучения / В. А. Кальней, В. С. Капранова, В. А. Палынов ; под ред. В. А. Полякова. — М. : Просвещение, 1987. — 191 с.

Текст резюме на английском языке.

Перечень принятых обозначений и сокращений

Образец заявки

Фамилия _____

Имя _____

Отчество _____

Занимаемая должность _____

Ученая степень _____

Ученое звание _____

Полное наименование учреждения (организации) _____

Название серии _____

Название направления _____

Номер контактного телефона _____

Адрес _____

E-mail _____

RULES FOR AUTHORS

Basic requirements for manuscripts: research novelty, topicality and information value of the material, brevity and clarity of its presentation.

The Editorial Board provides an additional review of papers and, if necessary, an independent (closed) expert examination.

The Editorial Board reserves the right to refuse papers whose contents do not meet the requirements; reasons for refusal will not be discussed. Manuscripts, whose execution does not meet the requirements, will not be examined.

If a manuscript is returned to its author for improvement, it does not mean that the material is accepted for publication. When the improved text is received, the manuscript will be examined by the Editorial Board once again.

The date of paper receipt is the date of the final manuscript version receipt.

Papers of postgraduate students and doctoral candidates are published out of order, if they are in full compliance with the requirements for scientific publications.

Papers are published in the journal free of charge.

Authors take responsibility for sending already published papers or papers accepted for publication by other editions.

Each paper must be accompanied by:

– a review made by a candidate or a doctor of science, an expert in the relevant field;

– a recommendation of the relevant department (institution);

– an expert report of the relevant department/ institution confirming the possibility of an open publication the material;

– an application (author's surname, name, patronymic, position, academic degree and title, full name of the institution (organization), name of the series and the topic area, phone numbers and address, including E-mail. If a paper is written by a group of authors, information about each of them is submitted separately and the main author's surname is highlighted in bold).

Papers should be sent to the Editorial Board address. If a paper is received by e-mail, it will be registered only after the submission of a hard copy.

AUTHORS OF SCIENTIFIC MATERIALS MUST REMEMBER:

1. A set of documents, one hard copy of the paper, format A4, and one soft copy of the paper recorded as a file on a CD-ROM should be sent by post to the leading editor (Khokhol Helena Gerasimovna) at the following address: 225404, Brest region, Baranovichi, 21 Voykov St. Authors from Baranovichi can bring their documents themselves.

2. Technical characteristics of the paper execution:

– paper size — 14 000-17 000 characters (not less than 0.35 publisher's sheet-copies) with punctuation marks, space characters, figures and etc.;

– line spacing — 10 mm; margins: left — 30 mm, top, right and bottom — 20 mm. Pages should not be numbered, page numbers are written in pencil at the foot of the page face. Only portrait mode is accepted; neither ordinary nor final references are allowed in the paper; word hyphenations are not allowed; typeface — Times New Roman, main text — 12 fonts, additional text (annotation, summary, UDK, information about author, picture captions, table titles and content, list of sources) — 10 fonts; line spacing — one-and-a-half.

3. Contents and execution of compulsory elements of a paper:

– index of the Universal Decimal Classification (UDC);

– information about authors;

– paper title;

– annotation (executed according to the GOST 7.9.-95

System of standards on information, librarianship and publishing. Summary and annotation. General requirements (medium size — 500 characters));

– main text (justified alignment, necessary elements of the text should be marked by special typefaces (“bold-face”, “italics”));

– summary;

– tables (table title should be left-aligned. Table size should not exceed 130 mm in width; format of newspaper page. It should be numbered (Arabic numerals) through the list; if there is one table in the paper, it should be entitled “Table 1”. It's necessary to put “dash” after the number and before the table title. All the tables should have references in the text and be marked by the word “table” with a number;

– formulae (all the formulae, all the Greek characters and others used in formulae should be typed in Word or MathType. Formula size should not exceed 130 mm in width. If a part of the formula is hyphenated, the following line should begin with the symbol of the previous mathematical operation. Numbered formulae are included in a separate line; formula number should be right-aligned. Only formulae with references should be numbered);

– pictures (pictures and diagrams should be presented on separate sheets with the number of a picture and the name of a picture soft copy written in pencil on the back (soft copy in jpg, format of newspaper page (not more than 130 mm), black-and-white); picture captions should be indicated on the same sheets. Pictures,

diagrams and graphs in MS Excel should not include color fills, contours, and fills in grey gradation. Pictures should be numbered (Arabic numerals) through the list, it's necessary to put “dash” and add a signature after the number. If there is only one picture, it should be entitled “Picture 1”. Every picture should have a reference (entire word) with a number;

– bibliographical lists (information about sources should be specified by order of references' appearance in the paper and numbered (Arabic numerals) with an indent point ([1, p. 30]), entitled “List of used resources” and executed in compliance with the GOST 7.1-2003 Bibliographic record. Bibliographic description. General requirements and rules of execution).

Paper execution example

UDC

V. N. Ivanov
Educational institution
“Baranovichi State University”,
Baranovichi, Belarus

FEATURES OF KNOWLEDGE CONTROL

Annotation in Russian.

Preface. Text text text text text text text text text text text text.

Methodology and research methods. Text text text text text text text text text text text text text text text text text.

Organization of the research. Text text text text text text text text text text text text text text text text text.

Research results and their discussion. Text text text text text text text text text text text text text text text text text.

Conclusion. Text text text text text text text text text text text text text text text text text.

List of sources

1. Kalney, V. A. Basics of professional work training methods/ V. A. Kalney, V. S. Kapralova, V. A. Palnov; edit. by V. A. Poliakov. — M.: Prosveshchenie, 1987. — 191 p.

Summary in English.

List of approved symbols and abbreviations

4. It isn't allowed to present the same result as a picture (a diagram, a graph or other) and as a table.

5. It isn't allowed to use in the main text two or more characters “dash” in succession; indents made by “Tabulation” or space bar.

6. It's necessary to insert in the main text: 1) inseparable blank between author's surname and initials (V. A. Ivanov), and also between generally used abbreviations etc.; 2) hyphens (“-”), minuses (“-”) and dashes (“—”).

7. In compliance with the requirements of the Editorial Board, it's necessary to add the list of used symbols and abbreviations.

8. The author(s) must put the date and the signature(s) at the end of the paper and state that this paper was not published before.

Application example

Surname _____
Name _____
Patronymic _____
Position _____
Academic degree _____
Academic title _____
Full name of the institution (organization) _____

Series _____
Topic area _____
Telephone _____
Address _____
E-mail _____

Научно-практический ежеквартальный журнал

Вестник БарГУ

**Серия: ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Ведущий редактор *Е. Г. Хохол*
Технический редактор *В. В. Кукреш*
Корректор *С. А. Березнюк*
Компьютерная вёрстка *В. В. Кукреш*

Подписано в печать 23.12.2013.
Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 15,13. Уч.-изд. л. 9,1.
Заказ 236. Тираж 100 экз.

ЛИ02330/0552803 от 09.02.2010
Издатель: учреждение образования
«Барановичский государственный университет»,
225404, г. Барановичи, ул. Войкова, 21.

ЛП02330/0494160 от 03.04.2009
Отпечатано в филиале № 1 ОАО «Красная звезда»,
225409, г. Барановичи, ул. Советская, 80.

Quarterly scientific and practical journal

BarSU Herald

**Series: HISTORY OF SCIENCE AND ARCHAEOLOGY.
ECONOMICS. LAWS**

Leading Editor *E. G. Khokhol*
Technical Editor *V. V. Kukresh*
Literary Editor *S. A. Bereznuik*
Computer-aided makeup *V. V. Kukresh*

Approved for printing 23.12.2013.
Size 60 × 84 1/8. Offset paper.
Typeface Times.
Conditional sheets 15,13. Publisher's signatures 9,1.
Order 236. Circulation of 100 copies.

EDITORIAL LICENSE 02330/0552803 of 09.02.2010
Editor and printing:
Educational institution "Baranovichi State University",
225404, Baranovichi, 21 Voykov St.

PRINTING LICENSE 02330/0494160 of 03.04.2009
Editor and printing branch № 1 of JSC "Krasnaja zvezda",
225409, Baranovichi, 80 Sovetskaja St.